

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Р. А. Каламкарян

Г. М. Лановая

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Монография

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2021

УДК 341
ББК 67.91
К17

Рецензенты:

первый заместитель директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве Российской
Федерации доктор юридических наук, профессор **А. Я. Капустин**;
заведующий кафедрой международного права МГИМО
МИД России доктор юридических наук, профессор **А. Н. Вылегжанин**

Каламкарян, Р. А.

К17 Международный договор как основа стабильно-
сти системы современных международных правоот-
ношений : монография / Р. А. Каламкарян, Г. М. Лано-
вая. – М. : Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя, 2021. – 295 с.
ISBN 978-5-9694-1115-9

Монография раскрывает значимость международного договора как юридического акта по упорядочению межгосударственных отношений на основе верховенства права; показывается вклад Российской Федерации в дело обеспечения международной законности и правопорядка.

Монография предназначена для сотрудников правоохранительных, внешнеполитических и внешнеэкономических ведомств Российской Федерации.

УДК 341
ББК 67.91

ISBN 978-5-9694-1115-9

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021
© Каламкарян Р. А., Лановая Г. М., 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
-----------------------	----------

Часть I. Применение международных договоров во времени

Глава I. Принцип неретроактивности – общий принцип действия международных договоров во времени.....	8
--	----------

1. Юридическая сущность принципа неретроактивности международных договоров	28
2. Исключения из принципа неретроактивности международных договоров	33

Глава II. Права и обязанности участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств.....	41
--	-----------

1. Права и обязанности участвующих в переговорах государств.....	44
2. Права и обязанности договаривающихся государств	88

Глава III. Применение последовательных заключенных международных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.....	98
--	-----------

1. Договорная практика государств по применению последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.....	109
2. Принципы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, в науке международного права.....	143

Часть II. Применение международных договоров в пространстве (миропорядка на основе верховенства, господства права Rule of Law)

Глава I. Заключение международных договоров как первая стадия пространственного применения международных договоров	165
---	------------

Глава II. Выполнение международных договоров как вторая стадия пространственного применения международных договоров	225
Заключение	288
Библиографический список	292

ВВЕДЕНИЕ

Современное международное право как результат взаимосогласования волеизъявлений суверенов-государств в их качестве членов мирового сообщества образуется и реально действует по факту договорно-правового оформления их отношений. Международный договор как заключенное субъектами международного права письменное соглашение под любым наименованием и документальным оформлением, регулируемое международным правом, создает собой оптимальный способ упорядочения взаимодействия государств в направлении миропорядка на основе верховенства права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.).

В режиме объективной констатации обозначен факт формирования в рамках системы современного международного права целостного по форме и заключенного по содержанию свода юридических норм по регулированию договорных отношений государств – Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров.

Упорядоченный в формате 85 статей документ представляет собой юридический кодификационный акт в специальной области международных правоотношений государств – договорно-правовой. Международно-правовое позиционирование Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров по всему формату договорно-правовых отношений государств создает собой целостный по объему регулирования и законченный в смысле решаемости всех проблем договорного взаимодействия государств институционный режим предметного регулирования конкретной отрасли современного международного права – право международных договоров.

В параметрах действующего международного права, где на первый план вполне обоснованно выдвигается принцип суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН), право международных договоров имманентно присуще суверенитету государств – создателям и исполнителям договорно-правовых предписаний. Параллельно с процессами образования предметной деятельности государств на мирной арене осуществляется процесс конкретного применения международных договоров. Выработанный на основе принципа суверенного равенства государств и принципа равноправия и самоопределения народов кодификационный акт (Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров) создал целостный международно-правовой режим по применению и по обеспечению добросовестного выполнения международных договоров во времени и пространстве. При обстоятельствах, когда Международный суд как главный судебный орган Организации Объединенных Наций выполняет возложенную на него миссию по обеспечению права, ст. 66 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров формирует реальные юридико-правовые основания для сторон в споре (относительно применения императивных принципов современного международного права *jus cogens*) обеспечить через обращение в Международный суд выполнимость в режиме принципа добросовестности всего комплекса норм современного международного права.

Право международных договоров на своем концептуальном и практическом уровнях предметно проявляет себя в формате применения международных договоров во времени и пространстве. Действительно, именно режим применения международных договоров во времени (в аспекте принципа неретроактивности международных договоров; прав и обязанностей участвующих в переговорах государств и договаривающихся

государств; применения последовательно заключенных международных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу) и режим применения международных договоров в пространстве (в аспекте принципа добросовестности *bona fide*) выводят государства-члены мирового сообщества на путь всестороннего выполнения принятых на себя обязательств по Уставу ООН в порядке обеспечения им всем в совокупности права и преимущества по факту принадлежности к составу членов Организации Объединенных Наций (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Всестороннее соблюдение обязательств согласно действующим и действительным международным договорам в сочетании с повышением роли Международного суда (как органа по обеспечению права) создает реальный юридический посыл по поддержанию режима верховенства права в системе современных международных правоотношений.

ЧАСТЬ I

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ ВО ВРЕМЕНИ

ГЛАВА I

Принцип неретроактивности – общий принцип действия международных договоров во времени

Создание всеобъемлющей системы международной безопасности возможно на путях обеспечения доверия между государствами. Установление и поддержание взаимного доверия выступают в качестве неотъемлемого компонента отношений между государствами.

В международно-правовом плане доверие между государствами может быть обеспечено тогда, когда общим правилом межгосударственных отношений является добросовестное поведение государств в качестве членов международного сообщества. Такое поведение – широкое понятие, включающее в себя комплекс юридических обязанностей государств. Прежде всего оно предполагает построение межгосударственных договорных связей в полном соответствии с Уставом ООН, положениями современного международного права. Учитывая значение, которое имеет Устав ООН как универсальный договор особого рода, государства обязаны, строить свои договорные отношения таким образом, чтобы заключаемые международные договоры соответствовали постановлениям Устава и тем самым содействовали укреплению духа взаимопонимания и сотрудничества между государствами. Международно-правовые обязательства государств по Уставу ООН, как известно, имеют преимущественную силу по отношению к обязательствам по

какому-либо другому международному соглашению. Это общепризнанное положение во временном плане касается как международных договоров, которые предполагается заключить в будущем, так и тех, которые были заключены ранее по времени, чем сам Устав ООН. Иными словами, государства должны привести свои договорные обязательства по заключенным ранее по времени международным договорам в соответствие с их обязательствами по Уставу ООН.

Доверие между государствами может быть обеспечено на основе добросовестного выполнения государствами своих обязанностей во временном промежутке, включающем в себя процесс заключения договоров и своих обязательств после вступления договора в силу по отношению к уже действующим договорам. Фактор времени играет здесь свою роль в том, что касается установления статуса самих государств и определения круга обязанностей, которые возлагаются на государства в силу необходимости поддержания добросовестного последовательного поведения государств на стадии заключения договора и на стадии соблюдения уже действующего договора. Так, применительно к промежутку, который включает весь процесс заключения договора от даты изъясления согласия в форме соответствующего соглашения сторон по поводу вступления в переговоры в целях выработки определенного договора и вплоть до даты вступления договора в силу, действует обязанность соблюдать объект и цель, договора. Государства, которых касается эта обязанность, имеют статус участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств. Что же касается промежутка времени после вступления договора в силу, то здесь действует обязанность добросовестного выполнения договора в целом, всех его постановлений. В этом временном промежутке государства выступают в статусе участников договоров.

Заклучая между собой договоры в политической, экономической, научной и других областях, государства предполагают, что урегулирование на договорно-правовой основе той или иной области их взаимоотношений обращено во временном плане в будущее. Договоры, как известно, не имеют обратной силы. Принцип неретроактивности договоров является здесь общим принципом.

Всеобщее понимание того, что положения договора обязательны для участника договора в отношении любого действия, факта или ситуации, которые имели место только после даты вступления договора в силу для указанного участника, содействует установлению доверительных отношений между государствами. Климат доверия между сторонами создается в результате уверенности сторон в том, что лишь при наличии намерения самих государств, зафиксированного в соответствующей договорно-правовой форме, постановления договора могут по времени распространяться на действия, факты или ситуации, которые имели место до официального вступления договора в силу.

Как вопрос о неретроактивности международных договоров, так и проблема прав и обязанностей государств до вступления договора в силу, проблема соотношения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, содержат в себе фактор времени. Применительно к заключению договоров он предполагает, что до даты официального вступления договора в силу государства на основе принципа добросовестности должны воздерживаться от каких-либо действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Относительно же стадии применения договоров временной фактор проявляет себя здесь в двух аспектах. Во-первых, он предопределяет общий принцип, согласно которому договоры не имеют обратной силы. Положения договора не обязательны для участ-

ника договора в отношении любого действия, факта или ситуации, которые имели место до даты вступления договора в силу. Во-вторых, в рамках решения проблемы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, временной фактор проявляет себя здесь не в признании недействительным последующего договора в случае имеющегося расхождении в той или иной степени с постановлениями предыдущего договора, а в урегулировании всей проблемы применения последовательно заключенных договоров па основе принципа приоритета исполнения того или иного договора.

В рамках концептуально обозначенной цели ставится задача рассмотреть комплекс тех теоретических проблем права международных договоров, которые неизбежно возникают па стадии заключения, вступления в силу и применения договоров в свете фактора времени.

Каждый отрезок времени в праве международных договоров имеет свои собственные особенности в плане международно-правовых последствий. В его пределах на государства возлагаются специфические обязанности, предоставляются строго определенные права. Применительно к временным стадиям заключения и применения договоров в работе исследуются права и обязанности участвующих в переговорах и договаривающихся государств, принцип неретроактивности договоров и проблема применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу. При этом речь идет о применении последовательно заключенных договоров именно действующих и действительных с точки зрения международного права. Суверенитет государства в аспекте верховенства на всем пространственном протяжении государства устанавливает формат территориальной сферы применения международных договоров. Принцип добросовестности в сочетании с принципом *pacta sunt*

servanda во временном промежутке после вступления договора в силу предписывает всестороннее соблюдение договоров.

Само право международных договоров – тема, достаточно изученная и исследованная в международно-правовой науке. В научной литературе имеется значительное количество работ общего характера по праву договоров, специальных работ по таким отдельным аспектам права договоров, как, например, оговорки к международным договорам, юридическая обязательность международных договоров, условия недействительности договоров, действие договоров в отношении третьих государств, соотношение международного договора и международного обычая. Однако проблема временного фактора в том ракурсе, в каком это сделано в данной работе, пока оставалась практически вне поля исследований.

Достаточно сказать, что специальных монографических исследований фактора времени в праве договоров в зарубежной литературе по международному праву имеются всего две. Имеются в виду книга французского юриста Л. Тавернье «Исследование по применению во времени актов и норм в международном публичном праве»¹ и монография юриста из ФРГ Ф. Моптага «Международные договоры с предварительным действием»². Следует упомянуть также доклад бразильского юриста Ж. Б. до Насимейто э Силва на тему «Фактор времени и договоры», прочитанный им в Гаагской академии международного права³. Имеются отдельные статьи и разделы в книгах по

¹ Tavernier P. Recherches sur l'application des le tempts des actes et des regles en droit international public. P., 1970

² Montag F. Volkerrechtliche Verträge mit vorläufigen Wirkungen. B., 1986

³ Nascimento e Silva G. E. do. Le facteur tempts et les traites // Recueil des Cours. 1977. La Haye, 1978. T. 154. P. 217-297. (Далее: RdC)

тем или иным теоретическим аспектам права международных договоров, затрагиваемым в данном исследовании.

Что касается российской науки международного права, то в ней специальные монографические исследования, посвященные рассмотрению фактора времени в праве международных договоров, отсутствуют. Тематика исследуемого вопроса потребовала системного анализа работы Комиссии международного права ООН в 1953–1966 гг., когда в ней проводилась работа по кодификации права договоров, а также деятельности Венской дипломатической конференции. 1968–1969 гг., на которой была принята Венская конвенция 1969 г. о праве договоров, являющаяся в настоящее время действующим международно-правовым актом.

Поскольку непосредственным предметом академических изысканий является исследование определенных аспектов права международных договоров исключительно в отношениях между государствами, поскольку постановления Венской конвенции 1986 г. о праве международных договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями аналогичны постановлениям Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, постольку представляется нецелесообразным останавливаться на постановлениях Венской конвенции 1986 г. Концептуальный формат исследования обозначен по линии всестороннего анализа докладов трех специальных докладчиков по праву договоров Комиссии международного права (Х. Лаутерпахта, Д. Фицмориса, Х. Уолдока) в том, что касается проблемы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, а также проблемы установления круга прав и обязанностей государств в отношении объекта и цели договора до-вступления договора в силу.

Для поддержания отношений стабильности и доверия государства обязаны придерживаться добросовестного поведения в отношении соблюдения всего комплекса обязательств, возлагаемых на них современным международным правом, в том числе во временном аспекте, как показано ниже. Во-первых, должны исключаться случаи расхождения или несовместимости между обязательствами государств, вытекающими для них из договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, но заключенных в разные промежутки времени. Во-вторых, государства, исходя из обязанности добросовестного поведения, обязаны воздерживаться от каких-либо действий, которые лишали бы договор его объекта и цели до вступления договора в силу. Поэтому начиная с момента изъавления согласия на основе предварительной договоренности сторон вступить в переговоры с целью составления, принятия и подписания договора они призваны соблюдать основополагающие постановления договора, в частности объект и цель договора. Под объектом договора здесь понимается все то, по поводу чего государства вступают в договорные связи между собой. Цель договора представляет собой конкретный и конечный результат взаимодействия согласованных волей государств, заключивших международный договор.

Любая работа по праву договоров имеет присущее ей практическое значение. Не является исключением и данное академическое исследование, если учесть малую разработанность в науке международного права рассмотренных в книге проблем. Выводы, содержащиеся в работе, могут быть использованы российскими внешнеполитическими органами в их практической деятельности.

Международное право требует от государств строгого выполнения международно-правовых норм. Предполагается, что такие нормы должны соблюдаться государствами с момента их (норм) возникновения. Из этого следует, что нормы междуна-

родного права не имеют обратной силы. Нормативное содержание международного правопорядка само по себе исключает обратную силу норм поведения государств, ведь норма, которая не находится в силе в момент, когда поведение государств реализуется и наличие которой в такой момент даже не предполагается государством, не в состоянии установить правило поведения для государства, обязанного соотносить свое поведение с международным правом. Именно в этом заключается нормативная функция международно-правовой нормы. Допускать без каких-либо специально на то предусмотренных предписаний обратную силу международно-правовых норм означало бы, как справедливо отмечает в этой связи швейцарский юрист Д. Биндшедлер-Робер, ставить под вопрос само существование международного права, лишая его присущего ему качества «долженствования»⁴.

Другой швейцарский юрист, П. Гугеихейм, выдвигает в этой связи следующее соображение: «Международное право и созданный на его основе международный правопорядок, как, впрочем, и любой другой правопорядок, регулируется на основе принципа неретроактивности»⁵.

Таким образом, когда утверждают, что правопорядок, установленный на основе международного права, отвергает обратную силу международно-правовых норм и регулируется на основе принципа неретроактивности, основываются не только на ссылке на «общие принципы права»⁶, но и на более глубоких

⁴ Bindschedler-Robert D. De la retroactivite en droit international public // Recueil d'études en hommages a P. Guggenheim. Geneve, 1968. P. 185

⁵ Guggenheim P. Traite de droit international public. Geneve, 1953. Vol. 1. P. 2

⁶ Dolbes L. Les principes generaux du contentieux international. P., 1962. P. 246; Tavernier P. Recherches sur l'application dans le temps des actes et des regles en droit international public. P., 1970. P. 166-171

причинах, которые заложены в самой нормативной сущности международного права.

При этом обратная сила международно-правовых норм не всегда исключается. Правильнее говорить, что существует презумпция неретроактивности договоров. Другими словами, предполагается, что норма международного права не имеет обратной силы при условии, если не присутствует противоположное намерение государств. Именно в этом состоит суть постановлений ст. 28 Венской конвенции 1969 г.

Допуская в особых случаях возможность придания обратной силы тем или иным договорным нормам, международное право не устанавливает каких-либо специальных ограничений в отношении ретроактивного действия договоров.

Международное обычное право не запрещает государствам придавать соответствующим договорным нормам обратную силу⁷. В целом государства по взаимному согласию могут придать обратную силу отдельным договорным постановлениям или всему договору, хотя это и рассматривается как исключение из общего правила.

Как общий принцип действия международных договоров во времени принцип неретроактивности подтверждается обширной договорной практикой государств, он нашел свое подтверждение и в международной судебной и арбитражной практике, широко признается в науке международного права. Наконец, принцип неретроактивности закреплён в ст. 28 Венской конвенции 1969 г.

Как свидетельствует анализ межгосударственной договорной практики, случаи, когда государства в явной форме фикси-

⁷ Kelsen H. Principles of International Law. N. Y., 1952. P. 95; Guggenheim P. Op. cit. P. 109

ровали в международных договорах положение об их неретроактивности, крайне редки.

Так, французский юрист-международник П. Тавернье в специальной монографии указывает, что из рассмотренных им 1802 договоров только 165 из них обладали ретроактивным действием, т. е. 9,1 % от общего числа исследованных договоров имели обратную силу. Свыше 3/4 из общего количества договоров, которые имели обратную силу (т. е. 77 %), обладали ретроактивным действием па период, не превышающий одного года, а подавляющее количество из 165 договоров с ретроактивным действием (именно 96 %) имели обратную силу сроком менее пяти лет. Кроме того, половина всех договоров, имевших обратную силу (т. е. 49, %), обладала ретроактивным действием сроком от одного дня до трех месяцев⁸. Таким образом, государства, желая в явной форме зафиксировать в тексте договоров свое намерение придать им обратную силу, не стремятся особо расширять срок ретроактивного действия международных договоров.

Итак, во-первых, можно утверждать, что общим принципом договорного права является правило о неретроактивности международных договоров, а придание обратной силы договорам всего лишь исключение из общего правила. Во-вторых, можно представить всю проблему по-другому, а именно возможно заключить, что стороны договора зафиксировали в явной форме обратную силу действия договоров потому, что не существует вообще принципа неретроактивности международных договоров. И наконец, не возбраняется утверждать следующее: факт исключительно небольшого количества договоров с обратной силой действия лишь подтверждает то, что принципом является ретроак-

⁸ Tavernier P. Op. cit. P. 39-43

тивность договоров, поэтому нет необходимости фиксировать данное положение в тексте договоров. Если государства все-таки сочли необходимым записать соответствующее положение, то это обстоятельство является лишь подтверждением якобы всеобщего существующего принципа ретроактивности договоров.

Наиболее обоснованным выводом из всех трех возможных заключений относительно весьма малого количества договоров с обратной силой представляется вывод, что общим правилом межгосударственной договорной практики является неретроактивность договоров, а факты придания государствами договорам обратной силы являются всего лишь исключением из этого общего правила. Случаи ретроактивного действия ряда межгосударственных договоров обусловлены исключительно их соответствующей функциональной направленностью, поэтому никак не отражают общего направления межгосударственной договорной практики. Там, где ретроактивность договоров зафиксирована в явной форме, она представляется особо необходимой. Главным образом это касается договоров, относящихся к экономической области в широком понимании этого термина. Такая чисто функциональная направленность ретроактивного действия отдельных международных договоров позволяет заключить, что государства, предусматривая обратную силу соответствующих договорных положений, рассматривали это обстоятельство как исключение из общего правила неретроактивности межгосударственных договоров.

Существование общего принципа неретроактивности норм международного права (при отсутствии иного намерения со стороны государств) подтверждается анализом практики международных судебных и арбитражных органов. Наиболее известным примером арбитражного решения в этом плане является решение международного арбитража по делу об о-ве Паль-

мас. Содержание указанного принципа было выражено в решении следующим образом: «Обе стороны также пришли к согласию о том, что юридический факт должен оцениваться в свете современного ему права, а не того права, которое действовало в то время, когда связанный с ним спор возник или не смог быть разрешен»⁹.

Общий принцип неретроактивности международно-правовых норм неоднократно подтверждался решениями международных судебных органов в частности решениями Постоянной палаты международного правосудия (решение от 24 мая 1926 г.)¹⁰, Международного суда ООН (например, решение по делу о правах граждан США в Марокко от 27 августа 1952 г.)¹¹.

В качестве примера приведем решение Международного суда ООН по «делу Амбатиелос» от 1 июля 1952 г. В нем суд отверг утверждение Греции о том, что суд обязан, согласно договору 1926 г., принять дело к производству на основании актов, имевших место в 1922 и 1923 гг. Признание юридически обоснованными доводов Греции, записал суд в своем решении, придало бы обратную силу договору 1926 г.¹².

Таким образом, именно момент, когда произошел определенный факт, юридические последствия которого надлежало определить Международному суду, должен являться решающим для выявления применимой во времени правовой нормы. Отсюда следует, что именно норма, действующая в момент существования акта, о незаконном характере, которого утверждает одна из сторон, и должна быть применена для оценки право-

⁹ Nations Unies: Recueil des Sentences Arbitrales. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 828, 845

¹⁰ Cour Permanente de Justice International. Serie A. 1926. N 7. P. 41. (Далее: CPJI)

¹¹ Cour International de Justice. Recueil 1952. P. 183, 188. (Далее: CIJ)

¹² Ibid. P. 40

мерности этого акта. Данная норма не обязательно должна олицетворять собой то право, которое находится в силе в момент возникновения спора относительно законности этого акта. Спор может возникнуть если не после самого акта, о незаконности которого утверждает одна из сторон, то, по крайней мере, после фактов, обуславливающих характер этого акта. Перейдем теперь к рассмотрению вопроса об общем принципе неретроактивности. Позиция советских юристов-международников относительно этого принципа и более специального принципа неретроактивности договоров выражена в концентрированном виде в монографии профессора А. Н. Талалаева «Международные договоры в современном мире». Исходя из положений ст. 28 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, автор приходит к выводу, что признанным правилом международного договорного права является правило неретроактивности договоров: международные договоры обратной силы не имеют¹³.

В работах зарубежных юристов-международников принцип неретроактивности рассматривался до последнего времени в общей форме и довольно поверхностно. Из работ иностранных авторов следует прежде всего отметить уже упоминавшееся выше специальное монографическое исследование П. Тавернье; работу Д. Биндшедлер-Робер «К вопросу о ретроактивности в международном публичном праве»; работу французского юриста Ш. Руссо «Общие принципы международного публичного права», в специальном разделе которой под названием «Применение договоров во времени» сначала исследуется сам принцип неретроактивности, а затем исключения из него; статью Г. Бааде, который рассматривает вопрос о ретроактивности в более

¹³ См.: Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 116

широком контексте межвременного фактора не только в международном праве, но и в сравнительном праве¹⁴. Речь идет о наиболее солидных работах по исследуемому вопросу. Помимо этого, он рассматривался в работах П. Гугенхейма, Г. Кельзена, А. Фердросса, Ж. Маскелена и Ф. Риго¹⁵.

В работах всех указанных авторов обосновывается необходимость принципа неретроактивности международно-правовых норм как неотъемлемого элемента всего международного правопорядка. Вместе с тем отмечается, что в конвенционном праве присутствует лишь презумпция неретроактивности договоров. Не существует такой императивной обычноправовой нормы, которая бы запрещала государствам по взаимному согласию придать отдельным договорам обратную силу. Таково общее мнение подавляющего числа юристов.

В то же время отдельные представители науки международного права ставят под вопрос существование принципа неретроактивности: такая позиция выражена в работах некоторых итальянских юристов, которые, отрицая значимость межвременного фактора в международном праве, отвергают и существование принципа неретроактивности. Характерна точка зрения А. Кавальери и Д. Анцилотти: в международном праве существуют вопросы, касающиеся применения международно-правовых норм во времени, однако они регулируются или посредством явно выраженных на этот счет договорных постановлений, или посред-

¹⁴ Tavernier P. Op. cit.; Bindschedler-Robert D. Op. cit.; Rousseau Ch. *Principes generaux du droit international public*. P., 1944. T. 1. P. 485-505; Baade H. W. *Intertemporalis Volkerrecht // Jahrbuch fur Internationales Recht*. 1958. Vol. 7, N 2/3. P. 229-256

¹⁵ Guggenheim P. Op. cit. P. 109; Kelsen H. Op. cit. P. 95; Masquelin J., Rigaux F. *Force obligatoire et application dans le temps des conventions internationales modifiant un des trates ayant institue les Communautes europeennes // Cahiers de droit europeen*. 1968. N 3. P. 276-288

ством толкования конкретного волеизъявления государств от случая к случаю¹⁶. Отсюда следует, что в международном праве не существует специальной совокупности юридических норм, которые регулировали бы применение договоров во времени.

Таким образом, основное возражение, выдвигаемое итальянскими юристами против принципа неретроактивности, состоит в той роли, которую они придают принципу автономии воли государств, зафиксированной сторонами в договоре. Речь идет не о явно выраженной воле государств в отношении возможности ретроактивного или неретроактивного действия договора, а о подразумеваемой воле. Выявлять подразумеваемую волю государств должны международные судебные и арбитражные органы. Тем самым чрезмерно повышалась роль последних как органов по мирному урегулированию межгосударственных споров относительно применения договоров во времени.

Однако попытка выявления подразумеваемой воли сторон международного договора при отсутствии явно выраженных договорных постановлений на этот счет на практике часто приводит к необходимости обращения к тем принципам, возможность существования которых отрицалась. То же самое случилось и с теоретическими построениями указанных авторов. Отрицая в общем плане существование специальных международно-правовых норм, регулирующих применение международных договоров во времени и как следствие этого существование принципа неретроактивности, А. Кавальери вынужден все-таки прийти к пониманию логической необходимости принципа неретроактивности, в частности в отношении

¹⁶ Cavaglieri A. La notion des droits acquis et son application en droit international public // *Revue generale de droit international public*. 1931. N 1. P. 257-296 (Далее: RGDIP); Anzilotti D. *Cours de droit international*. P., 1929. P. 93-96

правопреемства государств. Он, в частности, ссылается на «общий принцип неретроактивности юридических норм» и определяет его как «элементарный принцип логики и справедливости, который требует того, чтобы юридические ситуации рассматривались в свете международно-правовых норм, действующих в момент, когда эти ситуации сформировались. Всякое юридическое отношение, будучи создано, включает и привносит с собой хронологический элемент, который следует принимать во внимание каждый раз, когда необходимо оценить действительность и эффективность этого самого отношения»¹⁷.

Таким образом, даже те немногие представители зарубежной доктрины международного права, которые возражали против существования общего принципа неретроактивности в договорном праве под предлогом, что в основе разрешения вопроса о применимости той или иной нормы договора во времени лежит процедура изыскания подразумеваемой воли договаривающихся государств посредством процесса толкования, вынуждены все-таки признавать правомерность существования принципа: неретроактивности международных договоров как основополагающего принципа логики и справедливости.

Понимание необходимости принципа неретроактивности в праве международных договоров было проявлено в процессе выработки в Комиссии международного права конвенции о праве международных договоров, а также при проведении и 1968–1969 гг. дипломатической конференции по выработке текста Венской конвенции 1969 г. по праву международных договоров. Расхождения между учеными касались только конкретной формулировки принципа неретроактивности и никак

¹⁷ Cavaglieri A. Op. cit. P. 286

не затрагивали самого существа проблемы. Так, уместно отметить, что ни одно из государств на дипломатической конференции по праву международных договоров не ставило под сомнение сам принцип неретроактивности.

Изложенное подтверждает значимость данного принципа в праве международных договоров и показывает, что без принципа неретроактивности договоров вся система договорного права была бы лишена своей эффективности в плане поддержания стабильных и доверительных отношений между государствами.

Выработанный на дипломатической конференции текст ст. 28 Конвенции о неретроактивности международных договоров был весьма близок по своему содержанию с текстом ст. 24 окончательного Проекта статей по праву международных договоров, подготовленного Комиссией международного права ООН в 1966 г. Статья 28 Конвенции повторяет основные положения ст. 24 Проекта статей 1966 г. с небольшими редакционными исправлениями. Так, в последней содержание принципа неретроактивности было изложено следующим образом: «Если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия, или факта, или любой ситуации, которая перестала существовать до даты вступления договора в силу для указанного участника»¹⁸.

Повторяя в общих чертах содержание ст. 24 Проекта статей, ст. 28 Конвенции 1969 г. о праве международных договоров определяет принцип «международные договоры не имеют обратной силы» в следующих выражениях: «Если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом,

¹⁸ Yearbook of the International Law Commission, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 211. (Далее: YILC)

то положения договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты»¹⁹.

Комиссия международного права ООН в окончательном Проекте статей по праву международных договоров 1966 г. ограничилась фиксацией общего принципа неретроактивности договоров. Предполагалось, что положения общего принципа неретроактивности международных договоров будут одинаково применимы и к будущей Конвенции 1969 г. Действительно, без какого-либо специального упоминания на этот счет в Конвенции положения ст. 28 могли бы применяться и в отношении ее самой. Однако в ходе проведения дипломатической конференции некоторые государства высказали обеспокоенность возможностью ретроактивного применения положения конвенции об обязательных способах урегулирования споров, возникающих как следствие исполнения договоров, заключенных до вступления в силу Венской конвенции 1969 г. Поэтому было признано целесообразным включить в ее текст ст. 4, гласящую, что Конвенция не имеет обратной силы. В ст. 4 говорится следующее: «Без ущерба для применения любых норм, изложенных в настоящей Конвенции, под действие которых подпадали бы договоры в силу международного права независимо от Конвенции, она применяется только к договорам, заключенным государствами после ее вступления в силу в отношении этих государств».

Венская конвенция 1969 г. является сводом международно-правовых норм в области договорного права. Возникает вполне

¹⁹ Работа Комиссии международного права ООН. Нью-Йорк, 1973. С. 220–243

законный вопрос о том, насколько основополагающие принципы, зафиксированные в Конвенции, применение которых предполагается в свете фактора времени, применимы сами в отношении положений самой Конвенции. В ст. 4 ясно указывается на то, что основополагающие юридические принципы, установленные в Конвенции и предполагаемые к их применению во времени, действительно применимы и к самой Конвенции. Другими словами, принцип неретроактивности договоров, зафиксированный в ст. 28, применим в силу положений в ст. 4 и в отношении всего документа. Положения ст. 4 имеют особую значимость в той мере, в какой речь идет о процессе выработки новых международно-правовых норм.

Что касается норм обычного международного права, которые действуют независимо от Конвенции, то здесь ее положения, в частности в отношении применения принципа неретроактивности, согласно ст. 4 и 28, имеют меньшую значимость. В данном случае действуют уже установившиеся обычные международно-правовые нормы. Венская конвенция 1969 г. подчеркивает, что она действует без ущерба для применения любых норм, изложенных в ней, под действие которых подпадали договоры в силу международного права независимо от Конвенции. В этом плане весьма примечательно заявление шведского юриста М. Соренсена, сделанное в его докладе в Институте международного права в 1973 г.: «С учетом того, что Венская конвенция сама является международным договором, регулируемым договорным правом, возникает необходимость узнать, насколько принципы, зафиксированные в конвенции и касающиеся применения конвенционного положения *ratione temporis*, применимы по отношению к самим положениям, записанным в Венской конвенции. Этот вопрос имеет ограниченное значение в той мере, в какой она кодифицирует уже действующее обыч-

ное право. Вместе с тем в той мере, в какой она создает новые нормы, данный вопрос принимает всю свою значимость»²⁰.

Венская конвенция 1969 г. четко и ясно устанавливает принцип: международные договоры обратной силы не имеют. В то же время отдельные ее положения могут создать впечатление того, что они составляют собой исключения из принципа неретроактивности международных договоров. Речь идет прежде всего о правиле, зафиксированном в ст. 18, об обязанности государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу. Однако в действительности правило, записанное в ст. 18, является не исключением из принципа неретроактивности договоров, следствием международного обязательства обычно правового характера, вытекающего из принципа добросовестности и предполагающего в данном случае обязанность государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения или если оно выразило согласие на обязательность для него договора до вступления договора в силу. Принимая во внимание значение обязанности государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу как фактора, содействующего укреплению мира и развитию международного сотрудничества, СССР голосовал на Дипломатической конференции по праву международных договоров за включение ст. 18 в текст Венской конвенции 1969 г.²¹.

В договорном праве существует установившееся правило, согласно которому отдельные положения международного до-

²⁰ *Annuaire de L'Institut de Droit International*. Bale, 1973. P. 7

²¹ Талалаев А. Н. Право международных договоров: общие вопросы. М., 1980. С. 145

говора (в частности, заключительная его часть), регулирующие установление аутентичности его текста, выражение согласия государств на, обязательность для них договора, порядок или дату вступления договора в силу, оговорки, функции депозитария, применяются с момента принятия текста договора. Это правило зафиксировано в п. 4 ст. 24 Венской конвенции. Оно является примером того, что может (так же, как и правило, зафиксированное в ст. 18) расцениваться на первый взгляд как исключение из принципа неретроактивности международных договоров. Дело в том, что положения заключительной части договора становятся обязательными для государств до вступления договора в силу.

Казалось бы, положения заключительной части международного договора обладают обратной силой действия, будучи применимы до момента официального вступления в силу самого договора. Обязательность этих положений проистекает не из самого договора (ибо договор еще в силу не вступил), а из обычно-правовой нормы, нашедшей свое закрепление в п. 4 ст. 24 Венской конвенции 1969 г.

1. Юридическая сущность принципа неретроактивности международных договоров

Вопросу о юридической сущности принципа неретроактивности, международных договоров в науке международного права уделено мало внимания. Из тех авторов (а таких, как уже указывалось выше, подавляющее большинство), которые признают существование данного принципа в договорном праве, лишь немногие анализируют его юридическую сущность и значение.

В российской науке международного права вопрос о юридической сущности принципа неретроактивности вообще не поднимался. В тех немногих работах, где данный принцип рас-

сма­три­вал­ся, про­сто кон­ста­ти­ро­вал­ось, что прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти яв­ля­ет­ся об­щим пра­ви­лом до­го­во­р­но­го пра­ва.

В ра­бо­тах ино­странных ав­то­ров, ис­сле­до­вав­ших прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти до­го­во­ров, во­прос о юри­дичес­кой су­щности дан­но­го прин­ципа рас­сма­три­ва­ет­ся лишь в той ме­ре, в ка­кой это не­об­хо­ди­мо для кон­ста­та­ции то­го, что прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти сле­ду­ет счи­тать од­ним из «об­щих прин­ципов пра­ва» со­глас­но п. 1 «с» ст. 38 Ста­ту­та Ме­ж­ду­на­род­но­го су­да ООН, имен­но так пи­шут П. Та­вер­нье, ан­глий­ский юрист Р. Джен­нин­гс, П. Гу­ген­хейм²².

Мно­гие юри­сты от­ме­ча­ют, что прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти при­ме­ним как во внут­рен­нем за­ко­но­да­тель­стве го­су­дарств, так и в ме­ж­ду­на­род­ном пра­ве.

Прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти был вос­при­ят ме­ж­ду­на­род­ным пра­вом из на­ци­о­наль­но­го пра­ва. Извест­но, что от­дель­ные прин­ципы внут­рен­не­го пра­ва, под­твер­ж­ден­ные об­щей прак­ти­кой го­су­дарств, по­сред­ством обы­чая или до­го­во­ра, вос­при­ни­ма­ют­ся ме­ж­ду­на­род­ным пра­вом. По­сколь­ку прин­цип не­ре­тро­ак­тив­но­сти до­го­во­ров рас­сма­три­ва­ет­ся обы­чно в кон­тек­сте «об­щих прин­ципов пра­ва», пред­став­ля­ет ин­те­рес во­прос о том, на­сколь­ко воз­мож­но рас­сма­три­вать этот прин­цип в све­те по­ло­же­ний п. 1 «с» ст. 38 Ста­ту­та Ме­ж­ду­на­род­но­го су­да. В этой свя­зи сна­ча­ла нуж­но крат­ко рас­смот­реть бо­лее ши­ро­кий во­прос о том, что же по­ни­ма­ет­ся под са­мим по­ня­ти­ем «об­щие прин­ципы пра­ва». Эта про­бле­ма до­ста­точ­но ос­но­ва­тель­но изу­че­на в рос­сий­ской ме­ж­ду­на­род­но­пра­во­вой нау­ке. Ее ис­сле­до­ва­ли мно­гие вид­ные рос­сий­ские юри­

²² Tavernier P. Op. cit. P. 166-171; Jeninngs R. The Acquisition of Territory in International Law. Manchester, 1963. P. 28; Guggenheim P. Op. cit. P. 109

сты, в частности В. Н. Дурденевский, В. М. Корецкий, Д. Б. Левин, Н. М. Минасян, Г. И. Тункин²³.

Большинство российских ученых справедливо считают, что п. 1 «с» ст. 38 Статута Международного суда не имеет в виду какой-то особый источник международного права или какую-либо особую форму создания международно-правовых норм. «Общие принципы права» рассматриваются не иначе как принципы международного права.

Принцип неретроактивности договоров широко воспринят в современной договорной практике, он содействует упрочению доверия в межгосударственных отношениях. Без определения границ эффективного применения договорных норм во времени невозможно обеспечить «правовую безопасность» сторон, под которой понимается стремление государств поддерживать порядок и стабильность в их взаимоотношениях друг с другом. В этом плане принцип неретроактивности договоров вполне вписывается в понятие «общих принципов права», которые признаны таковыми всеми государствами мира.

Основное значение принципа неретроактивности договоров состоит, таким образом, в поддержании стабильности и устойчивости межгосударственных отношений, что может быть обеспечено только при условии строгого соблюдения действующих договорных постановлений. Так, предполагается, что при отсутствии четких положений об обратной силе междуна-

²³ Корецкий В.М. «Общие принципы права» в международном праве. К., 1957; Дурденевский В.Н. Пять принципов // Междунар. жизнь. 1956. № 3.; Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М., 1958. С. 100-101; Минасян Н.М. Сущность современного международного права. Ростов н/Д, 1962. С. 177; Тункин Г.И. Основы современного международного права. М., 1956. С. 4; Он же. Теория международного права. М., 1970. С. 215-230

родный договор не обладает ретроактивным действием. Договор становится эффективным только с момента его вступления в силу: В таком случае постановления договора не обязательны для участника договора в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты. Иначе говоря, договор не применим к актам или фактам, которые закончены, или к ситуациям, которые перестали существовать до даты вступления договора в силу. Вместе с тем, если факт, акт или ситуация, которые имели место, или возникли до вступления договора в силу, или продолжают себя проявлять, или вообще существуют после того, как договор вступил в силу, то они подпадают под действие принципа неретроактивности договоров и соответственно под действие ст. 28 Венской конвенции 1969 г.

Урегулирование отношений между государствами на основе постановлений, зафиксированных в международном договоре, начинается с момента официального вступления договора в силу. Стабильность межгосударственных отношений обеспечивается здесь общим пониманием сторон договора в том смысле, что его постановления направлены в будущее и не вносят каких-либо нежелательных изменений в правовое положение сторон, существовавшее до момента вступления договора в силу.

Значительное место в обеспечении безопасности и устойчивости международно-правовых отношений на основе применения правила неретроактивности договоров отводится принципу добросовестности. В чем же конкретно здесь проявляется себя этот принцип? Предполагается, что государство, изъявляя свое согласие на участие в договоре, полагалось на то, что постановления договора не будут распространяться и соответственно не будут обязательны для данного участника договора в

отношении любого действия, факта или ситуации, которые имели место или перестали существовать до даты вступления договора в силу. Если противоположная сторона — участник договора предпримет какие-либо акции, чтобы распространить сферу применения договора на действия, факты или ситуацию, которые имели место или перестали существовать до даты официального вступления договора в силу, такие следует расценивать не иначе как нарушение принципа добросовестности со стороны этого государства.

Итак, принцип добросовестности в контексте применения договора во времени предполагает, что ни один из участников договора не будет предпринимать акции, которые ставят своей целью придать договору обратную силу, в нарушение согласованного на взаимной основе волеизъявления государств, нашедшего свое закрепление в тексте договора. Основное назначение принципа добросовестности в данном аспекте состоит в том, чтобы исключить возможность ретроактивного действия договоров, которое может повлечь за собой нанесение ущерба взаимным интересам сторон. «Принцип добросовестности занимает важное место в вопросе неретроактивности международных договоров», — справедливо отметил видный испанский юрист Г. Кампос, представлявший свою страну на Венской дипломатической конференции по праву договоров²⁴.

Определив значение принципа неретроактивности как фактора по поддержанию устойчивости межгосударственных договорных взаимоотношений, подчеркнем еще раз следующее обстоятельство: данный принцип, являясь общим правилом договорных отношений, допускает в виде исключения при наличии

²⁴ Цит. по: Tavernier P. Op. cit. P. 172

явно выраженного в международном договоре согласованного мнения сторон возможность обратной силы договорных постановлений. Всякие исключения из принципа неретроактивности, однако, должны толковаться в ограничительном варианте.

2. Исключения из принципа неретроактивности международных договоров

Международное право, устанавливая общий принцип неретроактивности международных договоров, допускает такую возможность, когда стороны на основе взаимного согласия могут распространить действие договора на любые события или факты, которые имели место до даты официального вступления договора в силу. В ст. 28 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров содержится на этот счет двойная оговорка. Вместо обычной оговорки, как это, например, зафиксировано в ст. 16 конвенции («если договором не предусмотрено иное»), в ней говорится: «если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом». Тем самым ст. 28 допускает, что положение об обратной силе может в явной форме предусматриваться в самом договоре или же быть установлено из существа договора, другими словами, вытекать из постановлений международного документа, каким является межгосударственное соглашение. Двойная формула установления обратной силы международного договора прямо подтверждается практикой Международного суда ООН. Так, в «деле Амбатиелос» Международный суд ООН признал, что договор может обладать ретроактивным действием, если существует «явно выраженная

оговорка или особая причина, вызывающая необходимость обратного действия международного договора»²⁵.

В качестве причин, побуждающих государства придавать обратную силу договорам, как правило, выступают необходимость обеспечить на основе дополнительного соглашения толкование спорных положений основного договора; необходимость правового урегулирования ситуации, сложившейся до момента заключения соответствующего международного соглашения.

Дополнительные соглашения и специальные соглашения о толковании, обеспечивающие толкование основного договора. В практике межгосударственных отношений случается, что государства, заключив основной международный договор, пришли к пониманию необходимости обеспечить толкование спорных положений данного основного договора. В этих целях они впоследствии в зависимости от конкретного случая заключают дополнительное или специальное соглашение о толковании, которое наделяется ретроактивным действием, начиная с даты вступления в силу основного договора, подлежащего толкованию. Обратная сила действия соглашения толковательного характера здесь вполне объяснима: стороны намеревались подтвердить или внести ясность в договорные постановления ранее принятого основного договора. Наиболее целесообразным решением всей проблемы толкования основного договора с помощью заключенного впоследствии между сторонами дополнительного соглашения или специального соглашения о толковании является зафиксированное в явной форме положение о его обратной силе.

В дополнительных или специальных соглашениях о толковании положения об их обратной силе прямо предусмотрены в

²⁵ Recueil C.I.J. 1952. P. 40

тексте. Вместе с тем в договорной практике встречаются случаи заключения государствами и таких соглашений толковательного характера, в которых отсутствуют положения об их обратной силе, но которые призваны тем не менее обеспечить толкование ранее заключенного основного договора. Отсюда возникает вопрос, насколько возможно рассматривать такие соглашения как имеющие обратную силу. Международная судебная практика и наука международного права склоняются к точке зрения, согласно которой соглашения толковательного характера, дополняющие основной договор, даже при отсутствии явных положений на этот счет, всегда имеют обратную силу действия в том смысле, что основной договор, являющийся объектом толкования, наделяется содержанием, которое ему придает соглашение толковательного характера²⁶.

Международные судебные и арбитражные органы в своих решениях, ученые в своих работах, высказываясь в пользу придания обратной силы соглашениям толковательного характера, не содержащим на этот счет каких-либо специальных постановлений, исходят из самой сущности и функциональной направленности соглашений толковательного характера (основная цель которых, подчеркиваем еще раз, состоит в обеспечении толкования ранее подписанного основного договора). В комментариях Комиссии международного права ООН к ст. 24 окончательного Проекта статей по праву международных договоров (ст. 28 Венской конвенции 1969 г.) допускается возможность обратной силы определенных договорных положений

²⁶ См., напр.: Перетерский И.С. Толкование международных договоров. М., 1959. С. 55; *Tavernier P.* Op. cit. P. 46; Betti E. Interpretazione della legge e degli atti giuridici. Milano, 1949. P. 347; Bentivoglio L. La funzione interpretative nell'ordinamento internazionale. Milano, 1958. P. 107-108

даже при отсутствии специального указания на этот счет в тексте самого соглашения, когда сама сущность соответствующего документа предполагает наличие у него обратной силы. Так, возможны случаи, когда «сам характер договора, а не только его особые постановления свидетельствуют до некоторой степени об его обратной силе»²⁷. В случаях же с соглашениями толковательного характера, отмечает румынский юрист И. Войну, именно сама природа соглашения свидетельствует о ретроактивном характере его положений²⁸. Процедуру толкования, осуществляемую на основе соглашения толковательного характера, заключенного государствами-участниками ранее подписанного основного договора, обычно называют аутентичным толкованием.

Необходимость правового урегулирования ситуации, сложившейся до момента заключения соответствующего международного соглашения. Обратная сила конвенционных норм может иметь место также в случае правопреемства государств в отношении международных договоров, как это предполагается в ст. 7 Венской конвенции 1978 г. о правопреемстве государств в отношении договоров: «Государство-преемник может в момент выражения своего согласия быть связанным настоящей Конвенцией или в любой последующий момент сделать заявление, что оно будет применять ее положения к своему собственному правопреемству государств, наступившему до вступления настоящей Конвенции в силу, в своих взаимоотношениях с любым другим государством-участником Конвенции, которое делает заявление о своем согласии с указанным заявлением этого государства-преемника. С даты вступления Конвенции в силу между государствами, сделавшими заявления, или с даты заяв-

²⁷ YILC. 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. 212-213

²⁸ Voicu I. L'interpretation authentique des traites internationaux. P., 1968. P. 192

ления о согласии – в зависимости от того, какая из них является более поздней, – положения настоящей Конвенции будут применяться к последствиям правопреемства государств с момента этого правопреемства государств».

Случаи исключения из принципа неретроактивности международных договоров не ограничиваются только соглашениями толковательного характера и правопреемством государств в отношении договоров. Обратная сила договорных норм предусматривалась в соглашениях, регулирующих правовой режим пребывания и функционирования вооруженных сил ООН. Сторонами этих соглашений выступали, с одной стороны, ООН, а с другой – государства, на территории которых расквартировывались вооруженные силы ООН, а также государства, которые направляли свои военные контингенты в состав вооруженных сил ООН.

Рассмотрим сначала соглашения между ООН и государствами пребывания вооруженных сил ООН. Так, в соглашении о правовом статусе Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Ближнем Востоке, которые находились в Египте в связи с англо-франко-израильской агрессией против этой страны в 1956 г.), заключенном генеральным секретарем ООН путем обмена письмами с министерством иностранных дел Египта 8 февраля 1957 г., предусматривалось, что «соглашение вошло в силу с момента прибытия в Египет первых контингентов Чрезвычайных вооруженных сил»²⁹. А так как первые контингенты ЧВС ООН стали прибывать в Египет уже 15 ноября 1956 г., то отсюда следовало, что соглашение от 8 февраля 1957 г. имело обратную силу сроком около трех месяцев.

²⁹ См.: Семенов В.С. Вооруженные силы ООН. М., 1976. С. 68-69. Poitier P. La Force Internationale d'Urgence. P., 1962. P. 354-366; Doc. N. U. A/3526

Как отмечалось выше, обратная сила договорно-правовых норм предусматривалась и в соглашениях между ООН и государствами, направлявшими свои военные контингенты в состав вооруженных сил ООН. Такие соглашения заключались следующим образом. Генеральный секретарь ООН направлял каждому из государств, предоставлявших свои военные контингенты, соответствующее послание, в котором обуславливались основные направления организации и деятельности вооруженных сил ООН (в виде приложения послание генерального секретаря ООН дополняло соглашение между ООН и государством пребывания вооруженных сил ООН, регулировавшее их правовой статус в данной стране). В своих ответных нотах на имя генерального секретаря ООН государства, предоставлявшие свои военные контингенты в состав вооруженных сил ООН, изъявляли свое согласие со всеми изложенными в его послании условиями. Указанные соглашения заключались уже после направления национальных военных контингентов в состав вооруженных сил ООН. Что же касается момента вступления их в силу, то все они обладали ретроактивностью, ибо этот момент наступал в день, когда национальный военный контингент покидал свою собственную территорию, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей в составе вооруженных сил ООН³⁰.

Ретроактивная сила соглашений подобного рода объясняется здесь тем обстоятельством, что операции по поддержанию мира требуют непосредственного выражения согласия самих заинтересованных государств, даже когда это согласие проявляет себя *post factum*, т. е. уже после направления этим государством своих военных контингенте п. Как отмечает в этой связи французский го-

³⁰ Семенов В.С. Указ. соч. С. 69; Poitier P. Op. cit. P. 330

рист Ш. Шомон в работе «О правовом положении государств-членов в отношении ЧВС ООН», «письменное соглашение здесь только санкционирует обмен волеизъявлениями, реализуемый с момента направления национальных контингентов»³¹.

Анализ отечественной договорной практики свидетельствует о наличии случаев ретроактивного действия договоров³².

От договоров ретроактивного характера следует отличать такие, которые, хотя и относятся к прошлому, не предусматривают обратной силы действия договорно-правовой нормы.

В подобных случаях ссылка на ситуацию, имевшую место в прошлом, просто помогает определить объект обязательства. Речь идет о международных договорах, устанавливающих обязательство реституции. Примером могут служить мирные договоры 1947 г., заключенные после окончания второй мировой войны. Зафиксированные в мирных договорах обязательства по реституции ни в коей мере не свидетельствуют о ретроактивном характере действия нормы поведения, установленной положениями данных мирных договоров. Обязательства, вытекающие из мирных договоров, относятся к будущему поведению государств. В случаях с мирными договорами речь не идет даже о намерении внести изменения ретроактивным образом в фактическую ситуацию, существовавшую между определенным фактом, имевшим место в прошлом, и моментом вхождения договора в силу.

Иначе обстоит дело с определением того, заключено ли обязательство по реституции во исполнение уже существовав-

³¹ Chaumont Ch. La situation juridique des Etats membres a l'égard de la force d'Urgence des Nations Unies // *Annuaire français de droit international*. 1958. P., 1959. Vol. 4. P. 432. (Далее: AFDI)

³² См., напр., Торговое соглашение между СССР и Марокко от 3 июля 1973 г. (ст. II) и Соглашение между СССР и НРБ о взаимной охране авторских прав от 16 января 1975 г. (ст. II)

шего ранее обязательства или обязательства, имеющего обратную силу. Такое конкретное обязательство, каким является обязательство по реституции, в силу положений мирных договоров не носит характера обязательства во исполнение уже существовавшего ранее обязательства или обязательства с обратной силой, а имеет вполне конкретную направленность на выполнение обязательств в будущем. Таким образом, полностью исключается возможность рассмотрения мирных договоров в плане их ретроактивного применения.

Рассмотрение принципа неретроактивности договоров как общего принципа действия международных договоров во времени подводит нас к необходимости анализа двух проблем, имеющего важное значение для поддержания доверительных и стабильных отношений между государствами: права и обязанности участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, применение последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

ГЛАВА II

Права и обязанности участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств

Как известно, международный договор является основой для правового регулирования всей системы сотрудничества между государствами. Говоря о необходимости обеспечения устойчивости международных договорных связей, обычно подразумевают добросовестное выполнение принятых обязательств, вытекающих из заключенных действующих и действительных договоров. Прежде всего, это касается самих участников международных договоров, т. е. тех государств, которые согласились на обязательность для них договора и для которых договор находится в силе.

Однако обеспечение стабильности международных договорных связей понимается нами в более широком плане. Имеется в виду недопустимость нарушения объекта и цели договора до непосредственной даты его вступления в силу. Такая обязанность распространяется на участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства. Подчеркнем, что, согласно ст. 2 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, понятие «участвующее в переговорах государство» означает государство, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора, а понятие «договаривающееся государство» — государство, которое согласилось на обязательность для него договора независимо от того, вступил ли договор в силу или нет. Таким образом, в сферу действия международно-правовой обязанности не лишать договор его объекта и цели попадает период времени, непосредственно предшествующий официальному вступлению договора в силу.

Во временном плане имеются два вида: во-первых, период времени от изъяснения государствами согласия на основе предварительной договоренности в форме соглашения сторон вступить в дипломатические переговоры по составлению и принятию текста договора вплоть до завершения переговоров по его выработке и подписания под условием ратификации, принятия или утверждения; во-вторых, период времени от изъяснения государством согласия на обязательность для него договора и вплоть до непосредственной даты вступления договора в силу.

В юридическом смысле содержание обязательств участников договора, с одной стороны, и участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, с другой стороны, разделяются следующим образом. В отношении участников договоров действует обязательство *pacta sunt servanda*, согласно которому «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» (ст. 26 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров). Что касается участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, то здесь действует обязанность не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу {ст. 18 указанной конвенции). Другими словами, если применительно к участникам действует обязательство по соблюдению всего договора в целом (поскольку договор является действующим и уже вступил в силу), то в отношении участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств действует обязанность не нарушать положения уже принятого, подписанного и ратифицированного (в случае, когда подписание осуществлялось под условием ратификации) текста договора в том, что касается наиболее значимых его постановлений (объект и цель договора) и лишь постольку, поскольку он пока еще не вступил в силу.

Различие в объеме обязательств предопределяет определенное различие в содержании и направленности корреспондирующих им прав. Можно вполне обоснованно говорить об определенном различии в правовом статусе участников договора, участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств.

Исследование статуса трех указанных категорий государств, занятых в той или иной степени в выработке и применении международных договоров, происходило в международно-правовой науке не в одинаковом темпе и объеме. Основное внимание уделялось правам и обязанностям участников договоров. Права и обязанности участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств именно в их непосредственном «промежуточном» статусе (в качестве государства участвующего в международном договорном акте на первоначальном этапе)³³ практически не изучались.

В работах, посвященных процессу заключения договоров, вопрос о правах и обязанностях участвующих в переговорах и договаривающихся государств сам по себе отдельно не рассматривался. Он как бы расплывался в исследовании таких проблем, как принятие текста договора, установление аутентичности текста договора, подписание и ратификация договора. Между тем применительно к правам и обязанностям участвующих в переговорах и договаривающихся государств требовалось внесение ясности в следующие спорные проблемы: юридические последствия для сторон, изъявивших согласие вступить в переговоры с целью заключения договора и принимавших участие

³³ См. консультативное заключение Международного суда ООН от 28 мая 1951 г. по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него: *Cour International de Justice. Rocioil* 11)51. P. 28. (Далее: CIJ)

в составлении и принятии текста договора; юридические последствия для государства, подписавшего договор под условием ратификации, принятия или утверждения; юридические последствия для государства, изъявившего согласие на обязательность для него договора, который пока еще не вступил в силу; юридическая обязательность договора, не содержащего указаний в отношении того, является ли акт подписания или ратификации проявлением согласия на обязательность договора.

1. Права и обязанности участвующих в переговорах государств

Современное международное право распространяет свое действие на такую сферу деятельности государств, как заключение договора. Императивные принципы международного права регулируют весь процесс заключения договоров, включая стадию переговоров, стадию составления и принятия текста договора, стадию подписания и сам процесс изъявления согласия государств на обязательность для него договора.

Распространение действия основных международно-правовых принципов на процесс заключения договоров предполагает, что переговоры с целью заключить договор должны вестись на основе уважения принципов равенства, невмешательства, недопустимости угрозы силой, справедливого учета взаимных интересов и позиций сторон. Соответственно являются незаконными обманные действия, попытки подкупа представителя государства, а также попытки навязать свои интересы другим государствам в ущерб принципу справедливости. В качестве примера того, в каком духе должны проходить переговоры по заключению договора, можно сослаться на решение международного арбитража от 26 января 1972 г. по спору меж-

ду ФРГ и Грецией. В заключительной части решения, в частности, говорилось: «Обе стороны обязаны вести себя таким образом, чтобы в ходе переговоров были применены принципы согласия с целью достижения урегулирования, которое было бы удовлетворительным и справедливым для всех сторон»³⁴.

В общем плане взаимная заинтересованность сторон, достигнутая в результате соответствующей договоренности между государствами, в отношении выработки приемлемого и справедливого для всех сторон текста договора и соответственно в отношении последующего успешного функционирования правового механизма на основе такого договора предполагает, что на протяжении всего периода времени, непосредственно предшествующего вступлению договора в силу, стороны будут воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы лишить договор его объекта и цели. Иначе говоря, общая заинтересованность государств заключить договор, признанный урегулировать определенную область их взаимных отношений, заранее предопределяет недопустимость нарушения таких основополагающих его постановлений, как объект и цель договора и период времени, непосредственно предшествующий вступлению договора в силу.

Действительно, при наличии определенной договоренности об обеспечении применения договора в нормальной и должной в соответствии с международным правом форме возможно ли вообще говорить о том, что со стороны этих государств могут быть допущены действия, которые лишили бы объекта и цели желаемого ими самими договора? Необходимость соблюдения государствами линии поведения, выраженной ими в форме предваритель-

³⁴ Guyomar G. Tribunal d'Arbitrage de L'Accord sur les dettes exterieures aUemandes // AFDI.4973. P., 1974. P. 536

ной договоренности и впоследствии воплощенной в договорно-правовом акте, исключает действия участвующих в переговорах государств (в период времени, предшествующий вступлению договора в силу), могущих повлечь за собой нанесение ущерба основополагающим постановлениям договора, которые зафиксированы в статьях, составляющих собой объект и цель договора.

Чем же объясняется такое положение вещей в отношении соблюдения линии поведения государств в период времени, предшествующий вступлению договора в силу? Во-первых, уже само намерение государств выработать общеприемлемый для всех текст договора, который поело вступления его в силу смог бы регулировать соответствующую область их взаимоотношений, предполагает определенную последовательность в их поведении на протяжении всего периода времени вплоть до даты вступления договора в силу. Во-вторых, в случае с нормой международного права, применимой в отношении вступивших в силу договоров, которая предусматривает, что договор должен выполняться *добросовестным* образом, и в случае с поведением государств на протяжении всего периода времени от изъяснения согласия на вступление в переговоры с целью заключения соответствующего договора и вплоть до даты его официального вступления в силу действуют сходные международно-правовые нормы. Они предполагают, что государства будут добросовестно придерживаться линии поведения, выразившейся в даче первоначального согласия в форме соответствующего соглашения об участии в переговорах, с целью заключения определенного договора, а также в согласии с принятым текстом договора и, наконец, в акте подписания договора.

Подчеркнем, что речь идет не об обязательстве результата (имеется в виду обязательство достичь в обязательном порядке и обеспечить наступление в силу соответствующего договора),

а об обязательстве придерживаться определенной линии поведения, которая проявила себя в соглашении сторон вступить в дипломатические переговоры по составлению текста договора, в согласии с принятым текстом договора, а также в согласии, выраженном в акте подписания договора. В принципе государство вправе отказаться от ратификации договора, подписанного под условием последней.

Но до тех пор пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником договора, государство должно придерживаться определенной последовательной линии поведения в отношении основополагающих его постановлений, проявившей себя на протяжении всего периода, который предшествовал его вступлению в силу. Какова же юридическая основа для такого рода обязательства в отношении поддержания определенной линии поведения, проявившей себя на протяжении всего периода заключения договора?

Юридическая природа обязанностей государств в течение всего периода заключения международного договора зиждется на принципе добросовестности и на принципах общего международного права. Как в российской, так и зарубежной международно-правовой литературе признается, что принцип добросовестности, отвечая всем требованиям, предъявляемым к основным принципам международного права, к его императивным нормам, устанавливает определенные требования к правотворческому процессу, его содержанию, результатам и форме³⁵. Так, например, немец-

35 См.: Лукашук И.-И. Об обязательствах из соглашения о переговорах // Советский ежегодник международного права, 1962. М., 1963. С. 120; Cot. J.-P. La bonne foi et la conclusion des traités // Revue belge de droit international. Bruxelles, 1968. N 1. p. 142—159; Bernhardt R. Volkerrechtliche Bindungen in der Vorstadion des Vertragsschlusses // Zeitschrift für ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht. 1958. Band 18. N° 4. P. 652—690. (Далее: ZaoRV)

кий юрист Р. Бернхардт писал: «В процессе, ведущем к окончательному заключению или отрицательному исходу в выработке договора, между его участниками существует юридическая связь, основанная на принципе добросовестности, из которого можно вывести обязательства позитивного характера в отношении соблюдения определенной линии поведения»³⁶.

Французский юрист Ж.-П. Кот, рассматривая принцип добросовестности в качестве одного из основных принципов международного права, утверждал, что данный принцип регулирует всю стадию выработки договора в ходе международных дипломатических переговоров: как непосредственно заключение договора, так и всю процедуру заключения договора³⁷. Имеется в виду, что в первом случае государства должны придерживаться добросовестного поведения при прохождении всех этапов заключения договора, а во втором должны воздерживаться от каких бы то ни было действий, которые помешали бы последующему применению договора. Другой французский юрист, Э. Золлер, в монографии «Принцип добросовестности в международном публичном праве» также указывала на то, что принцип добросовестности применим ко всему процессу заключения договора как в период проведения дипломатических переговоров по составлению и принятию текста договора на основе соответствующей договоренности между сторонами, так и в промежутке времени между подписанием и вступлением договора в силу³⁸. Наконец, Международный суд ООН в решении от 1974 г. также определил, что принцип добросовестности распространяет свое действие и на процесс создания международ-

³⁶ Bernhardt R. Op. cit. P. 654

³⁷ Cot J. P. Op. cit. P. 141

³⁸ Zoller E. La bonne loi en droit international public. P., 1977. P. 49

ных обязательств вне зависимости от источника их происхождения (в данном случае имеется в виду процесс заключения договоров). Так, и решении суда сказано: «Одним из основополагающих принципов, регулирующих *процессы создания* и исполнения юридических обязательств независимо от их источника, является *принцип добросовестности – bonne foi*»³⁹ (курсив наш – Р. К.). Таким образом, в пауке международного права получила широкое распространение точка зрения, согласно которой всему процессу создания договорно-правовых норм надлежит осуществляться на основе принципа добросовестности. Предполагается, что этот процесс должен быть справедливым и по форме и по содержанию. Данное требование предусматривает, как уже говорилось, применение на всей стадии заключения договора вплоть до вступления договора в силу таких международно-правовых принципов, как принцип равенства и принцип учета на справедливой основе взаимных интересов всех сторон.

Дипломатические переговоры по заключению международного договора, в ходе проведения которых стороны участвуют в составлении, принятии текста договора, часто являются длительными. Будучи вправе заключать или не заключать договор государства на всем протяжении переговоров до того, как они окончательно выразят взаимное согласие па обязательность для них данного договора, в принципе могут всегда выйти из переговоров и тем самым прекратить свое участие в составлении и принятии текста. Однако интересы международного сообщества государств, необходимость поддержания общего климата взаимного доверия и уверенности между государствами, ведущими дипломатические переговоры, требуют от участвующих в переговорах го-

³⁹ Yearbook of the international Court of Justice, 1974—1975. Hague, 1975. P. 114—115. (Далее: YICJ)

сударств, чтобы до тех пор, пока они не выразят ясно своего намерения не стать участником данного договора, эти государства придерживались определенной линии поведения, которая проявила себя в ходе составления, принятия и подписания договора.

Предписывая соответствующие обязанности в отношении участвующих в переговорах государств, международное право предусматривает определенные критерии, которым должны соответствовать ведущиеся между ними дипломатические переговоры с целью заключения договора. Достигать договора следует в полном соответствии с императивными положениями современного международного права, честными методами, без проявления обмана, подкупа представителей государств, попыток навязывания силой своих узкокорыстных интересов другим государствам в ущерб последним.

Противоправные акции ставят под вопрос развитие плодотворного и равноправного сотрудничества государств в духе Устава ООН. Они прямо запрещаются международным правом. Таким образом, прогрессивные постановления современного международного права (в том числе и принцип добросовестности), с одной стороны, запрещают противоправные действия государств в ходе ведущихся дипломатических переговоров по заключению договора, а с другой — предусматривают обязанность и требуют от государств соблюдения в своем поведении последовательности, равноправия, а также справедливого учета государственных интересов и позиции других участников переговоров.

Как уже отмечалось, международные дипломатические переговоры с целью заключения договора должны проходить в общем климате доверия, прямоты, без стремления причинить вред или нанести ущерб в какой-либо форме другой стороне — участнику переговоров. Согласно действующему международному праву, обман влечет за собой признание недействительно-

сти договора, заключенного под его влиянием. Конечно, как констатирует французский юрист А. Орезон в работе «Обман в процессе заключения договоров», в современном праве международных договоров государства редко ссылаются на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность договора⁴⁰. Однако надо учесть, что если раньше в колониальную эпоху в договорной практике колониальных держав встречались достаточно часто случаи прямого обмана, то в настоящее время обман может принимать закамуфлированные формы. Это вынужден в конечном счете признать в заключении своей работы и сам французский автор⁴¹.

Международно-правовой санкцией за обман, как известно, является признание недействительности международного договора. Однако при этом надо отметить, что эта санкции в отношении как намерения причинить ущерб другой стороне, так и использования обманных действий при заключении международного договора носит относительный характер. Ведь в обоих случаях государство, явившееся объектом обманных действий со стороны другого государства, может сослаться на недействительность договора, если оно является его участником.

Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров посвящает этому вопросу две статьи. В частности, ст. 49 предусматривает следующее: «Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе сослаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора». Вместе с тем ст. 50 уста-

⁴⁰ *Oraison A.* Le dol dans la conclusion des traites // *Revue generale de droit international public.* 1971. N 3. P. 617—673. (Далее: HGDIP)

⁴¹ *Ibid.* P. 670

навливают, что «если согласие государства на обязательность для него договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим участвовавшим в переговорах государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности его согласия на обязательность для него такого договора».

Обман «не просто влияет на согласие, которое было дано другой стороной в отношении постановлений данного соглашения, он разрушает все основание взаимного доверия, достигнутого между сторонами»⁴². В равной степени обман представляет собой явное нарушение принципа добросовестности, предписывающего сторонам обязанность действовать в духе лояльности и открытости.

Рассматривая принцип добросовестности в качестве элемента взаимного доверия, которое должно присутствовать на переговорах по выработке договора, следует констатировать, что по своему конкретному юридическому содержанию принцип добросовестности проявляет себя в обязанностях двух типов: во-первых, в обязанности воздерживаться от определенных действий, которые могли бы лишить вырабатываемый сторонами договор его объекта и цели и тем самым сделать весьма проблематичным достижение определенного договора; во-вторых, в обязанности положительного характера, предполагающей необходимость вести переговоры по заключению договора на основе достигнутой на этот счет договоренности в форме соответствующего соглашения сторон, с соблюдением принципов равенства, справедливости и лояльного отношения к

⁴² YILC. 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 244

интересам и позиции других сторон, с честным намерением прийти к взаимоприемлемому соглашению.

Обязательство действовать на основе принципа добросовестности в ходе переговоров по заключению договора было зафиксировано в ст. 15 окончательного текста Проекта статей по праву международных договоров, подготовленного Комиссией международного права ООН в 1966 г.⁴³ «Государство обязано воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намеряемого договора, если: а) оно согласилось вступить в переговоры с целью заключения договора, когда такие переговоры уже ведутся...» В комментарии к статье уточнялось, что она покрывает собой период с момента, как государство изъявило согласие вступить в переговоры с целью заключения договора. Обязательство воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы уничтожить объект договора, сохраняет силу на протяжении всего времени, пока ведутся дипломатические переговоры⁴⁴.

В чем же могут проявлять себя действия подобного рода? Анализ международной судебной практики позволяет дать примеры действий участвующих в переговорах государств, рассматриваемых как противоправные и нарушающие возложенную на них обязанность не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.

Пример первый. Государство А вступило в переговоры с государством Б с целью заключения договора, на основе кото-

⁴³ См. соответственно ст. 17 проектов Комиссии по праву международных договоров от 1962 и 1965 гг.: *Annuaire de la Commission du droit international*. 1962. N. Y., 1964. Vol. 2. P. 193 (Далее: ACDI); *YILC*. 1965. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 161

⁴⁴ *YILC*. 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 202.

рого, как предполагалось, государство А должно было уступить государству Б часть своей территории. Между тем государство А в то время, пока продолжались переговоры, в прямое нарушение объекта заключаемого договора с государством Б уступило соответствующую часть своей территории государству В.

Пример второй. Государство А и государство Б подписали международный договор под условием последующей ратификации. Согласно этому договору, государство А обязывалось в обмен на соответствующее денежное возмещение передать собственность граждан государства Б, которая была реквизирована в ходе военных действий. Однако непосредственно перед ратификацией государство А в прямое нарушение объекта уже подписанного договора начало продажу реквизированной собственности.

Обязанность участвующего в переговорах государства воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели до вступления его в силу, к сожалению, не нашла абсолютно должного закрепления в тексте Венской конвенции 1969 г. в том, что касается круга государств, к которым обращена эта обязанность. В ходе Венской дипломатической конференции по праву договоров в 1968—1969 гг. незначительным большинством голосов было решено изъять из текста ст. 15 окончательного проекта Конвенции, подготовленного Комиссией международного права в 1966 г., пункт «а» и, тем самым ограничить сферу применения обязанности не лишать договор его объекта и цели периодом, начиная с акта подписания договора.

Таким образом, из сферы правового регулирования статьи, устанавливающей обязанность государств не лишать договор его объекта и цели, изымалось время с момента вступления в переговоры с целью заключения договора и вплоть до акта его подписания. Доводом, который выдвигался рядом держав против п. «а» ст. 15, служило утверждение о том, что норма, зафик-

сированная в п. «а», якобы составляет собой новый принцип международного права и поэтому выходит за рамки задачи кодификации права договоров. Далее говорилось, что норма, заложенная в п. «а» ст. 15 проекта 1966 г., якобы ограничивает суверенные права и свободу государств изменять свою точку зрения и поэтому сделает их менее расположенными вступать в переговоры с целью заключения соответствующего договора. В этом же духе было выдержано заявление, поступившее от ряда участников дипломатической конференции. В нем утверждалось, что распространение обязанности не лишать договор его объекта и цели на временной промежуток, на протяжении которого ведутся переговоры по заключению договора, якобы непропорционально увеличит объем обязательств государств, тем более что сам договор находится еще в процессе выработки, а переговоры еще не закончены⁴⁵.

В доктрине международного права «опасения» такого рода по поводу «новизны» нормы, зафиксированной в п. «а» ст. 15, можно было найти в работах некоторых зарубежных юристов, например в работе юриста из ФРГ В. Морвея. По мнению этого ученого, обязанность государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу не распространяется на государства, которые изъявили согласие вступить в переговоры с целью заключения определенного договора в течение периода их проведения, и на государства, которые подписали договор под условием последующей ратификации.. Считая постановление ст. 15 окончательного проекта Конвенции, выработанного Комиссией международного права в 1966 г., выходящими за рамки задачи по кодификации права договоров, поставленной

⁴⁵ Zoller E. Op. cit. P. 55–56.

перед комиссией, он предложил ограничить сферу применения этой статьи только государствами, которые изъявили согласие на обязательность для них договора, и тем самым ограничить область применения обязанности не лишать договор его объекта и цели промежутком времени начиная с даты изъясления государствами согласия на обязательность для них договора⁴⁶.

Выдвигая это предложение, В. Морвей тем самым полностью исключал необходимость применения этого положения к государствам, изъявившим в форме соответствующего соглашения свое согласие вступить в переговоры с целью заключения определенного договора и принявшим участие в составлении и принятии текста договора, а также к государствам, подписавшим договор под условием ратификации, принятия или утверждения. Но это значило, что такие важные стадии заключения договора, как составление и принятие текста договора, а также подписание договора, полностью лишались какой-либо значимости с точки зрения международного права. В этом плане характерны высказывания французских юристов Ш. Руссо и А. Рейно, также отрицавших возможность наступления международно-правовых последствий в результате акта, который завершает собой стадию дипломатических переговоров по выработке договора. По их мнению, основные юридические последствия наступают только в результате акта ратификации договора⁴⁷.

Доктринальные установки отдельных зарубежных юристов-международников в отношении соблюдения обязанности участвующих в переговорах государств не лишать договор его объекта

⁴⁶ *Morway W.* The Obligation of States not to Frustrate the Object of a Treaty prior to its Entry into Force // *ZaoRV.* 1967. Vol. 27, N 3. P. 459–460

⁴⁷ *Rousseau Ch.* Principes generaux du droit international public. P., 1944. Vol. 1. P. 171–172, 178; *Reynaud A.* Les differends du Plateau Continental de la Mer du Nord devant la Cour Internationale de Justice. P., 1975. P. 75

и цели на стадии переговоров по составлению и принятию текста договора, а также на стадии его подписания практически ставят под сомнение необходимость распространения действия принципа добросовестности на указанные здесь периоды в процессе заключения международного договора. Такие установки можно свести к нескольким общим положениям. Во-первых, соответствующая международно-правовая норма, предусматривающая обязанность государств не лишать договор его объекта и цели на стадии составления и принятия текста договора, а также на стадии подписания договора, носит абсолютно новый характер и поэтому выводит задачу кодификации права международных договоров за ее непосредственные рамки в область прогрессивного развития международного права, что якобы превышает полномочия Комиссии международного права ООН. Во-вторых, утверждалось, что распространение упомянутой обязанности государств якобы ограничит суверенные права государств свободно решать вопрос о своем участии в договоре.

Отвергая подобные высказывания, следует отметить следующее. Норма, предусматривающая обязанность государств воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели еще до вступления договора в силу, является действующей нормой международного права, как и все остальные нормы Венской конвенции 1969 г. Об этом говорится в работах российских юристов, а также в работах большинства зарубежных юристов-международников⁴⁸, это признается в международной судебной практике, а также в практике ООН.

⁴⁸ Талалаев А. #. Право международных договоров: Общие вопросы. М., 1980. С. 144—145; *Elttu T. A.* The Modern Law of Treaties. Leyden, 1974. P. 26; *Sinclair I. M.* The Vienna Convention, on the Law of Treaties. Manchester, 1973. P. 38—40; *Zoller E.* Op. cit. P. 54—78; *Cot J.-P.* Op. cit. P. 153—159

Так, в решении по делу о Верхней Силезии, вынесенном Постоянной палатой международного правосудия в 1926 г.⁴⁹, суд установил, что определенные действия государства, которое подписало договор под условием последующей ратификации, могут быть расценены как злоупотребление своими правами и, таким образом, составляют собой нарушение обязанностей государств в отношении этого договора. Тем самым суд указал, что в период, непосредственно предшествующий вступлению договора в силу, государство, чтобы обеспечить выполнение своих обязательств по договору и создать благоприятные условия для его последующего нормального применения, не должно совершать каких-либо действий, которые лишили бы договор его существа. Имеются в виду объект и цель договора.

Деятельность ООН также может служить примером того, что норма международного права, предусматривающая обязанность государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу, нашла свое закрепление в современном международном праве. Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2153 А (XXI), принятой 17 ноября 1966 г. и получившей название «Об отказе государств от действий, затрудняющих достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия»⁵⁰, было записано следующее обращение к государствам — членам ООН, которые принимали участие в выработке и заключении договора, ставившего своей целью установление преграды на пути распространения ядерного оружия: «Генеральная Ассамблея, принимая во внимание, что в

⁴⁹ Cour Perraanente de Justice Internationale. Ser. A. 1926. N 7. P. 30. (Далее: CPJI).

⁵⁰ Yearbook of the United Nations, 1967. N. Y., 1968. P. 17.

*настоящее время ведутся международные переговоры*⁵¹ (курсив наш. — Р. К.), имеющие целью разработку договора о нераспространении ядерного оружия, и желая создать благоприятную обстановку для успешного завершения этих переговоров, настоятельно призывает государства:

1) впредь до заключения договора о нераспространении ядерного оружия воздерживаться от всяких действий, которые могли бы затруднить достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия;

2) предпринять все необходимые шаги для скорейшего заключения договора о нераспространении ядерного оружия».

Приняв резолюцию 2153, международное сообщество в лице ООН признало значение нормы международного права, в соответствии с которой обязанность государств воздержаться от действий, которые противоречили бы объекту и цели договора, распространяет свое действие на временной промежуток начиная с момента изъяснения государствами согласия в форме соответствующего соглашения сторон об участии в составлении и принятии текста договора и впредь до вступления договора в силу. Учитывая особую важность международного юридического акта, который должен был установить правовой режим нераспространения ядерного оружия, предполагалось, что государства на протяжении всего периода переговоров будут воздерживаться от действий, которые привели бы к производству и приобретению ядерного оружия и соответственно к численному росту государств, обладающих ядерным оружием (объект и цель договора).

⁵¹ См. подробное: *Богданов О. В.* Разоружение — гарантия мира. М., 1972. С. 120—164; *Осинов Г. А.* Международно-правовой режим нераспространения ядерного оружия. М., 1987

Мировое сообщество в рамках мер по выработке и заключению международного договора, призванного установить правовой режим нераспространения ядерного оружия, последовательно высказывалось в поддержку резолюции 2153 от 17 ноября 1966 г. Таким образом, оно выразило свое согласие с международно-правовой нормой, в соответствии с которой обязанность государств не лишать договор его объекта и цели действовала бы не только с момента подписания договора о нераспространении ядерного оружия, но и с периода, начинающегося с изъясления государствами согласия па основе соответствующей договоренности принять участие в составлении и принятии текста договора.

Принцип добросовестности, распространяющий свое действие на стадию проведения переговоров по заключению международного договора, проявляет себя здесь следующим образом. В ходе переговоров каждая из сторон, участвующая на добросовестной основе в заключении договора, вправе ожидать того, что противоположная сторона также будет строить свое поведение в соответствии с принципом добросовестности. Общим правилом на протяжении всех стадий заключения международного договора является соблюдение обязанности последовательного поведения государств с учетом общепризнанных норм международного права и принципа добросовестности. Участвующее в переговорах государство в принципе сохраняет свободу прервать переговоры и выйти из них, но до тех пор, пока оно принимает в них участие, оно должно воздерживаться от каких-либо действий, которые бы в нарушение принципа добросовестности лишали договор его объекта и цели. Исключить возможность распространения действия обязанности не лишать договор его объекта и цели на все стадии заключения договора, включая' стадию переговоров по составлению и принятия текста договора и стадию подписания договора, означало

бы вывести ту или иную стадию заключения договора из-под действия указанной обязанности и тем самым косвенным образом допустить возможность действий государства, которые противоречили бы объекту и цели договора.

Итак, нельзя признать научно обоснованными доктринальные высказывания отдельных зарубежных юристов, согласно которым обязанность государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, не распространяется на стадию переговоров по выработке договора и на стадию подписания договора. Такой подход на практике может привести к оправданию противоправного поведения государств. В качестве примера можно представить такую возможную ситуацию. Государство в ходе проведения переговоров с целью заключения договора, призванного установить границу территориальных вод и совместно с этим урегулировать проблему эксплуатации минеральных ресурсов морского дна, предприняло ряд мер, которые привели к полному истощению минеральных ресурсов, что являлось предметом переговоров и непосредственным объектом самого договора.

Другим примером противоправного поведения государств здесь может служить случай подписания государствами договора о нераспространении ядерного оружия, предполагавшего, с одной стороны, обязательство ядерных держав не передавать ядерное оружие под национальный контроль неядерных держав, а с другой – обязательство неядерных держав не принимать, не производить и не приобретать каким-либо образом ядерное оружие. Между тем в период времени, непосредственно предшествующий вступлению договора в силу, одно из государств, не обладающее до того времени ядерным оружием, в прямое нарушение объекта и цели договора начало производст-

во ядерного оружия для того, чтобы им обладать к тому моменту, когда договор вступит в силу.

Таким образом, если при конкретных обстоятельствах дипломатических переговоров государства признали необходимость соблюдения принципа добросовестного поведения на всех стадиях заключения договора, всякая неопределенность в отношении практических последствий применения этого принципа будет равноценна отказу от его соблюдения.

Содержание обязанности добросовестного поведения на стадии переговоров по заключению договора, проявляющее себя в качестве запрета каких-либо обманных действий с обеих сторон, характеризует сам процесс ведения переговоров, методы, которыми должны пользоваться участвующие в переговорах государства при достижении договора. Вместе с тем обязанность добросовестного поведения государств на стадии проведения переговоров предполагает наличие у сторон искренней заинтересованности в заключении договора, реального и целеустремленного намерения воплотить достигнутые в ходе переговоров договоренности в отношении текста договора в конкретные договорно-правовые рамки конвенционного юридического акта.

Науке международного права известны два понятия, которые по своему содержанию близко соответствуют изложенному здесь содержанию принципа добросовестного поведения в процессе заключения договора: «*pactum de contrahendo*» предполагающее обязательство по достижению результата (имеется в виду обязательство, возлагаемое на государства с целью достижения соответствующего международного согласия, чтобы урегулировать определенную международную ситуацию); «*pactum de negociando*», предполагающее необходимость соблюдения определенных средств при проведении переговоров по заключению договора (т. е. обязанность, возлагаемая на стороны, придержи-

ваться правомерных методов в процессе проведения международных переговоров по заключению договора, а также воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели)⁵².

Однако международная договорная и судебная практика не проводит такого различия. Поэтому далее мы предпочитаем использовать термин «*pactum de negociando*», а не «*pactum de contrahendo*».

В самом общем плане *pactum de negociando* можно рассматривать как предварительную договоренность, посредством которой два или несколько государств принимают на себя обязательство (облеченное в форму соответствующего соглашения) вступить в переговоры с целью урегулирования определенной международной ситуации или проблемы на основе специального договора.

Известно значение, которое занимают непосредственные переговоры по урегулированию конкретной международной ситуации или проблемы на основе договора как средства мирного урегулирования споров между государствами. Достаточно в этом плане сослаться на ст. 33 Устава ООН. Международный суд ООН со своей стороны в решении по делу о разграничении континентального шельфа Северного моря подчеркивал основополагающий характер дипломатических переговоров в качестве средства урегулирования споров, в которых он усмотрел «принцип, который лежит в основе всей системы международных отношений и который, помимо этого, признан в ст. 33 Устава ООН в качестве одного из средств по мирному урегулированию межгосударственных споров»⁵³.

⁵² *Marion L.* La notion de *pactum de contrahendo* dans la jurisprudence internationale // *RGDIP.* 1974, N 2, P. 351—397

⁵³ *CIJ Recueil* 1969. P. 47.

Можно упомянуть и решение Постоянной палаты международного правосудия, в котором было сказано: «...судебное или арбитражное урегулирование не принимается в общем плане». Далее в нем говорилось, что урегулирование межгосударственных споров на основе судебного постановления является не чем иным, как «подменой прямых и дружественных, переговоров по разрешению этих споров между сторонами»⁵⁴.

Дипломатические переговоры с целью заключения международного договора всегда являлись и являются наиболее обычным и широко используемым средством урегулирования международных споров. Вместе с тем частота, с которой государства обращаются к переговорам, не придает им императивного характера. В своем решении, вынесенном в 1931 г., Постоянная палата международного правосудия признала, что «обязательство вести переговоры не подразумевает обязательство прийти к соглашению»⁵⁵.

До последнего времени международные судебные органы ни в одном из своих решений не зафиксировали обязанности для участвующих в переговорах государств прийти к соглашению в обязательном порядке. Роль принципа добросовестности в процессе заключения договора проявляет себя не в обязательстве достичь соглашения, а в обязанности добросовестного поведения. Если государство на основе соответствующей договоренности с другими государствами решило вступить в переговоры, чтобы составить и принять текст договора, а в перспективе и обеспечить вступление его в силу, то до тех пор, пока оно не изъяснит ясно свое намерение выйти из переговоров и тем самым отказаться от участия в составлении и принятии текста договора, оно

⁵⁴ CPJL. Ser. A. N 22. P. 23

⁵⁵ Ibid. Ser. A/B. 1931. N 42. p. 116

призвано придерживаться юридических правил поведения, которые обеспечили бы нормальный ход переговоров в полном соответствии с нормами международного права.

Межгосударственная договорная практика и практика международных судебно-арбитражных органов показывают, что переговоры как средство урегулирования определенной международной ситуации на соответствующей договорно-правовой основе являются наиболее приемлемым и надежным средством упорядочения отношений между государствами в свете положений Устава ООН. Не предписывая общей обязанности в отношении процедуры переговоров, международное право рассматривает переговоры с целью заключения договора и разрешения на такой основе сложившейся международной ситуации в качестве эффективного средства по обеспечению стабильности межгосударственных отношений.

Прямое предписание приступить к переговорам предусмотрено при обстоятельствах, когда возникает угроза международному миру и безопасности (ст. 33 Устава, ООН). Однако подобные ситуации можно рассматривать как исключительные. В обычной, повседневной: практике межгосударственных отношений обращение к переговорам для заключения договора и упорядочения на этой основе определенной международной ситуации, как общее правило, носит добровольный характер и зависит от намерения государств и наличия на этот счет договоренности между сторонами. Обычноправовой элемент в процедуру обращения к переговорам с целью заключения договора привнесен в международное право сложившейся межгосударственной практикой разграничения континентального шельфа посредством соглашения между государствами, заключенного на базе принципа добросовестности. Подтверждением может служить уже упоминавшееся решение Международного суда о

разграничении континентального шельфа Северного моря от 1969 г. В нем было признано существование определенных юридических понятий основополагающего характера, которые отражали в себе присутствие у государств юридического убеждения обязательности определенного поведения (*opinio juris*), согласно которому разграничение континентального шельфа должно быть предметом специального соглашения между заинтересованными государствами⁵⁶.

Высказываясь в пользу существования обязанности государств приступить к дипломатическим переговорам с целью заключения договора и упорядочения на такой основе определенной международной ситуации, международные судебные органы в своих решениях уточняли содержание этой обязанности, требуя, чтобы такие переговоры проводились на основе принципа добросовестности. Подчеркнем, что сам принцип добросовестности не устанавливает обязанность вступить в переговоры с целью заключения международного договора. Фактически такая обязанность вытекает из предварительной договоренности, достигнутой между сторонами,

Исследование прав и обязанностей участвующих в переговорах государств побуждает затронуть вопрос о том, каково же юридическое значение принципа добросовестности, регулирующего весь процесс заключения договора и определяющего содержание обязанностей государств на стадии составления и принятия текста договора.

Весь процесс заключения международного договора (в том числе и на стадии составления и принятия текста договора) должен проходить в обстановке взаимного доверия и уважения

⁵⁶ CIJ Recueil 1969. P. 47

прав и интересов противоположных сторон. Стороны в целях успешного завершения переговоров и подписания приемлемого для всех текста должны проявлять максимум гибкости в своих взаимных позициях, идти насколько возможно на взаимные уступки и компромиссы, сохраняя при этом приверженность своим принципиальным установкам. Высказываясь по этому поводу, Постоянная палата международного правосудия в своем решении от 6 декабря 1923 г. записала: «...природа подобного соглашения подразумевает, что стороны вступили в переговоры в условиях полной свободы, сохраняя при этом приверженность всем своим принципиальным установкам и тезисам»⁵⁷.

Переговоры в целях заключения договора должны проходить в обстановке свободного обмена мнениями, без каких-либо признаков давления и шантажа, угрозы силой или ее применения. В случае возникновения достаточно веских и обоснованных причин государство сохраняет за собой право выйти из переговоров и тем самым прекратить свое участие в составлении и последующем принятии текста договора. Однако всякого рода неправомерные действия, включающие в себя необоснованный отказ от дальнейшего участия в переговорах, нарушение процедурных норм и правил ведения переговоров, достигнутых на основе взаимной договоренности между сторонами, постоянное игнорирование предложений и позиций противоположных сторон, прямо запрещаются международным правом как идущие вразрез с принципом добросовестности. Так, в арбитражном решении 1958 г., вынесенном по делу «Озеро Лану», отмечалось, что переговоры в духе принципа добросовестности исключают возможность «неоправданного прекращения переговоров, необоснованного их за-

⁵⁷ CПJI. Ser. B. 1923. N 8. P. 55

тягивания, несоблюдения предусмотренных процедур, систематического отказа принимать во внимание предложения- и интересы противоположных сторон»⁵⁸.

Принцип добросовестного поведения государств, определяя общую направленность правотворческого процесса по заключению международного договора, как уже говорилось, является не единственным международно-правовым принципом, который регулирует содержание нрав и обязанностей участвующих в переговорах государств. Достижение справедливого договора возможно при условии соблюдения принципа взаимности, предполагающего принятие во внимание участвующими в переговорах государствами разумных интересов противоположных сторон, а также согласование на началах полного равенства собственных нрав и интересов с правами и законными интересами других государств-участников переговоров. В уже цитировавшемся арбитражном решении по делу «Озеро Лану» соотношение применения в конкретном контексте международных переговоров по заключению договора принципа добросовестности и принципа взаимности выражено следующим образом: вести переговоры в духе принципа добросовестности означает для государств, во-первых, принимать во внимание различные интересы сторон, чтобы изыскать пути к удовлетворению их в полном соответствии с обеспечением своих собственных интересов и, во-вторых, показать своим поведением, что каждое участвующее в переговорах государство имеет реальную заинтересованность в согласовании своих собственных прав с правами другого государства⁵⁹.

⁵⁸ RGDIP. 1958. № 1. P. 106

⁵⁹ Ibid. P. 116

Обязанность, возложенная на участвующие в переговорах государства, воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, носит характер международно-правового принципа. Свое происхождение эта обязанность получила из принципа добросовестности, а впоследствии консолидировалась как отдельный международно-правовой принцип. Так, в тексте ст. 17 проекта Комиссии международного права от 1965 г. было сказано: «...государство обязано в силу принципа добросовестности... воздерживаться от действий, направленных на уничтожение объекта предполагаемого договора»⁶⁰.

В ходе обсуждения ст. 17 проекта на сессии комиссии в 1965 г. ряд юристов-международников высказали мнение, что упоминание принципа добросовестности непосредственно в тексте самой статьи якобы несколько снижает юридическую силу зафиксированного в ней обязательства. Утверждения подобного рода обосновывались тем, что принцип добросовестности рассматривался ими как чисто моральная норма, поэтому всякая попытка вывести данное обязательство из принципа добросовестности неминуемо привела бы к уменьшению международно-правовой силы обязанности участвующих в переговорах государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу⁶¹. В конечном счете было решено перенести ссылку на принцип добросовестности из текста статьи в комментарий к ней.

Таким образом в комментарии к ст. 15 окончательного проекта статей Комиссии международного права ООН от 1966 г. появилась ссылка на принцип добросовестности, где сказано: «Обязательство в силу принципа добросовестности воздержи-

⁶⁰ YILC. 1965. N. Y., 1965. Vol. 1. P. 262

⁶¹ Ibid. P. 262—263

ваться от действий, направленных на уничтожение объекта договора, которое применимо в отношении государства, подписавшего договор под условием ратификации, приобрело в настоящее время общепризнанный характер»⁶². И действительно, значительная международная судебная-арбитражная практика, широкий спектр мнений представителей российской и зарубежной науки международного права, наконец, практика государств по заключению договоров свидетельствуют о том, что норма, в соответствии с которой на государства в силу принципа добросовестности возлагается обязанность не лишать договор его объекта и цели, стала реальной, действующей нормой современного международного права. Такая обязанность проистекает именно из принципа добросовестности и других общепризнанных принципов международного права, ибо договор фактически еще не вступил в силу и принцип «*pacta sunt servanda*» в отношении содержащихся в нем договорно-правовых норм еще не начал действовать.

Анализируя содержание принципа добросовестности в аспекте поведения государства в процессе переговоров по заключению договора в свете постановлений ст. 18 Венской конвенции 1969 г. и то содержание, которое он получил в практике международных судебных и арбитражных органов, следует констатировать, что норма, зафиксированная в ст. 18, получила значительное позитивное развитие в деятельности Международного суда ООН и международных арбитражных органов. По мере рассмотрения дел, в той или иной степени касающихся анализа прав и обязанностей участвующих в переговорах государств, международные судебные и арбитражные органы выра-

⁶² Ibid. 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 202

ботали норму, не просто предписывающую необходимость воздерживаться от определенных противоправных действий, а устанавливающую обязанность положительного поведения как в отношении методов ведения переговоров, так и в отношении возможности достижения конечной и логичной цели переговоров — международного договора.

В своем решении от 1969 г. Международный суд ООН следующим образом определил обязанности сторон по проведению на основе принципа добросовестности переговоров с целью заключения соглашения, призванного осуществить разграничение континентального шельфа Северного моря: «Стороны приняли на себя обязательство вступить в переговоры с целью достижения договора, а не просто провести формальные переговоры в качестве предварительного условия по автоматическому применению определенного метода разграничения континентального шельфа при отсутствии самого договора. На стороны возлагается обязанность придерживаться такого поведения, при котором переговоры имели бы смысл, что не являлось бы таковым в случае, когда одна из них настаивает на своей собственной позиции, не допуская возможности каких-либо ее изменений»⁶³.

В связи с изложенным следует отметить, что стороны — участники спора зафиксировали в специальном соглашении, на основе которого они обратились в суд, обязательство вести переговоры, чтобы разрешить спор относительно разграничения между соответствующими частями их континентального шельфа. Суд в своем решении исходил из зафиксированного в этом соглашении обязательства с целью определить его юридическое значение. Вместе с тем он посчитал необходимым напомнить,

⁶³ CIJ Recueil 1969. P. 47

что обязанность государств вести переговоры по заключению международного договора, призванного провести разграничение континентального шельфа между ними, приобрела в настоящее время характер обычно-правовой нормы.

В деле о юрисдикции в области рыболовства (по существу) Международный суд ООН придерживался уже вынесенных аналогичных решений в том, что относится к их международно-правовым последствиям. Вместе с тем он предложил оригинальное международно-правовое обоснование своей позиции. В данном случае специальная договоренность в форме *pactum de nego-ciando* между участвующими в переговорах государствами отсутствовала в каком бы то ни было виде. Это обстоятельство отнюдь не умалило значимости обязанности содействовать разрешению спора на основе соглашения, которая устанавливалась по суду в отношении спорящих сторон.

В своем решении от 25 июля 1974 г. Международный суд возложил на стороны с целью урегулирования спора между ними обязанность вступить в переговоры по заключению соответствующего соглашения. Суд установил таким образом принцип, согласно которому «обязательство вступить в переговоры вытекает из самой природы прав, присущих соответственно каждой из сторон»⁶⁴. Другими словами, здесь именно природа самого спора, как и в арбитражном решении по делу «Озеро Лану», являлась определяющим фактором при установлении международно-правовой линии поведения, которой стороны должны были придерживаться по отношению друг к другу. Аналогия с арбитражным решением касалась здесь именно самого содержания обязательства. Так, Международный суд ООН

⁶⁴ Ibid. 1974. P. 32, 201

в своем решении 1974 г. по делу о юрисдикции в области рыболовства посчитал, что задача обеих сторон должна состоять в следующем: «...вести их взаимные переговоры в таком духе, чтобы каждая из них в силу принципа добросовестности принимала во внимание на разумной основе права другой стороны в районе водного пространства, омывающего Исландию за пределами 12-мильного лимита. Целью переговоров должно быть достижение справедливого разделения биологических ресурсов моря с учетом конкретных данных местной ситуации и с учетом интересов других государств, которые обладают в данном регионе уже установившимися правами»⁶⁵.

Касаясь вопроса о содержании обязанности участвующих в переговорах государств вести переговоры на основе добросовестности, следует упомянуть арбитражное решение от 26 января 1972 г. по спору между ФРГ и Грецией. Арбитраж в следующих выражениях определил значение предварительной договоренности в форме *rustum de negociando*, достигнутой сторонами: «...две стороны должны предпринять усилия на основе принципа добросовестности с целью достижения специального соглашения, которое являлось бы взаимно удовлетворительным для всех сторон, даже при условии отказа от занимаемых до настоящего дня позиций, в которых отсутствует элемент гибкости... Согласие вступить и вести переговоры не предполагает обязательного порядка ... обязательство прийти к соглашению, а только подразумевает необходимость предпринять серьезные усилия с целью прийти к нему»⁶⁶.

Исследование международной судебной и арбитражной практики является важным элементом определения круга прав

65 Ibid. 1974. P. 33, 202

66 Guyomar G. Op. cit. P. 535

и обязанностей участвующих в переговорах государств. Предварительная договоренность сторон вступить в переговоры в форме *pactum de negociando* с целью последующего заключения договора понимается в судебной практике именно в контексте применения принципа добросовестности. Так, предполагается, что переговоры, проводимые на основе принципа добросовестности, должны исключать возможность того, чтобы одно участвующее в переговорах государство, используя свои права произвольным образом, налагало вето на любое предложение или возражение, исходящее от другого участвующего государства. Принцип добросовестности в контексте соотношения прав и обязанностей: участвующих в переговорах государств, как уже отмечалось, подразумевает честные и лояльные взаимоотношения сторон, справедливый учет их взаимных интересов.

В конечном счете, обязанность участвующих в переговорах государств, так как она проявляет себя в свете совместных предварительных договоренностей вступить в переговоры с целью последующего достижения договора, представляется не просто необходимостью воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, а императивом предпринимать определенные положительные действия в перспективе заключения договора, приемлемого для всех сторон. Другими словами, из простой обязанности воздерживаться от определенных негативных действий, на участвующие в переговорах государства в свете понятия «*pactum de negociando*» возлагается обязанность предпринимать определенные положительные действия, которые бы способствовали успешному завершению процесса заключения международного договора. Таким образом, обязанность добросовестного поведения, возлагаемая на участвующие в переговорах государства на основе предварительной договоренности (*pactum de negociando*), выступает как

обязанность придерживаться последовательной и конструктивной международно-правовой позиции, направленной на устранение трудностей на пути заключения договора, в достижении которого стороны взаимно заинтересованы.

Сделанный вывод имеет значение для выявления соотношения между правами и обязанностями участвующих в переговорах государств. Так, обязанность добросовестного поведения одного участвующего в переговорах государства при заключении договора не создает корреспондирующего права другого участвующего государства настаивать на том, чтобы соглашение было достигнуто, и соответственно утверждать, что его ожидания на этот счет были обмануты, если договор заключен не был. Право настаивать на заключении договора могло возникнуть лишь в случае, если между сторонами была достигнута предварительная договоренность о том, что участвующие в переговорах государства должны прийти к соглашению.

В этой связи, естественно, возникает вопрос о том, на основе каких критериев следует оценивать степень соблюдения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей. Анализ судебной практики позволяет утверждать, что единственно реальным критерием является юридически значимое поведение государств в ходе переговоров по его заключению. Именно оно есть основной характеризующий элемент истинной их позиции в отношении выполнения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей. (Под юридически значимым поведением здесь понимаются совокупные действия участвующих в переговорах государств, направленные на исполнение своей обязанности не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.) Оценивая эти действия с точки зрения международного права, можно судить о последовательности поведения участвующих в переговорах государств,

разумности их предложений в плане достижения основной цели переговоров — заключения международного договора. Объективный характер поведения участвующих в переговорах государств проявляет себя здесь в том, насколько законченным в плане достижения этой цели представляется процесс международного нормотворчества.

Итак, оценка добросовестности выполнения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей в отношении соблюдения объекта и цели договора осуществляется на основе того, насколько разумными представляются действия государств — участников международных переговоров. Если в конкретной обстановке международных переговоров поведение участвующего в переговорах государства характеризовалось как неразумное по сравнению с тем, что нормально можно было ожидать от ситуации такого типа, то тогда можно заключить, что государство не вело переговоры на основе принципа добросовестности и соответственно не выполняло своей обязанности в качестве участвующего в переговорах государства.

Составление и принятие текста договора во временном плане являются начальными стадиями заключения международного договора. Успешное завершение дипломатических переговоров ставит перед участвующими в переговорах государствами задачу установления аутентичности текста и позволяет им перейти к следующей стадии — его подписанию. Общим правилом здесь является положение, согласно которому всем государствам, принимавшим участие в составлении и принятии текста, предоставляется право совершить акт подписания договора. Участвовавшие в переговорах государства при этом могут придать акту подписания окончательный характер или сделать его неокончательным под определенным условием (подписание *ad referendum*).

В равной степени государства, принимавшие участие в составлении и принятии текста договора, вправе включить в него постановление, предусматривающее, что акт подписания договора будет назначен на более позднюю дату или что договор остается открытым для подписания в строго установленном месте без каких-либо ограничений во времени (либо до определенной даты).

В зависимости от намерения участвовавших в переговорах государств, зафиксированного в принятом тексте договора, акт подписания может служить способом выражения согласия государства на обязательность договора или, как упомянуто выше, быть совершен под условием последующей ратификации. Как свидетельствует анализ современной межгосударственной договорной практики, все большее число международных договоров заключаются путем акта подписания. Процедура подписания выступает как завершающая стадия его заключения. Акт подписания как способ выражения согласия государства на обязательность договора может касаться как всего договора в целом, так и какой-то его части.

Так, в соответствии со ст. 17 Венской конвенции 1969 г. согласие государства на обязательность для него договора (в данном случае в форме акта подписания) может касаться определенной части договора, если это допускается самим договором или если с этим согласны другие государства. В том случае, когда принятый текст договора предполагает, что акт подписания совершен под условием последующей его ратификации, возможность для участвовавшего в переговорах государства совершить подписание договора представляет собой не способ выражения согласия на обязательность договора, а является предпоследней (перед ратификацией) стадией. Однако даже в этом случае акт подписания договора вызывает важные международно-правовые последствия, которые, будучи закреплены в

ст. 18 Венской конвенции 1969 г., возлагают на участвующие в переговорах государства обязанность добросовестного поведения по соблюдению, объекта и цели договора, исключающего действия, которые лишили бы договор его наиболее основополагающих постановлений, ради которых он был подписан.

Понятие «участвующие в переговорах государства» отличается, от понятия «договаривающиеся государства» тем, что последние уже выразили свое согласие на обязательность для них договора посредством подписания, ратификации, принятия или утверждения (ст. 11 Венской конвенции 1969 г.). Акт подписания в зависимости от того, совершен ли он под условием ратификации, принятия или утверждения, или он является способом выражения согласия на обязательность договора, представляется определяющим фактором при признании за государствами, которые принимали участие в заключении договора, статуса участвующих в переговорах государств или договаривающихся государств.

Временной промежуток в процессе заключения договора, который мы сейчас рассмотрим, покрывает период от подписания договора государством до изъявления им согласия на его обязательность. Международно-правовой основой для регулирования прав и обязанностей участвующих в переговорах государств на этом промежутке являются ст. 18 Венской конвенции 1969 г. и соответственно ст. 15 окончательного Проекта статей по праву договоров Комиссии международного права от 1966 г., а также ст. 17 проектов комиссии от 1962 и 1965 гг. В п. «а» ст. 18 говорится: «Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или

утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора».

Акт подписания не является простой формальностью. Отдельные мнения, высказывающиеся в международно-правовой литературе⁶⁷, не могут служить определяющим фактором общего понимания вопроса. Подписание возлагает на государство (подписавшего международный договор) определенные международно-правовые обязанности; на основе принципа добросовестности. В общем плане, как уже отмечалось, эти обязанности сводятся к обязанности не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.

Разумеется, проблема обязательства добросовестного поведения не возникает в одинаковом смысле, когда подписание выражает собой согласие государства на его обязательность и совпадает во временном плане с датой вступления договора в силу. Соответственно международно-правовой режим обязательности договора, который вступил в силу с момента подписания, определяется не на основе принципа добросовестности (*bona fides*), а на основе принципа «*pacta sunt servanda*». Принцип добросовестности в этом случае играет лишь дополняющую роль применительно к основному обязательству. Анализ текста ст. 26 Венской конвенции 1969 г. дает основание сказать, что главное обязательство здесь выражается в словах: «каждый действующий договор обязателен для его участников». Дополняющее же обязательство проявляет себя в словах: «и должен ими *добросовестно* выполняться» (курсив наш. — *P. K.*). Таким образом, если применительно к участникам договора принцип добросовестности действует как дополняющий принцип, то по отношению к участвующим

⁶⁷ *Dehousse F.* La ratification des traites. Liege, 1935. P. 67

щим в переговорах государствам и договаривающимся государствам принцип добросовестного поведения действует как основной в виду того, что договор пока не вступил в силу.

Обязанность добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора, возлагаемая на подписавшие договор государства, носит реальный характер. Признаются противоправными любые действия участвующего в переговорах государства, которые были направлены на то, чтобы лишить договор его объекта и цели. В качестве примера можно привести следующую конкретную международную ситуацию. Несколько государств подписали договор, который предполагал уменьшение на 50 % на взаимной основе таможенных тарифов. Непосредственно перед актом ратификации одно из государств повысило вдвое таможенные тарифные ставки и тем самым поставило под сомнение выполнение объекта и цели договора, находящегося в стадии ратификации.

Международно-правовая норма, устанавливающая обязанность добросовестного поведения государств на протяжении всего процесса заключения договора и признающая отсюда неправомерными любые действия, которые лишали бы договор его объекта и цели, приобрела характер позитивной нормы международного права. Вступление Венской конвенции 1969 г. в силу подтверждает такой вывод. Поэтому позволительно утверждать, что юридическая норма, возлагающая на подписавшее договор государство обязанность добросовестного поведения по соблюдению объекта и цели договора до вступления договора в силу, носит характер нормы *de lege lata*. Совершенно несостоятельными с точки зрения современного международного права представляются тезисы юриста из ФРГ В. Морвея, который рассматривал обязанность подписавшего договор государства воздерживаться от действий, которые лишали бы до-

говор его объекта и цели в качестве нормы *de lege ferenda*, и предлагавшего исключить пункт, регулировавший данный вопрос, из ст. 15 окончательного проекта конвенции, подготовленного Комиссией международного права ООН в 1966 г.⁶⁸

Акт подписания договора, как уже отмечалось, влечет за собой важные международно-правовые последствия как для самого подписавшего государства, так и для других государств, участвовавших наравне с ним в процессе заключения договора. Представляются необоснованными попытки отдельных западных юристов свести международно-правовое значение акта подписания до уровня чисто формального акта (Ш. Руссо; А. Рейно, Ф. Деус, С. Бастид)⁶⁹ или рассматривать его исключительно как проявление воли продолжать процедуру выработки договора (П. Рётер)⁷⁰. Международный суд ООН в своем консультативном заключении по делу об оговорках к Конвенции о геноциде от 28 мая 1951 г. посчитал, что акт подписания составляет собой первый этап в процессе участия, в Конвенции. Суд признал за государством, подписавшим международный договор, «переходный статус». В соответствии с этим статусом считается, что подписавшее договор государство находится в юридическом отношении в промежуточной ситуации между государством, которое не подписало договор, и государством, которое изъявило свое согласие на обязательность международного договора. Как следствие этого, подписавшее договор

⁶⁸ *Morvay W.* Op. cit. P. 458-461

⁶⁹ *Rousseau Ch.* Principes generaux du droit international public. Vol. 1. P. 171 — 172; *Reynaud A.* Op. cit. P. 75; *Dehousse F.* Op. cit. P. 67; *Bastid S.* Les traites dans la vie internationale. P., 1985. P. 39

⁷⁰ *Reuter P.* Introduction au droit des traites. P., 1972. P. 72

государство вправе выступить с возражениями против оговорок, сформулированных другими государствами⁷¹.

Международный суд ООН, исходя из конкретных обстоятельств дела, отметил только одну особенность юридических последствий акта подписания, а именно право участвующего в переговорах государства выступить с возражениями против оговорок, сформулированных другим участвующим в переговорах государством. В общем плане акт подписания, будучи важным в международно-правовом отношении со стороны, участвующего в переговорах государства, рождает и другие строго определенные по своему содержанию юридические обязанности и корреспондирующие им права. Каковы же конкретное юридическое значение и содержание обязанностей и прав участвующих в переговорах государств, которые подписали договор при условии последующей ратификации? Обратимся сначала к рассмотрению юридического значения обязанности добросовестного поведения участвующего в переговорах государства в отношении объекта и цели подписанного международного договора.

Обязанность добросовестного поведения участвующего в переговорах государства во временной промежуток между подписанием договора и изъяснением своего конечного намерения стать или не стать его участником, как уже было сказано, вписывается в рамки правового положения государства, находящегося в промежуточном статусе. Именно в этот временной промежуток участвующее в переговорах государство должно ясно выразить окончательное согласие на обязательность для него договора. Чаще всего это осуществляется через акт ратификации.

⁷¹ CIJ Recueil 1951. P. 28

Государство в принципе свободно ратифицировать или не ратифицировать международный договор. В современном международном праве отсутствует презумпция ратификации⁷². Неверны утверждения ряда юристов о том, что, как общее правило, ратификация является необходимой для придания договору обязательной силы⁷³.

Господствующая тенденция в современной договорной практике свидетельствует о том, что общей предпосылкой вступления договоров в силу в большинство случаев следует считать не ратификацию, а подписание. Это подтверждается, например, исследованием видного шведского юриста Г. Бликса⁷⁴. Проведя сравнительный анализ сборников договоров Лиги Наций и сборников договоров ООН только за пять лет (1946—1951 гг.), Г. Бликс констатировал, что, в то время как 50 % из всех договоров, зарегистрированных в секретариате Лиги Наций, вступили в силу посредством акта ратификации, аналогичный показатель по договорам, зарегистрированным в секретариате ООН, снизился на 25 %. Налицо явная тенденция в пользу вступления договоров в силу сразу после подписания.

Отсутствие в современном международном праве презумпции ратификации договора исключает из круга обязанностей участвующих в переговорах государств, которые подписали договор, обязанность представлять подписанный договор компетентным конституционным органам в целях последующей

⁷² *Frankowska M.* De la pretendue presumption en faveur de la ratification // *RGDIP.* 1969. N 1. P. 62—68

⁷³ *Grandall S. R.* Treaties, Their Making and Enforcement. N. Y., 1968. P. 175; *Fauchille P.* Traite de droit international public. P., 1926. T. 1. P. 317; *Oppenheim L.* International Law. L., 1952. P. 512

⁷⁴ *Blix H.* The requirement of Ratification // *British Yearbook of International Law.* 1953. L., 1954. Vol. 30. P. 352. (Далее: BYBIL)

его ратификации. Соответствующее предложение, высказанное в 1953 г. Х. Лаутерпахтом в его проекте статей по праву договоров⁷⁵, справедливо не получило поддержки в Комиссии международного права при дальнейшем рассмотрении данного вопроса как не соответствующее действующей в настоящее время межгосударственной договорной практике. Логическим следствием этого явилось решение комиссии изъять из окончательного Проекта статей по праву договоров от 1966 г. всякое упоминание о существовании общего правила в пользу презумпции ратификации. В ходе дебатов на Венской дипломатической конференции данное правило, как явствует из постановлений ст. 14 Конвенции 1969 г., также не получило одобрения большинства государств.

В конечном счете с учетом постановлений ст. 18 Венской конвенции 1969 г. можно сказать, что единственная обязанность, возлагаемая на участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, состоит в том, чтобы в промежутки времени между актом подписания и актом ратификации оно воздерживалось от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Другими словами, п. «а» ст. 18 возлагает на участвующие в переговорах государства обязанность в силу принципа добросовестности воздерживаться непосредственно перед актом ратификации от любых действий, которые бы поставили под сомнение исполнение обязательства, принятого на основе акта подписания. Обязанность согласно ст. 18 Конвенции, имеющая не только моральную, но и юридическую силу, запрещает любые действия, совершенные при полном игнорировании принципа добросовестности, которыми одно участвующее в переговорах государство стремится намеренно лишить преимуществ другую

⁷⁵ YILG. 1953. N. Y., 1959. Vol. 2. P. 108

сторону, предполагавшую на вполне правомерной основе получить в результате применения договора, и по этим соображениям пошло на соответствующие уступки.

Обязанности добросовестного поведения участвующего в переговорах государства в отношении соблюдения объекта и цели договора, который оно подписало под условием ратификации, соответствует корреспондирующее ей право со стороны другого участвующего в переговорах государства указывать на случаи совершения действий со стороны данного государства, могущие лишить договор его объекта и цели. Дело в том, что акт подписания договора придает государству специфический, хотя и ограниченный по сравнению с правовым положением участника договора, правовой статус. В таком качестве оно может вполне правомерно проявить заинтересованность в обеспечении того, чтобы другие подписавшие договор государства воздерживались от каких-либо действий, которые лишили бы договор его объекта и цели.

Международной договорной практике известны случаи, когда одно государство, подписавшее договор, обращало внимание другого подписавшего договор государства посредством устного заявления или письменной дипломатической ноты на факты совершения соответствующих действий. Так, в заявлении представителя МИДа СССР от 13 декабря 1986 г. по поводу фактов нарушения США подписанного совместно с СССР Договора ОСВ-2 указывалось, что такие действия США, как превышение одного из основных ограничителей на стратегические вооружения, зафиксированного в этом соглашении, рассматри-

ваются как акции, направленные на развал всей договорной структуры сдерживания гонки вооружений⁷⁶.

Попытки США оправдать себя утверждениями о том, что нератифицированный договор не имеет юридической силы⁷⁷, несостоятельны. В соответствии с современным международным правом акт подписания Договора ОСВ-2 возлагает на США обязанность добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора, а ими как раз и явились постановления договора, касавшиеся основных ограничений на стратегические вооружения. Заявление СССР было вполне оправданно с юридической точки зрения. Как государство, подписавшее Договор ОСВ-2, СССР проявлял на правомерной основе заинтересованность в обеспечении соблюдения как всего Договора ОСВ-2 в целом, так и его основополагающих постановлений, которыми являлись объект и цель договора. Право участвующего в переговорах государства, которое подписало договор, проявлять заинтересованность в недопущении действий со стороны других подписавших договор государств, которые могли лишить договор его объекта и цели, существует параллельно с нравом данного государства проявлять заинтересованность в соблюдении заключительных (процедурных) постановлений договора. Как известно, существует так называемая процедурная часть договора, в отношении которой предполагается заранее, что она вступает в силу раньше по времени, чем все остальные его части. Постановления договора, регулирующие установление аутентичности его текста, выражение согласия государств на обязательность для них договора, порядок или дату вступления договора в силу, оговорки, функции депозита-

⁷⁶ Правда. 1986. 13 дек

⁷⁷ Там же. 14 дек

рия и прочие вопросы, неизбежно возникающие до вступления договора в силу, применяются с момента принятия текста договора (п. 4 ст. 24 Венской конвенции 1969 г.).

Таким образом, уже начиная с момента принятия текста договора участвующее в переговорах государство вправе проявлять заинтересованность, имеющую под собой конвенционную основу, в том, чтобы процедурные постановления договора строго исполнились. И вплоть до момента вступления договора в силу данное государство обладает правом выступать с дипломатическими представлениями, обращенными к другим участвующим в переговорах государствам, по поводу "соблюдения заключительной части договора. Применительно к постановлениям заключительной части договора государство обладает правом принимать участие в разрешении вопросов, касающихся определения условий, на которых данный договор будет открыт для подписания или присоединения со стороны других государств. В равной степени участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, вправе формулировать оговорку и параллельно с этим выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другими участвующими в переговорах государствами. Ст. 19 Венской конвенции 1969 г. прямо предусматривает, что государство вправе формулировать оговорку и на стадии подписания договора, если она совместима с объектом и целями договора. В случае, когда то или иное подписавшее договор государство формулирует оговорку, которая несовместима с объектом и целями договора, данное участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, вправе выступить с возражениями против такого рода оговорок. В уже упоминавшемся выше консультативном заключении от 1951 г. по делу об оговорках к Конвенции о геноциде Международный суд ООН признал право участвующего

в переговорах государства, которое подписало договор, выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другими подписавшими договор государствами.

Если участвующее в переговорах государство совершило акт подписания под условием последующей ратификации, то вплоть до того момента, когда оно ясно не выразит своего намерения не стать участником этого договора, оно обязано воздерживаться от каких-либо действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Такая обязанность, как уже отмечалось, возлагается на участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, согласно п. «а» ст. 18 Венской конвенции 1969 г. Акт подписания представляется здесь как непосредственно предварительная стадия перед тем, как государство выразит посредством ратификации, принятия или утверждения свое согласие на обязательность для него договора. Возможность совершить ратификацию, принятие или утверждение выступает как еще одно¹ правомочие, предоставляемое международным правом участвующему в переговорах и подписавшему договор государству. Проявляя свою волю в этом направлении, участвующее в переговорах государство приобретает статус договаривающегося государства.

2. Права и обязанности договаривающихся государств

Обязанность добросовестного поведения государства, которое изъявило свое согласие на обязательность для него договора, занимает особое место среди обязанностей государств согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г. Во временном отношении действие данной обязанности охватывает период начиная с изъявления согласия на обязательность договора по-

средством ратификации, принятия или утверждения и заканчивается вступлением договора в силу. В связи с тем, что договоры, в особенности многосторонние договоры, иногда занимают много времени для вступления в силу (а иногда они вообще не вступают в силу), необходимо установить временной предел для действия обязанности добросовестного поведения государства в отношении объекта и цели договора. В п. «б» ст. 18 специально устанавливается, что такая обязанность действует во временном плане «до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться».

Промежуток времени, в течение которого действует обязанность согласно п. «б» ст. 18, непосредственно предшествует такому важному во временном отношении моменту в праве международных договоров, как вступлению договора в силу. Именно с данного момента государство, принимавшее участие в процессе заключения договора, переходит из статуса договаривающегося государства в статус участника договора. Соответственно расширяется и круг возлагаемых на него обязанностей. Кроме обязанности добросовестного поведения по соблюдению объекта и цели договора, на государство возлагается обязательство по добросовестному выполнению всего договора в целом. И хотя с чисто юридической точки зрения по сфере оба эти обязательства отличны, фактическое положение таково, что обязанность добросовестного поведения применительно к договаривающимся государствам приобретает здесь во многом общие черты с обязательством добросовестного выполнения договора применительно к его участникам. Ведь во временном промежутке процесса заключения договора государства уже изъявили свое согласие на обязательность для них договора. Сам же договор при этом близок по времени к вступлению его в силу.

Обязанности добросовестного поведения договаривающегося государства по соблюдению объекта и цели договора соответствует право со стороны другого договаривающегося государства обращаться с дипломатическими представлениями к тому договаривающемуся государству, чьи действия могут лишать договор его объекта и цели. Это право вытекает из присущей всем договаривающимся государствам заинтересованности в обеспечении соблюдения объекта и цели договора содействовать нормальному ходу вступления договора в силу. Право проявлять заинтересованность в этом касается не только договаривающихся государств, но, как уже отмечалось выше, и участвующих в переговорах государств. Однако применительно к договаривающимся государствам такая заинтересованность фактически близка к праву проявлять заинтересованность в соблюдении всего договора в целом, которая присуща самим участникам договора.

Следует учитывать, что, во-первых, факт изъясления договаривающимся государством своего согласия на обязательность для него договора приближает его в правовом плане к статусу участника договора, что значительно повышает его право проявлять заинтересованность в соблюдении договорно-правового акта. Во-вторых, временной промежуток, в течение которого было изъяснено согласие на обязательность договора, непосредственно примыкает к такому юридическому факту, как факт вступления договора в силу, а именно с этого момента начинает действовать право участников договора проявлять заинтересованность в обеспечении соблюдения всего договора в целом.

Договаривающиеся государства наравне с участвующими в переговорах государствами обладают правом формулировать оговорки, а также выступать с возражениями против оговорок, несовместимых с объектом и целями договора. Ст. 19 Венской конвенции 1969 г. указывает, что государство может формули-

ровать оговорки не только на стадии подписания, но и на стадии ратификации, принятия или утверждения договора, т. е. при изъявлении своего согласия на обязательность для него договора. Обладая правом формулировать оговорки на стадии ратификации договора, договаривающееся государство вправе выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другим договаривающимся государством, если они по своему содержанию несовместимы с объектом и целями договора.

Содержание обязанности по ст. 18 Венской конвенции 1969 г., возлагаемой на участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства (воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели до вступления договора в силу), носит четкий и строго очерчиваемый характер. Формулировка этой обязанности отличается в значительной степени от формулировки, предложенной в окончательном проекте статей Комиссии международного права от 1966 г.

На государство, согласно ст. 18 Конвенции, возлагается обязанность не предпринимать соответствующие действия. В частности, оно должно воздерживаться от определенных действий, которые лишили бы договор, находящийся в стадии заключения, его наиболее существенных постановлений, без которых применение договора было бы бессмысленным. Действия, от совершения которых участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства должны воздерживаться, составляют, согласно ст. 18 Конвенции, действия, лишаящие договор его объекта и цели. Проект статей, выработанный Комиссией международного права в 1966 г., говорит об актах, которые могли бы уничтожить объект договора. Текст Венской конвенции 1969 г. в этом плане одновременно более точен и носит более охватывающий характер, чем проект статей, выработанный в рамках Комиссии международного права ООН.

Не умаляя всей работы комиссии по выработке Проекта статей по праву международных договоров, следует отметить, что на Венской дипломатической конференции 1968—1969 гг. был сделан значительный шаг вперед в редакционном оформлении статьи, призванной зафиксировать обязанности участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу. Вместе с тем, учитывая трудности толкования, которые могли бы возникнуть, было решено заменить выражение «воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намечаемого договора» на более приемлемое в толковательном смысле выражение «воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели». Речь в данном случае идет не только о второстепенных последствиях, которые можно было бы вывести из какого-то определенного действия, а о последствиях, прямо присваиваемых⁷⁸ самим этим действиям данного государства.

Кроме того, в ст. 18 говорится о действиях, которые лишили бы договор его объекта и цели. Комиссия международного права в своем окончательном проекте статей упоминала только объект договора. В этом смысле текст Венской конвенции 1969 г. носит более широкий характер: объект договора может быть непосредственным и близким, а цель договора может носить более перспективный характер.

Оценивая содержание обязанности, возлагаемой на - участвующие в переговорах и договаривающиеся государства согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г., следует отметить ее объективный характер. Принцип добросовестного поведения

⁷⁸ Подробное см.: Ушаков И. А. Основания международной ответственности государств. М., 1983. С. 47—60

государств в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу устанавливается без каких-либо проявлений субъективности со стороны государств, исключительно на объективной основе. Важным с точки зрения оценки добросовестного характера выполнения участвующими в переговорах государствами и договаривающимися государствами своих обязанностей в отношении объекта и цели договора является определение того, существуют ли и в какой степени несоответствие и противоречие между действиями государств, с одной стороны, и объектом и целью договора — с другой. Процедура проверки добросовестного характера поведения государств проводится без каких-либо привходящих факторов психологического или волевого характера.

Конечно, можно утверждать, что если государство предпримет определенные действия, которые противоположны по своему содержанию объекту и цели договора, то они могут быть только следствием недобросовестного отношения государства к своим обязанностям по ст. 18 Венской конвенции. Однако недобросовестное отношение государства к соблюдению основополагающих постановлений договора в форме его объекта и цели до вступления договора в силу не определяет само по себе незаконной характер предпринятых действий с его стороны. Он является таковым как результат несовместимости этих действий с объектом и целью самого договора.

Таким образом, оценка добросовестности в поведении государства по соблюдению своих обязанностей в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу должна происходить исключительно на основе объективных критериев. Международный суд и арбитраж, призванные по соглашению сторон урегулировать ту или иную международную ситуацию, включающую в себя необходимость определения степени вы-

полнения государствами всех обязанностей в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу) исходили при этом именно из объективно проявляющих себя внешних факторов и критериев исключительно объективного порядка. Таким образом, всякое обращение к субъективно-волевым критериям при оценке международными судебными и арбитражными органами степени добросовестности в поведении государств полностью исключалось. Поведение государств проявляет себя вовне в конкретных фактах. Обязанность добросовестного поведения государств в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу распространяется согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г. в одинаковой мере как на участвующее в переговорах государство, так и на договаривающиеся государства.

Временной промежуток, охватываемый постановлениями ст. 18, включает, во-первых, период, в течение которого государство подписало договор под условием ратификации, принятия или утверждения (до тех пор пока оно не выразило ясно своего намерения не стать участником этого договора), и, во-вторых, период, в течение которого государство изъявило согласие на обязательность для него договора и вплоть до вступления договора в силу.

Таким образом, ст. 18 покрывает собой практически весь временной промежуток, начиная со стадии подписания договора и вплоть до вступления договора в силу. Действие данной статьи предполагает, что государство в этом промежутке времени должно придерживаться добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора до вступления договора в силу. Изложенный в ст. 18 принцип сопоставим с принципом добросовестного выполнения уже действующего договора в том плане, что в обоих случаях государство должно придерживаться строго последовательного поведения в отношении определенных дого-

ворных постановлений. Различие здесь состоит в том, что в первом случае необходимость последовательного поведения относилась к соблюдению объекта и цели договора, а во втором — к соблюдению всего договора в целом. В качестве причины, которая обусловила разную степень отношения государства в юридическом плане к такому международному документу, как договор, выступает то обстоятельство, что в одном случае договор пока еще не вступил в силу, а в другом уже вступил и является действующим юридическим актом.

Следует, однако, подчеркнуть, что из действия ст. 18 выпадает промежуток времени, в течение которого государства вступили на основе соответствующей договоренности в переговоры, приняли участие в составлении и принятии текста договора.

Тот факт, что вне действия принципа добросовестного поведения государства в отношении соблюдения объекта и цели договора находятся стадии ведения переговоров с целью заключения последнего, а также стадии составления и принятия текста договора, является, на наш взгляд, значительным упущением Венской конференции по праву международных договоров, тем более что во всех трех вариантах статей о правах и обязанностях участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, выработанных в рамках Комиссии международного права (ст. 17 предварительных проектов комиссии 1962 и 1965 гг. и ст. 15 окончательного Проекта комиссии 1966 г.), действие принципа добросовестного поведения государства в отношении соблюдения объекта и цели договора начиналось со стадии вступления в переговоры и покрывало собой стадии составления и принятия текста договора.

Принятая незначительным большинством голосов на Венской конференции поправка (согласно которой из-под действия принципа добросовестного поведения государств в отношении

соблюдения объекта и цели договора были выведены стадии вступления в переговоры, проведения переговоров, стадии составления и принятия текста договора) наносит серьезный урон делу обеспечения обстановки взаимного доверия, поддержания устойчивости и уверенности в достижении приемлемого для всех сторон договора.

Распространение действия принципа добросовестного поведения государства на временной промежуток, включающий в себя стадии вступления и проведения переговоров по составлению и принятию текста договора, оказало бы положительное воздействие на все последующие стадии процесса заключения договора и явилось бы залогом успешного завершения этого процесса. Это позволило бы государствам, принимавшим участие в переговорах по составлению и принятию текста договора, проводить их, зная, что их усилия не будут сведены на нет без предварительного предупреждения.

Речь не идет о каких-то «законных ожиданиях» сторон, принимавших участие в переговорах, о которых говорил французский юрист П. Рётер⁷⁹ в своем выступлении в Комиссии международного права (17-я сессия) при обсуждении Проекта статьи о правах и обязанностях государств до вступления договора в силу, ибо они не имеют никакого правового основания. Имеется в виду необходимость соблюдения вполне конкретной и действующей нормы современного международного права — обязанности добросовестного поведения государств в отношении соблюдения объекта и цели согласованного текста договора. Эта норма начинает свое действие во временном плане с момента вступления в переговоры на основе соответствующего соглашения

⁷⁹ YILC. 1965. N. Y., 1965. Vol. I. P. 95

с целью последующего заключения определенного договора и действует вплоть до момента вступления данного договора в силу.

Если государство на основе предварительной договоренности в форме соответствующего соглашения с другими государствами вступило в переговоры с целью заключения договора, участвовало в его составлении, принятии, подписании и на протяжении всего этого периода не проявило в ясной форме своих намерений обратного порядка не стать участником договора, то оно призвано соблюдать объект и цель договора до вступления договора в силу и поэтому обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы последнего его существа — его объекта и цели. Подобные действия, предпринятые с его стороны, будут явным нарушением обязанности добросовестного поведения на стадии заключения международного договора.

Вступление договора в силу вводит в действие другое, более широкое по своему объему обязательство по добросовестному выполнению всего договора в целом. Таким образом, на смену обязанности добросовестного поведения государств в отношении соблюдения объекта и цели договора по ст. 18 Венской конвенции 1969 г. приходит обязательство добросовестного выполнения действующего договора по ст. 26 этой же Конвенции. Оба изложенных здесь обязательства не только соизмеримы в том плане, в каком об этом говорилось выше, но и тесно взаимосвязаны. Имеется в виду не только то, что на смену одному обязательству приходит другое, а еще и необходимость соблюдения государствами на добросовестной основе последовательности в своем поведении как на стадии международного нормотворческого процесса, каким является весь процесс заключения договоров, так и на стадии правооуществительного процесса, каким является процесс соблюдения и применения договоров.

ГЛАВА III

Применение последовательных заключенных международных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу

Межгосударственное сотрудничество требует строгого соблюдения всеми государствами ранее уже принятых международных обязательств по соответствующим договорам. Эта необходимость, естественно, распространяется и на последовательно заключенные международные договоры, относящиеся к одному и тому же вопросу. Предполагается, что два или несколько государств — участников предыдущего договора многостороннего характера, заключив несколько позднее по времени последующее соглашение *inter se* (соглашение, действующее только между некоторыми из участников многостороннего договора) или же войдя в последующее соглашение с новыми государствами, обязаны обеспечить такое положение, при котором эффективное осуществление последующего соглашения не наносило бы ущерба правам участников предыдущего договора и не влияло на исполнение ими своих обязательств согласно предыдущему договору.

Таким образом, должно быть обеспечено положение, когда исполнение последующего по времени договора, относящегося к одному и тому же вопросу, что и предыдущий, не затрагивало бы постановлений, отступление от которого явилось бы несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей предыдущего договора в целом. Если это не обеспечивается и возникает противоречие между обязательствами данных государств по предыдущему договору и их обязательствами согласно последующему соглашению с другими государствами, то встает вопрос о признании недействительности последующего

соглашения. Такова традиционная точка зрения в доктрине международного права. Однако это мнение нуждается в уточнении. Во-первых, как показано ниже, расхождение между договорами может не быть столь значительным, чтобы оправдать постановку вопроса о признании автоматической недействительности последующего договора.

Во-вторых, недействительность может быть признана лишь тогда, когда она специально предусмотрена в предыдущем договоре в качестве санкции за нарушение соответствующих его постановлений (например, постановлений о пересмотре многостороннего договора на основе соглашений *inter se*). Когда же такого рода санкции в предыдущем договоре не предусматриваются, то подписание последующего соглашения будет представлять собой незаконный акт, влекущий за собой наступление последствий, которые обычно предусматриваются международным правом в случае нарушения международного обязательства. Иначе говоря, может быть поставлен вопрос о международной ответственности государств, нарушивших своим актом подписание последующего договора определенные постановления многостороннего договора. В частности, государства — участники предыдущего многостороннего договора могут потребовать возмещение за тот ущерб, который был им нанесен в результате незаконного заключения и применения последующего соглашения.

Расхождение между предыдущим и последующим договорами может быть, как уже отмечалось, существенным или не столь существенным. В первом случае, когда исполнение последующего договора препятствует эффективному осуществлению объекта и целей предыдущего договора, может возникнуть межгосударственный спор относительно последующего соглашения *inter se*. Возможным вариантом урегулирования спора

может явиться обращение в Международный суд ООН или арбитраж в целях его мирного разрешения.

Международной судебной практике известны два наиболее крупных и часто приводимых дела, где была рассмотрена проблема применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу. Это «Европейская комиссия по Дунаю» (1927 г.)⁸⁰ и «Оскар Шинн» (1934 г.)⁸¹. Названные дела, как это видно, относятся к довоенной практике Постоянной палаты международного правосудия. Мы рассмотрим ниже также и примеры из практики Международного суда ООН, которые касаются проблемы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Во втором случае, когда расхождение между предыдущим и последующим договорами, заключенными по одному и тому же вопросу, не представляется столь существенным, разрешение проблемы их соотношения может быть найдено путем отдания приоритета применению того или иного международного договора. То, что между постановлениями предыдущего и последующего договоров имеет место определенное расхождение, не свидетельствует о существовании несовместимости в их исполнении в том смысле, в каком это вытекает из постановлений п. 3 ст. 30 Венской конвенций 1969 г. о праве международных договоров. Фактически поддержание в силе предыдущего договора может быть оправданным вследствие имеющихся в наличии конкретных обстоятельств дела и намерений государств — участников предыдущего договора. Такое может, например, иметь место, если несколько государств заключили консульскую конвенцию, предоставлявшую широкий объем привиле-

⁸⁰ CПJI. Ser. B. N 14

⁸¹ Ibid. Ser. A/B, N 63

гий и иммунитетов, а впоследствии эта же группа государств заключила с другими государствами многостороннюю консульскую конвенцию, предусматривавшую более ограниченный правовой режим консульств.

Предыдущая конвенция будет продолжать регулировать отношения между, государствами—участниками данной конвенции, поскольку конкретные обстоятельства и намерения государств — участников оправдывали поддержание ее в силе. Тогда уже не имеет принципиального значения, является ли предыдущий договор многосторонним, а последующий соглашением *inter se* или наоборот. Юридически обоснована высказанная в ходе Венской дипломатической конференции 1968—1969 гг. по праву международных договоров позиция: если действие предыдущего договора не прекратилось в результате заключения нового договора по тому же вопросу, то постановления предыдущего договора должны применяться постольку, поскольку они создают режим не менее благоприятный, чем постановления последующего договора⁸².

При исследовании проблемы применения последовательно "заключенных международных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, возникает естественный вопрос о причинах появления и существования споров, касающихся применения предыдущих и последующих договоров, а также о том, насколько эта проблема стала актуальной за последнее время со сравнением с прошлым.

В зарубежной международно-правовой литературе была выдвинута точка зрения, согласно которой возникновение и существование споров относительно применения последова-

⁸² См.: Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 134

тельно во времени заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, связаны с отсутствием «мирового законодательного органа», который устранял бы случаи наложения и пересечения постановлений предыдущих и последующих договоров. Олицетворяя международный правопорядок с внутригосударственным правопорядком, отдельные авторы пытаются перенести проблему применения предыдущих и последующих актов, так как она находит свое разрешение в рамках отдельных государств, на международное сообщество государств. Предлагая это, юристы выдвигают такие принципы разрешения проблемы соотношения предыдущих и последующих актов, применимые в рамках отдельного государства, как, например, «последующий акт отменяет предыдущий акт», «акт вышестоящего органа отменяет акт нижестоящего органа», для их использования в отношениях между суверенными государствами.

Между тем перенесение принципов разрешения данной проблемы на международное сообщество государств попросту невозможно в силу коренного различия между внутригосударственным и межгосударственным правопорядком. Во внутреннем правопорядке она может быть действительно эффективно разрешена посредством простого законодательного предписания внутригосударственной власти с учетом изложенных выше принципов. В международном же правопорядке государствам — суверенным субъектам международного права никто не вправе предписать, каким образом и на основе каких принципов следует действовать в этом случае.

Анализ зарубежной правовой литературы по исследуемому вопросу свидетельствует о том, что попытки перенести решение проблемы применения предыдущих и последующих актов, относящихся к одному и тому же вопросу, осуществляемое в рамках одного государства, на международное сообщество суверенных

государств встречаются относительно редко. В большинстве работ юристов признается, что между внутригосударственным и международным правом порядком существует качественное различие, которое исключает механическое перенесение проблемы применения предыдущих и последующих актов из внутригосударственного права порядка в международный право порядок. В этом смысле высказываются, например, французские юристы Ш. Руссо, Нгуен Кок Дин, английский юрист Я. Синклер⁸³.

Тем не менее остановимся на рассмотрении точки зрения английского юриста У. Дженкса, согласно которой «мировой законодательный орган» мог бы властным путем исключать случаи пересечения постановлений предыдущих и последующих договоров и сам разрешать возникающие споры между государствами о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу⁸⁴.

Подобные предложения не новы по своей сути и являются отражением известной теории «мирового правительства», распространяемой рядом зарубежных юристов. Их принятие означало бы ликвидацию национальной самостоятельности государств и, естественно, принципа государственного суверенитета. Поэтому подобного рода теории несовместимы с современным международным правом.

Разрешение споров о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, должно осуществляться с учетом Устава ООН и положений современного международного права, в частности путем перегово-

⁸³ Rousseau Ch. *Principes generaux du droit international public*. P., 1944. P. 782; Nguyen Quoc Dinh. *Droit international public*. P., 1975. P. 258; Sinclair I. *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. Manchester, 1973. P. 62—69

⁸⁴ Jenks W. *The Conflict of Law-making Treaties* // BYBIL. 1953. L., 1954. P. 402-405

воров или при наличии общего согласия всех сторон посредством обращения в Международный суд или арбитраж. Что же касается самой причины возникновения споров между государствами относительно применения предыдущих и последующих договоров, то здесь первоосновой опять-таки является не отсутствие «мирового законодательного органа», якобы призванного заранее устранить всякое несоответствие или расхождение между предыдущим и последующим -договорами, а конкретные обстоятельства дела, обусловленные в конечном счете намерением государств упорядочить свои взаимоотношения определенным образом.

В качестве примера приведем такую ситуацию: несколько участников многостороннего договора, заключили соглашение об изменении договора только во взаимоотношениях между собой, оставаясь в то же время сторонами многостороннего договора; предыдущий и последующий договоры остаются при этом в силе одновременно для государств — участников обоих договоров. В таком случае может возникнуть спор между государствами о применении постановлений предыдущего и последующего договоров.

Вот почему вся проблема урегулирования применения последовательно заключенных договоров должна быть рассмотрена в более широком контексте. Возможность спора возникает каждый раз, когда последовательно заключенные международные договоры, находящиеся в силе применительно к различным группам государств, регулируют один и тот же вопросы когда их постановления пересекаются. Проблемы, вызываемые спорами по применению двусторонних последовательно заключенных международных договоров по одному и тому же вопросу, сторонами которых выступают одни и те же государства, разрешаются достаточно просто на основе определения намерений государств — участников предыдущих и последующих двусторонних договоров.

Споры относительно применения последовательно заключенных договоров, относящиеся к одному и тому же вопросу, но с разным кругом участников, затрагивают более сложные проблемы, но и они могут быть разрешены в соответствии с установившимися правилами согласно п. 4 и 5 ст. 30 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров. Сложности особого порядка возникают, когда встает вопрос о разрешении споров относительно применения последовательно заключенных многосторонних договоров, а также в отношении применения многосторонних договоров и соглашений *inter se*. Но и здесь имеются постановления ст. 30, 41 и 60 Венской конвенции 1969 г.

Многообразие возможных ситуаций, вызываемых жизнью как следствие применения последовательно заключенных международных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, не позволяет принять в качестве средства разрешения споров по применению предыдущих и последующих договоров какой-либо один принцип (например, принцип «*lex posterior derogat priori*» — последующий договор обладает приоритетом по отношению к предыдущему договору ИЛИ принцип «*lex prior*» — предыдущий договор обладает приоритетом по отношению к последующему договору). При таких обстоятельствах споры относительно применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, будучи нежелательным элементом договорно-правовой практики государств, необходимо рассматривать как естественное следствие роста межгосударственного сотрудничества в различных областях.

Понятно, что роль ученых-международников состоит в том, чтобы, содействуя выработке процедур с целью сведения к минимуму случаев возникновения споров относительно применения предыдущих и последующих договоров, предпринимать усилия по формулированию соответствующих правил для раз-

решения таких споров, когда они все-таки возникают. В ст. 30 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров дается общее решение проблемы. Оценивая данную статью, отметим, что ее постановления внесли значительный вклад в процесс кодификации договорных норм, касающихся применения последовательно заключенных договоров. Вместе с тем необходимо констатировать, что ст. 30 имеет все-таки дополняющий характер. Предполагается, что она применяется лишь в том случае, если в самих договорах на этот счет ничего не сказано.

Ввиду своей актуальности и практической значимости изучению проблемы применения предыдущих и последовательных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, уделено значительное внимание в работах современных авторов. Ретроспективный анализ научных трудов по данной проблеме следует проводить с учетом факта принятия Венской конвенции 1969 г. Отсутствие до этого кодифицированного текста правил, упорядочивших процедуру применения последовательно заключенных договоров, естественно, отрицательно сказывалось на любом исследовании проблемы. Это, в частности, проявилось в том, что ученые-юристы при анализе проблемы применения таких договоров, как правило, исходили при этом из какого-то одного принципа, рассматривая его в качестве возможной основы для решения всей проблемы. Так, например, австрийский юрист А. Фердросс⁸⁵ и норвежский юрист Ф. Кастберг⁸⁶ строили свои теоретические построения на принципе «*lex posterior derogat priori*». Итальянскому юристу Д. Анцилотти принадлежит приори-

⁸⁵ Verdross A. Regies generales du droit international de la paix // HdC. 1929. Vol. 30, pt V. P. 304

⁸⁶ Castberg F. La Mothodologie du Droit Interna t i o n a \ Public // RdC. 1933. Vol. 43, pt I. P. 334; Anzilotti D. Cours do droit international. P., 1029. T. 1. P. 103

тет в распространении принципа «*lex specialis*», в основе которого лежит положение *in toto jure genus per speciem derogatur* (норма международного права особенного характера превалирует над нормой общего характера). По мнению этого ученого, данный принцип мог бы стать основой для разрешения проблемы применения последовательно заключенных договоров.

Завершение в 1969 г. кодификационного процесса по выработке совокупности правил, призванных регулировать применение последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу (ст. 30, 41, 59), имело большое значение для научной разработки этой проблемы. Так, во всех работах, вышедших после принятия Венской конвенции 1969 г., исследование велось уже на основе постановлений ст. 30, что исключало «замыкание» на одном каком-либо принципе при проведении анализа проблемы. Равным образом с принятием Венской конвенции 1969 г. научное исследование проблемы применения последовательно заключенных договоров уже не концентрировалось исключительно только на положении, согласно которому последующий договор признается автоматически недействительным и поэтому аннулированным, если его исполнение влечет за собой несоблюдение в полной мере обязательств, принятых ранее по времени одним или несколькими договаривающимися государствами в соответствии с постановлениями предыдущего договора. Такая точка зрения, ставшая основой для предложений, выдвинутых в 1953 г. Х. Лаутерпахтом⁸⁷, как уже отмечалось, весьма распространена в науке меж-

⁸⁷ YILC. 1953. N. Y., 1959. Vol. 2. P. 156-159

дународного права. В российской науке международного права она поддерживается В. М. Шуршаловым⁸⁸.

В зарубежной доктрине международного права мнение, что договор признается недействительным, если он не в полной мере соответствует обязательствам, ранее принятым по отношению к какому-либо государству — участнику предыдущего договора, разделяли, например, Л. Оппенгейм⁸⁹, Г. Шварценбергер⁹⁰.

Автоматическое признание недействительности последующего договора и соответственно его прекращение могут затронуть интересы и нанести ущерб правам стороны-контрагента, государства — участника последующего договора, которое фактом заключения этого договора нарушило свои обязательства, вытекающие для него из предыдущего договора. В этих условиях возникает необходимость оградить справедливые интересы и законные права тех государств, которые, вступая в договор, не имели никакого представления о возможных международно-правовых последствиях факта заключения последующего договора. Вот почему если между предыдущим и последующим договорами нет значительных расхождений и их постановления не являются взаимоисключающими, оба договора могут продолжать действовать, поскольку это представляется практически целесообразным государствам — участникам как предыдущего, так и последующего договора.

⁸⁸ См.: *Шуршалов В. М.* Основные вопросы теории международного договора. М., 1959. С. 270—278

⁸⁹ См.: *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1949. Т. 1, п/т. 2. С. 420

⁹⁰ *Schwarzenberger G. A. Manual of International Law. L., 1947. P. 03*

1. Договорная практика государств по применению последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу

Проблема наложения или пересечения конвенционных норм может возникнуть или на стадии переговоров по выработке текста договора, или уже на стадии непосредственного применения договоров, когда он входит в противоречие или просто расходится в отдельных конвенционных постановлениях с предыдущим договором, связывающим одно или несколько из договаривающихся государств, которые являются одновременно и участниками последующего договора.

Будучи по своей сущности проблемой юридической техники, разрешаемой на основе выработанных международно-правовых правил, проблема соотношения предыдущих и последующих договоров часто подвергается влиянию факторов политического характера, связанных со стремлением использовать данную проблему в своих специальных целях.

Последовательность договорно-правовой практики Российского государства (в порядке правопреемства СССР) в плане решения проблемы соотношения предыдущих и последующих договоров обозначена в формате постановки общей востребованности для всех государств – членов мирового сообщества соблюдение норм современного международного права. Соответственно, несостоятельны с международно-правовой точки зрения утверждения ряда юристов о якобы имевших место случаях непоследовательности в договорно-правовой политике

СССР, в частности несоблюдения обязательств по ранее заключенным международным договорам⁹¹.

Исследование договорно-правовой практики государств по применению последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу требует уточнения сферы их действия.

Случаи расхождения между предыдущими и последующими договорами двустороннего характера в международном праве встречаются достаточно часто, особенно на данном этапе, характеризующемся многообразием конвенционных обязательств между государствами. Как правило, схема договорных обязательств здесь складывается следующим образом: государство А заключило с государством В международный договор, расходящийся в той или иной мере в своих постановлениях с подписанным ранее по времени и относящимся к тому же вопросу договором с государством Б. В той мере, в какой между двумя системами договорных связей существует расхождение, может возникнуть проблема приоритета применения. В качестве примеров из договорно-правовой практики государств, когда такое расхождение привело к возникновению межгосударственного спора относительно их соотношения в плане приоритета применения договоров можно привести: 1) спор относительно приоритета исполнения между англо-американским Договором от 18 ноября 1901 г. (устанавливавшим единый налоговый режим на проход всех судов, в том числе и американских, через Панамский канал) и американо-панамским Договором от 18 ноября 1903 г. (исключавшим налоговое обложение американских судов, проходивших через Панамский канал); 2) спор от-

⁹¹ *Rousseau Ch. Droit international public. P., 1970. T. 1. P. 153*

носителем приоритета применения Договора между Никарагуа и Коста-Рикой от 15 апреля 1858 г. (запрещавшего тогдашнему правительству Никарагуа предоставлять концессии на своей территории без предварительной консультации с Коста-Рикой) и Договором между США и Никарагуа от 5 августа 1914 г. (на основе которого тогдашнее правительство Никарагуа предоставляло концессии США без предварительной консультации с Коста-Рикой); 3) спор относительно приоритета применения Договора между Японией и США от 30 ноября 1908 г. (по которому Япония принимала обязательство предоставлять всем иностранным державам на правах полного равенства возможности коммерческого характера на своей территории) и договором между Японией и Китаем от 25 мая 1915 г. (предоставлявшим Китаю преференциальный режим со стороны Японии); 4) проблему соотношения постановлений Договора о ненападении и нейтралитете между СССР и Италией от 2 сентября 1933 г. (который запрещал вхождение в военные союзы, направленные друг против друга) и протоколом от 6 ноября 1937 г. о присоединении Италии к «антикоминтерновскому пакту» (подписанному фашистской Германией и милитаристской Японией 25 ноября 1936 г. и направленному против СССР — участника предыдущего до го пора с Италией).

Факт вхождения Италии в военный союз с фашистской Германией и милитаристской Японией, направленный против СССР — контрагента Италии из Договора 1933 г., явился грубым нарушением Италией своих обязательств по отношению к СССР, которые вытекали для нее по Договору о ненападении и нейтралитете с СССР. В дипломатической ноте протеста от 8 ноября 1937 г. правительство СССР ясно указало на непоследовательность в выполнении со стороны Италии своих обязательств,

принятых ею по ранее заключенному договору с СССР⁹². Пытаясь оправдать свои противоправные действия правительство фашистской Италии заявляло, что факт вхождения в «антикоминтерновский пакт» обусловлен чисто идеологическими соображениями и не направлен против СССР как государства⁹³.

Очевидно, однако, что «антикоминтерновский пакт» был основой будущего союза государств гитлеровского блока в агрессивной войне против СССР. Последующее участие Италии в войне на стороне фашистской Германии против СССР подтвердило это. Поэтому, оценивая в ретроспективе позицию Италии в отношении соблюдения постановлений Договора 1933 г. о нейтралитете и ненападении с СССР в свете последующего подписания в 1937 г. протокола о присоединении к «антикоминтерновскому пакту», направленному своим острием против СССР, можно говорить о том, что подписание протокола 1937 г. было абсолютно несовместимым с эффективным осуществлением объекта и цели договора 1933 г. (недопустимость вхождения в военные союзы, направленные против другой договаривающейся стороны). Иными словами, присоединение Италии в 1937 г. к «антикоминтерновскому пакту» фактически свело на нет юридическую действенность договора 1933 г. с СССР.

Анализ договорной практики государств свидетельствует о том, что проблема соотношения применения двух последовательно заключенных договоров может возникнуть не только в мирное время, но и в период ведения военных действий и поэтому иметь специфику, обусловленную военным временем и необходимостью последующего мирного урегулирования.

⁹² См.: Правда. 1937, 9 нояб

⁹³ См.: Rousseau Ch. *Principes goneraux do droit international public*. Т. 1. Р. 769

Первый пример из договорно-правовой практики военного периода затрагивал проблему соотношения постановлений англо-французского Договора от 28 мая 1940 г., разрешавшего только с общего согласия какие бы то ни было переговоры и заключение сепаратного перемирия с Германией в течение всего периода ведения военных действий против нее, и франко-германским и франко-итальянским договорами о перемирии от 22 и 24 июня 1940 г.⁹⁴ В данном случае правительство капитулянтов во главе с маршалом Петепом актом подписания сепаратного перемирия с Германией и Италией проявило непоследовательность в выполнении своих международных обязательств по ранее заключенному договору, запрещавшему осуществление действий именно подобного рода.

Второй пример касался спора о соотношении применения Договора о союзе от 22 мая 1939 г. между фашистскими правительствами Германии и Италии (исключавшего возможность сепаратного мира с государствами антигитлеровской коалиции и создававшего на основе этого акта военный союз двух фашистских государств) и Договора о перемирии от 3 сентября 1943 г. между королевским правительством Италии, с одной стороны, и США и Англией от имени Объединенных Наций — с другой. Италия, предчувствуя неминуемое поражение в агрессивной войне против стран антигитлеровской коалиции, была вынуждена пойти на подписание сепаратного мира с англо-американской стороной. Сделав такой политический маневр, англо-американские союзники СССР по войне против стран фашистского блока пытались отстранить СССР от участия в решении вопросов, связанных с Италией, и поставить страну

⁹⁴ Подробнее см.: История внешней политики СССР. Ч. 1: 1917—1945 гг. М., 1966. С. 371-372

под свой контроль⁹⁵. Говорить о том, что Италия была последовательна или нет в выполнении обязательств по ранее заключенному договору с фашистской Германией, не имеет предметного смысла, ибо Договор 1939 г., создавший основу для фашистского блока двух держав, ввиду своей агрессивной направленности был юридически ничтожен с самого начала. Когда в работах ряда зарубежных юристов-международников приводится данный случай, как пример непоследовательности государств в своей договорно-правовой практике в отношении выполнения международных обязательств по ранее заключенному договору⁹⁶, то, на наш взгляд, это делается без реальной, объективной политической оценки конкретной ситуации, что еще раз подтверждает формально-юридический подход ряда зарубежных юристов к науке международного права.

Проблема соотношения предыдущих и последующих договоров может возникнуть применительно и к многосторонним международным договорам. Схематично система договорных связей может принимать здесь следующие виды: государства А, Б, В, Г заключили договор, после чего государства А, Б, В (стороны предыдущего многостороннего договора) по истечении некоторого времени заключили последующий договор по тому же вопросу (первая ситуация). Во второй возможной ситуации сторонами первого договора являлись государства А, Б, В, Г, а сторонами последующего договора были государства А, Б, Е. Как в первом, так и во втором случае может возникнуть проблема соотношения предыдущего и последующего договоров. Это происходит, во-первых, когда последующий многосторон-

⁹⁵ Подробнее см.: История международных отношений и внешней политики СССР, 1935—1945 гг. М., 1967. Т. 2. С. 184—186

⁹⁶ *Rousseau Ch. Droit international public. T. 1. P. 153*

ний договор, отменяя действие предыдущего многостороннего договора, не собирает в себе всех государств — участников предыдущего договора и, во-вторых, когда пересмотренный текст последующего договора существует и действует параллельно с предыдущим договором.

Современная эпоха дает множество примеров подобного рода, один из них дело «Оскар Шинн», рассмотренное Постоянной палатой международного правосудия в. 1934 г. В основе этого дела лежала проблема соотношения многостороннего договора, устанавливавшего правовой режим бассейна реки Конго (Берлинский акт" 1885 г., который предполагал, что любое изменение или улучшение правового режима бассейна реки Конго должно быть осуществлено только с общего согласия всех участников акта; Конвенция Сент-Жермен 1919 г., подписанная лишь некоторыми из участников Берлинского акта, в соответствии с которой были отменены только в отношениях между участниками этой Конвенции определенные постановления этого акта 1885 г. и заменены новым правовым режимом, применимым в отношении бассейна реки Конго). Несмотря на то, что Сент-Жерменская конвенция была заключена без наличия общего согласия всех участников Берлинского акта, как этого требовали его постановления, суд в своем решении не поставил под сомнение ее юридическую действительность. Приняв во внимание тот факт, что обе спорящие стороны (Бельгия и Англия) расценивали Конвенцию как источник своих взаимных обязательств, суд в своем решении постановил следующее: «Сент-Жерменская конвенция представлена сторонами как непосредственный источник взаимных прав и обязательств и поэтому, по мнению суда, является в данном деле именно тем

юридическим актом, который предполагается для непосредственного применения сторонами»⁹⁷.

Ситуации, когда возникает проблема соотношения последовательно заключенных многосторонних договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, встречаются в различных областях межгосударственных отношений, например в области международного гуманитарного права, в области борьбы против международной торговли наркотиками. Обратим внимание на еще один пример из довоенной договорно-правовой практики, имеющий на этот раз отношение к запрету агрессивных войн и установлению в юридическом плане права государства на самооборону. Наиболее известным примером здесь является проблема соотношения таких двух многосторонних договоров, как Статут Лиги Наций, (в частности, его ст. 12 и 15) и Парижский договор 1928 г. об отказе от войны как орудия национальной политики. Оба международно-правовых акта действовали одновременно несмотря на расхождение в содержании постановлений, применяемых к одним и тем же участникам того и иного документа.

Как известно, Статут Лиги Наций не содержал постановления о безусловном запрещении агрессивной войны. Это признают, в том числе, и зарубежные юристы-международники. в частности П. Фошиль, Я. Броунли, Ш. Руссо⁹⁸.

Так, согласно ст. 13 Статута, законную возможность обращения к войне имел любой член Лиги Наций против любого государства, которое в своем поведении не соотнобразовывалось с решением третейского суда по истечении трехмесячного мора-

⁹⁷ CPJL. Ser. A/B. 1934. N 63. P. 130

⁹⁸ Fauchille P. Droit international public. P., 1926. T. 2. P. 1067; Brownlie J. International Law and the Use of Force by States. Oxford, 1963. P. 56; Rousseau Ch. Principes généraux du droit international public T. 1. P. 771 — 772; Idem. Droit international public

тория, предусмотренного в ст. 12. Помимо этого, законность и допустимость обращения к войне вытекали из положения п. 7 ст. 15, когда Совету Лиги Наций не удавалось достигнуть принятия его доклада всеми членами Совета, а также когда межгосударственный спор, представленный на рассмотрение Совета, касался вопроса, относившегося исключительно к внутренней компетенции государства — участника спора (п. 8 ст. 15)⁹⁹.

Однако уже Парижский договор 1928 г. установил юридический запрет на право обращаться к войне как средству национальной политики и тем самым внес значительный вклад в процесс становления в современном международном праве принципа ненападения. Из-за отсутствия какого-либо решения по урегулированию явного несоответствия между двумя правовыми режимами, установленными на основе двух последовательно во времени заключенных договоров (Статутом Лиги Наций и Парижским договором 1928 г.), государства — члены Лиги Наций были связанными с 1928 по 1939 г. двумя прямо несовместимыми по своему содержанию многосторонними договорами. Возможную причину такой аномалии следует искать в условиях применения ст. 16 Статута Лиги Наций. Ряд государств были мало склонны расширить область своих обязательств по взаимопомощи (первоначально предусмотренную в "1919 г. только" в отношении единственного случая, а именно незаконной войны) на государство-жертву так называемой законной или допустимой войны по смыслу п. 7 и 8 ст. 15 Статута¹⁰⁰.

⁹⁹ Подробнее см.: Шармазанавили Г. В. Самооборона в международном праве. М., 1973. С. 23

¹⁰⁰ См., напр.: Scelle G. Regles generales du droit de la paix // RdC. 1933. Vol. 46, pt IV. P. 680—687; Rutgers N. La Mise en Harmonie du Pacte de la S. D. N. avec le Pacte de Paris // RdC. 1931. Vol. 38, pt IV. P. 5—123; Giraud E. Des Amendements au Pacte de la S. D. N. en vue de le Mettre en Harmonie avec le

Ныне, как и в довоенный период, случаи пересечения и наложения постановлений предыдущих и последующих многосторонних договоров, касающихся одного и того же вопроса, встречаются в самых различных областях межгосударственных договорных отношений. Так, в экономической области можно констатировать параллельное существование нескольких последовательно заключенных многосторонних договоров:

1) в отношениях между сторонами Генерального соглашения но тарифам и торговле от 30 октября 1947 г. (ст. 24 которого определяет условия действительности таможенных союзов) и участниками Римского договора от 25 мая 1957 г. (на основе которого было создано Европейское экономическое сообщество и была установлена преференциальная зона между его членами);

2) применительно к соотношению *interse* договоров, на основе которых были учреждены Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) и ЕЭС (в отношении свободного передвижения товаров, капитала и услуг, рабочей силы и т. д.); 3) применительно к проблеме соотношения договоров, на основе которых были учреждены замкнутые по своему составу европейские сообщества, и Устава ООН и ее специализированных учреждений (в том, что касается принципа равноправия в экономической области, свободы членства и социальной направленности в своей деятельности).

Разнообразие договорной практики государств применительно к проблеме соотношения предыдущих и последующих многосторонних договоров рождает множество возможных вариантов разрешения данной проблемы с учетом соответствующ-

Pacte do Paris // RGDIP. 1930. N 1. P. 19—42; Mandelstam L. L'interpretation du Pacte de Paris par les organes de la S. D. N. // RGDIP. 1.935. N 2. P. 241-292; Anderson C. Harmonising the League Covenant with the Pact // American Journal of International Law. 1933. N 1. P. 105—109. (Далее: AGIL)

щих намерений государств, выраженных в международных договорах. Одним из распространенных вариантов возникновения проблемы является случай соотношения между первоначальным договором и пересмотренным текстом данного договора, охватывающим один и тот же круг затрагиваемых вопросов, но действующим по отношению к различным группам государств или же между последовательно заключенными пересмотренными текстами первоначального договора.

Проблема соотношения между первоначальным и пересмотренным многосторонними договорами возникает в практике международных специализированных организаций технического характера. Так, для деятельности Всемирного почтового союза (ВПС) и Международного союза электросвязи (МСЭ) характерно правило, согласно которому каждые пять лет первоначальный уставной документ организации подвергается пересмотру. При осуществлении такой процедуры возникали трудности, связанные с тем, что некоторые государства—участники союза по разным причинам не успевали своевременно ратифицировать новую конвенцию к дате ее вступления в силу. Для устранения трудностей подобного рода в рамках ВПС было введено правило, согласно которому считается, что государство, присоединившееся к последнему пересмотренному тексту первоначального договора, тем самым приняло молчаливым образом в результате своего поведения все предыдущие тексты первоначального договора¹⁰¹. Сходные постановления (но более формального характера) предусмотрены и в рамках МСЭ¹⁰². Особенности решения проблемы соотношения преды-

¹⁰¹ Подробное см.: Alezandrowick Ch. World Economic Agencies. L., 1962. P. 1С

¹⁰² Ibid. P. 40-41.

дущих и последующих многосторонних договоров, установившиеся в деятельности ВПС и МСЭ на основе практики и выработанных па этот счет соответствующих правил, отличны от путей разрешения проблемы соотношения последовательно заключенных многосторонних договоров согласно ст. 30 Венской конвенции 1969 г. Однако возможность осуществления такой системы в рамках ВПС и МСЭ допускается в силу специально предусмотренных на этот счет постановлений ст. 5 указанной конвенции, по которым «настоящая конвенция применяется к любому договору, являющемуся учредительным актом международной организации, принятому в рамках международной организации без ущерба для соответствующих правил данной организации». Упомянутые в этой статье «правила данной организации» включают в себя не только писанные нормы, но также «неписанные обычные нормы»¹⁰³.

Оценивая систему (которая установилась в рамках ряда международных организаций технического характера) молчаливого принятия предыдущего текста основного договора, следует отметить, что правовые отношения между государством — участником последующего пересмотренного текста первоначального договора и государством — участником предыдущего текста первоначального договора (или государством — участником основного договора) с чисто юридической точки зрения могут существовать только в случае, если государство — участник последующего пересмотренного текста договора является также участником предыдущего текста договора (или участником основного договора). В этом состоит смысл постановлений п. 4(в) ст. 30 Венской конвенции 1969 г. На практике, однако,

¹⁰³ Такое разъяснение было дано председателем редакционного комитета Венской дипломатической конференции по праву договоров М. Яссином. См.: Sinclair I. *Op. cit.* P. 66

государство, присоединяющееся к последнему пересмотренному тексту основного договора, строго юридически не является участником предыдущего текста договора, так как оно не заявляло в явной форме о своем принятии предыдущих текстов основного договора. Только на основе поведения этого государства можно сделать заключение о том, что оно на основе действующего в данной организации правила молчаливо признало факт применимости в отношении себя предыдущих текстов основного договора.

Следует, однако, иметь в виду, что последующий договор – это всего лишь пересмотренный вариант оригинального договора. Поэтому предположение, что акт присоединения к новому пересмотренному тексту основного договора включает в себя молчаливое принятие на основе поведения государства оригинального варианта основного договора, может иметь под собой юридическое обоснование с учетом близости текстов первоначального и пересмотренных вариантов договора.

Приведенные выше примеры из договорно-правовой практики государств в отношении проблемы соотношения последовательно заключенных многосторонних договоров отнюдь не исчерпывают всех случаев, когда такая проблема встает в процессе сотрудничества государств. Практически она может возникнуть в любой области межгосударственного сотрудничества. Равным образом данная проблема может проявить себя в отношениях между любыми государствами-членами мирового сообщества.

Вместе с тем проблема соотношения предыдущих и последующих договоров политического характера не всегда стоит в плоскости совместимости или несовместимости последовательно заключенных договоров. Она может проявить себя и в плане приоритета их применения.

В п. 1(а) ст. 59 Венской конвенции 1969 г. предусматривается следующее: «...договор считается прекращенным, если все

его участники заключат последующий договор по тому же вопросу и из *последующего договора вытекает* или иным образом установлено *намерение участников, чтобы данный вопрос регулировался этим договором*» (курсив наш.— Р. К.). Таким образом, постановления ст. 59 Венской конвенции 1969 г. могут быть успешно использованы при установлении приоритета применения последовательно заключенных многосторонних договоров, когда все участники предыдущего договора также являются участниками последующего договора. В целом же намерения государств — участников предыдущего и последующего договоров, а также установление того факта, какой из двух договоров предоставляет более благоприятный правовой режим, могут быть определяющими факторами при решении проблемы приоритета.

Возрастающая сложность современных международных отношений в сочетании с деятельностью международных организаций универсального и регионального масштабов делала неизбежным появление случаев, когда становилось необходимо урегулировать проблему соотношения последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, и соответственно установления приоритета их применения.

Насыщенность современных международных отношений различного рода организациями, действующими в различных (а порой и в перекрещивающихся) областях межгосударственного сотрудничества, значительно повысила по сравнению с довоенным периодом, возможность появления случаев, делающих необходимым решение проблемы соотношения предыдущих и последующих многосторонних и двусторонних договоров. Однако нельзя сказать, что довоенный период был каким-то исключением. В работах по международному праву того периода приводится достаточное количество случаев из договорно-

правовой практики государств, которые, как отмечали их авторы, могли бы служить примером проблемы соотношения последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Большое внимание в довоенной литературе было уделено, в частности, проблеме соотношения последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров, действовавших в области международного судебного разбирательства. Приведем два примера. Первый касался соотношения ст. 15 Статута Лиги Наций и двусторонних договоров о примирении и арбитраже. Второй пример — соотношения ст. 36 Статута Постоянной палаты международного правосудия, Генерального акта 1928 г. о мирном разрешении международных споров, предусматривавшего согласительную процедуру, третейское и судебное разбирательство¹⁰⁴, и двусторонних договоров об арбитраже и судебном урегулировании, предусматривавших также мирное разрешение споров на основе арбитражной или судебной процедуры.

Значительное развитие, которое получила примирительная процедура в период в 1919—1939 гг., поставила в практическом и теоретическом планах проблему соотношения таких многосторонних договоров, как Статут Лиги Наций, и заключенных несколько позднее двусторонних договоров о примирении и арбитраже. Согласно постановлениям ст. 15 Статута Лиги Наций, спор между членами Лиги, «могущий повлечь за собой разрыв» и не переданный на арбитражное или судебное разбирательство, должен был быть направлен спорящими сторонами в Совет Лиги Наций для рассмотрения и принятия по нему соответствующего доклада. Вместе с тем подписанные уже после

¹⁰⁴ См.: Международная политика в 1928 году: Договоры, декларации в дипломатическая переписка. М., 1929. С. 69—77

принятия Статута Лиги Наций двусторонние договоры о примирении и арбитраже, несмотря на имевшуюся в них оговорку о том, что они заключены «с учетом соблюдения прав и обязательств, упомянутых в ст. 15 Статута», предписывали участникам обязательное обращение в Комиссию по примирению с целью разрешения возникающих между ними споров.

Оценивая постановления Статута Лиги Наций и постановления двусторонних договоров о примирении и арбитраже, авторы¹⁰⁵, исследовавшие проблему соотношения последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров, правы, когда отмечают существование с чисто юридической точки зрения несоответствия между таким предыдущим многосторонним договорно-правовым актом, как Статут Лиги Наций, и последующими двусторонними договорами о примирении и арбитраже. Последние, устанавливая обязательность обращения в Комиссию по примирению, тем самым ограничивали полномочия государств в отношении передачи спора на рассмотрение Совета Лиги Наций. Возможным решением проблемы соотношения между Статутом Лиги Наций и двусторонними договорами о примирении и арбитраже, как нам представляется, являлось бы включение в двусторонние договоры соответствующего положения, которое бы отражало намерения сторон признать приоритет за предыдущим или последующим договором.

¹⁰⁵ *Efremoff J.*, *La conciliation internationale* // *RdC.* 1927. La Haye 1928. T. 18, pt III. P. 62-69; *Rousseau Ck.* *La Competence de la S. D. N. dans le reglement des conflits internationaux.* P., 1927. P. 283—285; *Revel N.* *Role et caractere des Commissions de conciliation* // *RGDIP.* 1931. N 2. P. 584—593; *Vulcan C.* *La Conciliation dans le droit international actuel.* P., 1932. P. 117 — 128; *Barandon P.* *Le Systeme Juridique de la S. D. N. pour la Prevention de la Guerre,* P., 1933. P. 181—183

Распространение системы двусторонних соглашений о примирении, арбитраже и судебном разбирательстве среди государств, которые к моменту подписания указанных соглашений уже являлись участниками таких многосторонних договоров, как Статут Постоянной палаты международного правосудия, Генеральный акт 1928 г. о мирном урегулировании международных споров, создавало порой проблему соотношения между последовательно заключенными актами многостороннего и двустороннего характера, касавшимися принятия судебной и арбитражной процедуры разрешения споров. Неудобство такого многообразия конвенционных режимов состояло в том, что оно вызвало в конечном счете споры относительно компетенции между различными международными органами, уже учрежденными или типа *ad hoc*, которые создавались согласно постановлениям последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров в том случае, когда государства — участники судебного разбирательства являлись одновременно сторонами каждого из указанных последовательно заключенных договоров.

В деле о правовом статусе Восточной Гренландии, рассмотренном Постоянной палатой международного правосудия в 1932—1933 гг., сложилась именно такая ситуация. Стороны данного судебного разбирательства (Дания и Норвегия) одновременно являлись участниками нескольких многосторонних и двусторонних последовательно заключенных договоров, предусматривавших обращение к судебной и арбитражной процедуре с целью разрешения споров. И хотя дело в суде было возбуждено на основе только одного документа (Статута Постоянной палаты международного правосудия, п. 2 ст. 36), в ходе самого судебного разбирательства упоминался и ряд других последовательно заключенных многосторонних и двусторонних актов как основание для возможного принятия дела к производству в суде (датско-

норвежская Конвенция о примирительной процедуре от 27 июня 1924 г.; Договор между Данией и Норвегией об арбитраже от 15 января 1926 г.; Генеральный акт 1928 г. о мирном разрешении международных споров, к которому Норвегия присоединилась 11 июня 1929 г., а Дания — 14 апреля 1930 г.)¹⁰⁶.

Перейдем к анализу проблемы соотношения последовательно заключенных многосторонних и двусторонних договоров, относящихся к политическим вопросам. В работах, где рассматривалась эта проблема, в качестве примера приводился случай соотношения между постановлениями ст. 16 Статута Лиги Наций (обязывающими государства—члены применять установленные Советом Лиги Наций санкции против государства, совершившего агрессию) и положениями двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении, которые были заключены между собой рядом европейских стран-членов Лиги Наций в период с 1926 по 1939 г. (запрещавших каждому из государств — участников таких двусторонних договоров принимать участие в блокаде или каких-либо других мерах политического или экономического характера против другой стороны). Отдельные зарубежные юристы, исследовавшие проблему соотношения предыдущих и последующих договоров политического характера, склонны были находить здесь несоответст-

³¹ PCIJ. Ser. A/B. 1932. N 48; 1933. N 53,

вие, считая, что быть одновременно членом Лиги Наций и участником двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении несовместимо¹⁰⁷.

¹⁰⁶ PCIJ. Ser. A/B. 1932. N 48; 1933. N 53

¹⁰⁷ Rousseau Ch. Principes generaux... P. 774—775; *Politis N. La neutralite et la paix*. P., 1935. P. 125—127

При этом, помимо двусторонних договоров о нейтралитете и ненападении, заключенных в 1926—1933 гг. рядом европейских держав между собой, приводится целый ряд двусторонних договоров такого типа с участием СССР (например, российско-германский Договор о нейтралитете и ненападении от 26 апреля 1926 г., Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете между СССР и Италией от 2 сентября 1933 г.)¹⁰⁸. Тем самым ставилась под сомнение приверженность СССР ранее принятым обязательствам. Факт участия СССР в двусторонних договорах о нейтралитете и ненападении расценивался как несовместимый с фактом участия в Лиге Наций.

Между тем никакой несовместимости между обязательствами СССР по ст. 16 Статута Лиги Наций в отношении принятия санкций против государства-агрессора и обязательствами по заключенным позднее двусторонним договорам о нейтралитете и ненападении не существовало. Обязательства по ст. 16 носили общий характер и были направлены против государства, которое совершило агрессию против другого члена Лиги Наций. А обязательства по двусторонним договорам о нейтралитете и ненападении носили взаимный и строго целенаправленный характер, предполагая соблюдение принципа взаимного ненападения и нейтралитета на случай, если какое-либо из договаривающихся государств явится объектом нападения со стороны третьей державы. Так, например, ст. 2 российско-итальянского Договора 1933 г. гласила: «Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон явится предметом нападения со стороны одной или нескольких третьих держав, то другая Вы-

¹⁰⁸ Тексты советско-германского Договора 1926 г. и советско-итальянского Договора 1933 г. см.: Документы внешней политики СССР. М., 1964. Т. 9. С. 250-252; М., 1970. Т. 16. С. 494 — 496

сокая Договаривающаяся Сторона обязуется соблюдать нейтралитет в течение всего времени конфликта».

На примере российско-итальянских отношений можно проследить принципиальную позицию СССР по выполнению своих обязательств по таким последовательно заключенным договорам, как Статут Лиги Наций и Договор 1933 г. между СССР и Италией о дружбе, нейтралитете и ненападении. Ко времени агрессии Италии против Эфиопии в 1935 г. СССР и Италия были связаны договором 1933 г., оба являлись членами Лиги Наций. Отношения между СССР и Италией развивались довольно благоприятно на протяжении длительного времени. Их интересы нигде не сталкивались. Из года в год возрастал торговый оборот между обеими странами, Италия была важным рынком сбыта российских нефтепродуктов¹⁰⁹. Таким образом, двусторонние отношения соответствовали и находились в духе постановлений договора 1933 г. Однако, когда Италия совершила акт агрессии против Эфиопии, также являвшейся членом Лиги Наций, СССР сразу же занял принципиальную позицию по данному вопросу, сурово осудив агрессивные действия Италии. Как член Лиги Наций, СССР принял участие в санкциях против агрессора во всем объеме, рекомендованном Лигой Наций. Строго придерживаясь ст. 16 Статута Лиги Наций, СССР проявил последовательность в плане выполнения своих обязательств по Статуту Лиги Наций. При этом принятые СССР обязательства по двустороннему Договору 1933 г. с Италией в отношении соблюдения нейтралитета на случай вооруженного нападения извне никак не затрагивали и не являлись в какой-то мере несовместимыми с обязательствами по ранее заключенным догово-

¹⁰⁹ Подробнее о советско-итальянских отношениях того периода см.: История внешней политики СССР. Ч. 1. С.297—298

рам или Статуту Лиги Наций (ст. 5 российско-итальянского Договора 1933 г.). Попытки отдельных зарубежных юристов, в частности французского юриста Н. Политиса¹¹⁰, поставить под сомнение юридическую значимость постановлений договоров о нейтралитете и ненападении (в том числе и постановлений ст. 5 российско-итальянского Договора 1933 г.), обусловливавших ненанесение ущерба правам и обязательствам договаривающихся сторон, вытекающим для них из ранее заключенных договоров или Статута Лиги Наций, несостоятельны. Юридическая ценность таких постановлений состояла как раз в том, чтобы исключить какое-либо пересечение или взаимоисключение, с одной стороны, прав и обязательств, вытекающих для договаривающихся сторон из заключенных двусторонних договоров (в частности, договоров о нейтралитете и ненападении), а с другой — прав и обязательств, предусмотренных для этих же сторон согласно подписанным ранее по времени многосторонним договорам (в том числе Статутом Лиги Наций). Постановления подобного рода следует рассматривать в данной связи как своеобразный прием юридической техники, ставящий своей целью исключить какую-либо несовместимость между последовательно заключенными договорами, включая многосторонние и двусторонние договоры, относящиеся к одному и тому же вопросу.

Исследование договорно-правовой практики государств в отношении последовательно заключенных договоров связано с естественным вопросом о том, когда и при каких обстоятельствах расхождение между предыдущим и последующим договорами принимает такие формы, что можно говорить о несовместимости их постановлений и соответственно о невозможности

¹¹⁰ *Politis N. Op. cit. P. 127*

одновременного их исполнения. Выше уже отмечалось, что не всегда расхождение между последовательно заключенными договорами может привести к признанию недействительности одного из них. Возможна постановка вопроса и о приоритете применения последовательно заключенных договоров. Но в чем же собственно состоит различие между простым и незначительным расхождением конвенционных постановлений предыдущего и последующего договоров, не влияющим на возможное их одновременное существование применительно к различным группам государств, и вместе с тем несовместимостью конвенционных положений последовательно заключенных договоров.

С юридической точки зрения различие состоит, во-первых, в том, насколько последующий договор оказывает или не оказывает влияние на пользование другими участниками своими правами или на выполнение ими своих обязательств согласно предыдущему договору, во-вторых, насколько последующий договор затрагивает или не затрагивает соответствующее постановление предыдущего договора, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей предыдущего договора в его целостности. Такой вывод вытекает из анализа положений п. 3 ст. 30 и ст. 41 Венской конвенции 1969 г.

Простое и незначительное расхождение между постановлениями предыдущего и последующего договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, не составляет само по себе несовместимость. Два последовательно заключенных договора с определенным числом одних и тех же участников могут регулировать один и тот же вопрос с разных точек зрения или могут применяться при различных обстоятельствах. Равным образом, один договор может включать в себя более широкие по объему обязательства, не являющиеся при этом несовместимыми с обязательствами по

другому договору. Несовместимость договорных постановлений возникает только тогда, когда сторона — участник обоих последовательно заключенных договоров не может одновременно выполнять свои обязательства по двум договорам.

Хотя государство — участник одного из двух последовательно заключенных договоров может иметь различные обязательства по отношению к другим участникам согласно различным договорам, несовместимости нет, если его обязательства могут быть сгруппированы в комплекс двусторонних обязательств, потенциально отделимых друг от друга и исполняемых независимо от каждого из других государств-участников. В таком случае единственная проблема, которая может здесь возникнуть, связана с необходимостью выполнения данным государством своих обязательств по отношению к строго определенной стороне и может быть разрешена относительно просто на основе выяснения реальных намерений обоих государств-участников, которых это касается.

Ситуация меняется, когда обязательства, вытекающие из договора, имеют объективный характер и не могут быть сгруппированы как отдельные друг от друга обязательства, направленные по отношению к каждому индивидуальному участнику. Если же обязательства по различным последовательно заключенным договорам не могут быть исполнимы одновременно, возникает несовместимость между обязательствами. Каждое из них имеет объективный характер, но, взятые вместе, они применимы по отношению к различным группам участников. Возможные намерения этих различных групп государств, хотя и в состоянии играть свою роль при разрешении проблемы соотношения обязательств, вытекающих из последовательно заключенных договоров, в конечном счете могут привести к их вза-

имной нейтрализации и наложению друг на друга и поэтому редко будут играть решающую роль,

Урегулирование проблемы соотношения обязательств согласно последовательно заключенным договорам только на основе обращения к анализу намерений сторон-участников (если исключить необходимость сформулировать специальные правила на этот счет) может на первый взгляд показаться удачным решением данной проблемы. В действительности же попытки сконцентрировать усилия исключительно на таком варианте ставят перед выбором между противоположными намерениями различных групп государств — участников предыдущих и последующих договоров, намерения которых в основном ограничены фактами, затрагивающими прямо и исключительно непосредственно их самих, и поэтому не охватывают другие элементы, имеющие отношение к проблеме. Вот почему решение проблемы должно базироваться большей частью на основе юридических принципов и правил, но не исключать учета намерений сторон договоров и конкретных обстоятельств дела.

Расхождение между предыдущими и последующими договорами, которое не ведет к их несовместимости, может тем не менее разрушить (аннулировать) объект одного или обоих последовательно заключенных договоров. Такое расхождение может, например, воспрепятствовать стороне — участнику обоих договоров, между которыми существует расхождение, воспользоваться преимуществами, вытекающими из определенных положений одного из договоров, обращение к которым повлечет за собой нарушение или несоблюдение соответствующих постановлений другого договора. Так, оно может, например, сделать неприменимыми положения, — направленные на то, чтобы придать одному из последовательно заключенных договоров, между которыми имеется расхождение, определен-

ную свободу действия, необходимую для обеспечения его практической применимости.

В то время как несовместимость не обязательно будет иметь место, если один из последовательно заключенных договоров устраняет исключения, имеющиеся на этот счет в другом договоре, или, наоборот, ослабляет требования, предусмотренные в нем, практический эффект сосуществования (взаимного одновременного действия) двух последовательно заключенных договоров может проявить себя в том, что один из них потеряет всю или большую часть своей практической значимости.

В иных случаях сосуществование договоров, между которыми имеется расхождение, может вылиться в замену всесторонней системы международных обязательств, относящихся к какому-то определенному вопросу и применимых ко всем или большинству государств — участников последовательно заключенных договоров, на ряд отдельных или перекрещивающихся систем международных обязательств, применимых к различным группам государств. Подобная ситуация не включает непременно несовместимость обязательств в строгом смысле слова, однако почти неизбежно то, что она повлечет значительное практическое и административное неудобство, а также может внести за собой высокую степень неопределенности и беспорядка в договорно-правовые взаимоотношения государств.

Подчеркнем, что расхождение между двумя или более последовательно заключенными договорами не подразумевает обязательно несовместимости обязательств. Вместе с тем каждое такое расхождение действительно включает в себя отступление от единообразия в правовом регулировании какого-то определенного вопроса. Единообразие в правовом регулировании соответствующего вопроса на основе последовательно заключенных договоров

является только одной из целей международного нормотворческого процесса выработки договорно-правовых норм.

Государства, становясь участниками последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, тем самым реализуют в договорной форме на основе согласования своих волей различные по содержанию намерения. Появляющиеся таким образом договоры можно расценивать как значительный шаг в согласовании отличных друг от друга намерений государств. Однако в силу существования между ними расхождений (если таковые все-таки появляются) эти договоры будут представлять собой отступление от полного единообразия в правовом регулировании какого-то определенного вопроса на основе последовательно заключенных договоров. Если расхождение между предыдущим и последующим договорами не ведет к их несовместимости и соответственно не может служить препятствием для параллельного выполнения обязательств по обоим договорам, перед государствами — участниками последовательно заключенных договоров встает задача определения приоритета их применения, которая разрешается на основе выработанных международно-правовых норм с учетом намерения государств и конкретных обстоятельств дела.

Всякая несовместимость между последовательно заключенными договорами должна толковаться в ограничительном плане. В случае сомнения в существовании несовместимости между предыдущим и последующим договорами предполагается, что государства, вступая в правовые взаимоотношения на основе таких договоров, не считали, что имеющееся расхождение между соответствующими постановлениями обоих договоров будет направлено на создание несовместимости между ними. В международном праве принцип ограничительного толкования в отношении возможности существования

несовместимости между последовательно заключенными договорами утвердился достаточно давно.

Э. Ваттель в своем труде, вышедшем в конце XVIII в., считал ограничительное толкование необходимым, когда договор при строгом его рассмотрении согласно зафиксированным в нем постановлениям мог бы привести к чему-либо незаконному¹¹¹. Среди современных авторов Л. Оппенгейм раскрыл содержание данного принципа достаточно ясно: «Общепризнано, что договаривающиеся стороны предполагают всегда разумные, адекватные цели договора и не являющиеся несоответствующими общепризнанным принципам международного права и ранее принятым договорным обязательствам в отношении третьих государств. Поэтому, если значение определенного договорного постановления представляется двусмысленным, разумное значение термина предпочитается на неразумное; более разумное — на менее разумное; адекватное значение — на значение, не являющееся адекватным цели договора; значение, совместимое с общепризнанными принципами международного права и согласующееся с ранее принятыми договорными обязательствами, предпочитают значению, несовместимому с общепризнанными международными принципами»¹¹².

Презумпция, направленная против толкования, которое влечет за собой признание несовместимости между последовательно заключенными договорами, в своем конкретном содержании представляет собой последовательное применение на практике таких основополагающих принципов толкования договоров, как принцип разумности, принцип добросовестности и принцип презумпции соответствия международному праву.

¹¹¹ *Vattel E. de. Op. cit. P. 298*

¹¹² *Oppenheim L. International Law. L., 1948. P. 838—839*

Вместе с тем презумпция против несовместимости последовательно заключенных договоров не носит характера *presumptio juris* и *de jure*, т. е. не является юридически обязательной; она может быть отвергнута и быть соизмерима с другими презумпциями. При таких обстоятельствах она может устранить какое-то определенное потенциальное несоответствие между предыдущим и последующим договорами, но не может снять саму проблему несовместимости последовательно заключенных договоров.

Случаи возникновения несоответствия между предыдущим и последующим договорами могут быть еще более редкими, если в процессе выработки текстов договоров приняты надлежащие меры, чтобы избежать возможности потенциального их несоответствия (несовместимости) между собой. Первостепенную значимость в этом плане представляют собой взаимные консультации под эгидой различных международных организаций перед или уже в ходе самого процесса выработки текстов договоров между компетентными лицами, ответственными за составление и принятие последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Такие консультации не должны быть ограничены только организациями системы ООН. Весьма целесообразно проведение взаимных консультаций между межгосударственными органами универсального значения и региональными организациями, занимающимися одними и теми же вопросами. В ряде случаев результатом таких консультаций могут быть меры по обеспечению более широкой (по кругу участников) ратификации уже действующего договора или изменение в соответствующем направлении его постановлений вместо заключения нового договора по одному и тому же вопросу. В других случаях результатом таких консультаций может быть пересмотр сферы применения предполагаемого договора, чтобы исключить

какую-либо несовместимость с ранее заключенным договором по одному и тому же вопросу, или решение включить в предполагаемый для подписания договор определенное постановление предыдущего договора вместе с соответствующей на него ссылкой. Наиболее распространенным и естественным исходом процедуры предварительных консультаций в целях устранения проблемы несовместимости между предыдущим и последующим договорами является включение в новый договор специальной статьи, предусматривающей действие определенных постановлений предыдущего договора, отсутствие которых в новом договоре могло бы повлечь за собой проблему несовместимости двух последовательно заключенных договоров.

В качестве примера может служить включение в договоры специальной статьи, устанавливающей, что заключенный договор не направлен ни в коей мере против и не наносит ущерба положениям Устава ООН, имеющим универсальное значение. Конечно, постановления такого рода могут быть с юридической точки зрения излишними с учетом положений ст. 103 Устава ООН, которая, как известно, установила, что в случае, если обязательства членов ООН по Уставу ООН окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН. Все же их значение как подтверждение намерения сторон полностью соотносываться с положениями Устава ООН не должно недооцениваться.

Устав ООН имеет универсальное политическое значение, поэтому ссылка на него делается, как правило, в договорах, затрагивающих глобальные международные вопросы. Ссылки на Устав ООН как способ предотвращения несовместимости последовательно заключенных договоров с этим актом свидетельствуют о практической целесообразности такого рода способа.

Вообще способ включения в новый договор статьи со ссылкой на то, что он полностью соответствует и совместим с постановлениями предыдущего договора и поэтому ни в коей мере не наносит ущерба правам и обязательствам сторон — участников предыдущего договора, не ставших участниками последующего договора, успешно применяется в современной договорно-правовой практике государств для недопущения возникновения проблемы, несовместимости между последовательно заключенными договорами, относящимися к одному и тому же вопросу. Так, например, способ ссылки в последующем договоре на предыдущий договор как метод предупреждения проблемы их несовместимости одинаково целесообразен и в системе взаимоотношений с высоким техническим уровнем правового регулирования, когда необходимо показать, что договор, затрагивающий определенный вопрос в целом или с какой-то новой точки зрения, не ставит своей целью затронуть какой-то особенный аспект вопроса, который уже затрагивался в другой связи в предыдущем договоре.

Международное право предоставляет широкий круг возможных процедурных способов в области договорного права по предупреждению возникновения проблемы несовместимости между последовательно заключенными договорами, относящимися к одному и тому же вопросу. Изложенные выше процедурные способы отнюдь не исчерпывают всех допустимых международным правом способов по устранению появления этой проблемы. Каждый раз, когда на основе предполагаемого договора необходимо добиться какой-то новой договорной цели при наличии уже действующего договора, урегулировавшего в определенной степени какой-то один вопрос, представляется целесообразным восстановить или включить в текст нового договора определенные постановления действующего договора с соответствующей ссылкой на него. Даже если уже действующий

щий договор обладает в ряде отношений некоторым несовершенством текстуального характера, продолжающееся его применение в прежнем варианте может представиться менее серьезным последствием применения данного договора, чем возникновение по ряду причин проблемы несовместимости между уже действующим и предполагаемым договорами.

В других случаях каждый раз, когда предполагается возможность заключения по одному и тому же вопросу широкого многостороннего договора и договора регионального значения или же серии двусторонних договоров по вопросу, уже урегулированному на основе указанных выше двух типов договоров, было бы весьма целесообразным включить в широкий многосторонний договор постановления, определяющие сферу и объем применения региональных и двусторонних договоров в рамках широкого многостороннего договора. Когда региональный договор является всего лишь первым шагом на пути заключения широкого многостороннего договора по одному и тому же вопросу, практически оправданно включение в него постановления, предусматривающего прекращение или поглощение регионального договора после начала действия широкого многостороннего договора.

Анализ договорно-правовой практики государств свидетельствует о том, что проблема соотношения последовательно заключенных договоров может возникнуть вследствие пересмотра первоначального договора, не прекратившего своего существования и действовавшего параллельно с пересмотренным текстом основного договора. В качестве примера может служить деятельность ВПС и МСЭ, а также деятельность Бернского союза, созданного на основе Бернской конвенции 1886 г. об охране литературных и художественных произведений и пересмотренных ее текстов.

Чтобы избежать проблемы несовместимости между первоначальным договором и пересмотренным договором, участниками которого являются не все государства — стороны первоначального договора, возможны два альтернативных решения. Согласно первому варианту, целесообразно включить в первоначальный договор статью, определявшую юридические последствия применительно к обязательствам по этому договору как результат осуществления предполагаемого его пересмотра в будущем. Второй вариант предполагает включение в первоначальный договор статьи, предусматривающей, что последствия такого пересмотра на обязательства сторон согласно первоначальному договору могут быть определены в постановлениях самого пересмотренного договора.

Процедурный способ из области договорного права, применяемый для предупреждения возникновения проблемы несовместимости между широким многосторонним договором и подписанным позднее договором регионального значения, между первоначальным и пересмотренным договорами, который предполагает необходимость включения в последующий договор постановлений о его соответствии предыдущему договору, показал себя как действенный прием юридической техники по обеспечению единообразия правового регулирования определенного международного вопроса. Он может успешно использоваться в договорной практике государств в общем плане применительно ко всем потенциальным случаям возникновения такой проблемы.

Однако, как показывает анализ договорно-правовой практики государств, участники последующего договора не всегда учитывают необходимость строгого согласования постановлений предыдущего и последующего договоров, а также целесообразность включения в последующий договор специальной статьи о его совместимости с ранее заключенным договором.

Допущение в какой-либо форме несогласованности между постановлениями последовательно заключенных договоров, а также отсутствие в тексте последующего договора ссылки на его совместимость с предыдущим договором могут привести к более или менее значительному расхождению между ними, которое, как показано выше, может иметь своим следствием возникновение проблемы приоритета их применения (в случае незначительного расхождения).

Государство или государства не вправе под предлогом якобы имевшего место нарушения постановлений предыдущего договора как следствие заключения последующего договора одним или несколькими из участников предыдущего договора ставить вопрос о прекращении или приостановлении действия предыдущего договора. Это правомерно только тогда, когда государство или государства фактом заключения последующего договора нарушили свои обязательства, вытекающие для них по предыдущему договору в отношении его участников, что, в конечном счете, составило собой нарушение положения, имевшего существенное значение для осуществления объекта и целей предыдущего договора.

Нам необходимо также рассмотреть два теоретических вопроса, без выяснения которых невозможно иметь полную картину исследуемой проблемы. Во-первых, как обращение к понятию, «последовательно заключенные договоры», связано с определением критерия, на основе которого можно было бы установить, какой из двух последовательно заключенных договоров следует считать предыдущим и какой последующим. Единственно, юридически правильным критерием здесь является дата принятия текста договора, а не дата вступления договора в силу. Принятие текста второго договора представляет собой новое по своему содержанию волеизъявление государств в

международном нормотворческом процессе по выработке договорно-правовых норм. Вместе с тем использование критерия даты вступления в силу для определения того, какой из двух договоров следует считать предыдущим и какой последующим, не только логически несостоятельно, но и создавало бы дополнительные серьезные трудности.

Так, из двух последовательно заключенных договоров текст одного из них (первый договор) может быть принят позже, но вступить в силу он может раньше по сравнению со вторым договором. В такой ситуации логическим решением проблемы, какой из двух договоров следует считать предыдущим и какой последующим, является признание за вторым договором качества предыдущего договора, а за первым качества последующего договора. Что же касается правил применения предыдущих и последующих договоров по одному и тому же вопросу, изложенных в ст. 30 Венской конвенции 1969 г., то, естественно, применительно к каждому из участников последовательно заключенных договоров юридическая действительность этих правил начинается с даты вступления в силу в отношении него данного договора.

Определение договоров, «относящихся к одному и тому же вопросу», содержащееся в ст. 30 Венской конвенции 1969 г., надо понимать в строгом смысле. Оно не покрывает собой случаи, когда общий договор косвенно затрагивает содержание специального положения предыдущего договора. Соответственно общий договор, предусматривающий на взаимной основе исполнение вынесенных судебных решений, не будет никак влиять на продолжавшееся применение соответствующих постановлений, касающихся выполнения судебных решений, которые содержатся, например, в предыдущем договоре специального характера. В данном случае речь идет не о применении последовательно заключенных договоров, относящихся к од-

ному и тому же вопросу, а скорее о толковании международных договоров, предполагающем необходимость принятия во внимание такого, известного понятия, как *generalia specialibus non derogant* (общий договор не умаляет специального договора).

Проблема соотношения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, как и любая потенциально спорная ситуация, должна решаться на основе использования механизма координации внешней политики, предусмотренного на этот счет в постановлениях Устава ООН. Согласно Уставу ООН, для урегулирования потенциально спорных ситуаций, для успешного разрешения проблемы соотношения последовательно заключенных договоров возможно обращение (при наличии свободно выраженного согласия сторон) и к международной судебной процедуре.

2. Принципы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, в науке международного права

Рассмотрение проблемы последовательно заключенных договоров в науке международного права до настоящего времени носило фрагментарный, изолированный характер. Единственная проблема, которая в этой связи затрагивалась учеными в работах, вышедших до нынешнего столетия, касалась проблемы действительности договора о трехстороннем союзе, когда два договаривающихся государства находились в состоянии войны друг против друга и было необходимо установить, какому из двух воюющих сторон третье государство должно было оказать помощь. Пример подобного рода мы находим в работах Г. Гроция, Л. Джентили, С. Пуффендорфа, Э. Ваттеля. Для разрешения проблемы ученые выдвигали критерии справедливого и

несправедливого характера войны из области естественного права, а также критерии недействительности предыдущего или последующего договора¹¹³. Так, Э. Ваттель отдавал предпочтение принципу «*lex prior*» («*prior in tempore portius in jure*»). Он, в частности, писал, что в случае, когда существует расхождение между двумя утвердительными договорами, заключенными между одними и теми же государствами, более ранний договор имеет предпочтение перед более поздним¹¹⁴. В работах, вышедших в XIX — начале XX в. (авторы А. Гефтср, В. Даневский, А. Ривье, П. Фиоре, П. Казанский, Ф. Мартене, А. Н. Стоянов), предпочтение также отдается принципу «*lex prior*»¹¹⁵. Однако проблема последовательно заключенных договоров не рассматривалась достаточно глубоко и в целом сводилась главным образом к вопросу о действительности международных договоров. Конкретным выражением такой позиции явилось предложение первого специального докладчика по праву договоров Комиссии международного права английского юриста Х. Лаутерпахта о том, что последующий договор должен признаваться недействительным, если его исполнение влечет за собой нарушение обязательства по какому-либо договору, ранее заключенному одной или несколькими из договаривающихся сторон — участников последующего договора¹¹⁶.

В данном случае речь шла о намерении применить принцип «*lex prior*» как об универсальном средстве урегулирования всей проблемы соотношения последовательно заключенных договоров. В разное время ученые выдвигали и другие принципы,

¹¹³ Rousseau Ch. Principes gdiieraux du droit international public. P. 781-782

¹¹⁴ Vattel E. de. Op. cit. P. 325

¹¹⁵ См.: Шуриалов В. М. Указ. соч. С. 276—277

¹¹⁶ YILC. 1959. N. Y., 1954. Vol. 2. P. 156

имевшие характер «общих принципов права» или относившиеся к общепризнанным международно-правовым принципам: «*lex prior*» («*prior in tempore potius in iure*»); «*lex posterior*» («*lex posterior derogat priori*»); «*lex specialis*» («*in toto jure genus per speciem derogatur*»); иерархического верховенства последовательно заключенных договоров; выявления истинного намерения участников последовательно заключенных договоров.

Ни один из указанных здесь принципов, как отмечалось выше, не может рассматриваться в качестве общеприменимого принципа по отношению ко всем потенциальным случаям возникновения проблемы урегулирования соотношения последовательно заключенных договоров. Попытки ученых выявить какой-то определенный юридический принцип и представить его как единственно возможный вариант для решения всех случаев возникновения проблемы соотношения предыдущих и последующих договоров оказались -несостоятельными из-за комплексности данной проблемы и невозможности заранее предопределить ее исход. Вместе с тем отдельные принципы, предложенные доктриной международного права, действительно применимы в отношении некоторых строго определенных случаев возникновения проблемы соотношения последовательно заключенных договоров.

Итак, принцип «*lex prior*». Его происхождение выводится на аналогии из права контрактов. Он предполагает признание преимущественной силы за предыдущим договором в случае, если последующий договор, включающий разный круг участников по сравнению с предыдущим договором, повлечет за собой расхождение между ними и последующую невозможность применения предыдущего договора. Принцип незаконности контракта, повлекшего за собой нарушение предыдущего контракта с третьим участником, признан во многих странах Европы и

Америки. В издании американского Института права этот принцип сформулирован следующим образом: «Контракт, исполнение которого повлекло за собой нарушение ранее заключенного контракта с третьим лицом, является недействительным»¹¹⁷. В международном праве принцип «*lex prius*» имеет особую значимость для урегулирования проблемы соотношения двусторонних договоров или вообще договоров с ограниченным: числом участников.

Признавая преимущественную силу за ранее заключенным договором, принцип «*lex prius*», как отмечают сторонники этого принципа в доктрине международного права, устанавливает недействительность последующего договора, если его исполнение влечет за собой нарушение обязательства, принятого одной из сторон по ранее подписанному договору. Предполагается, что государство в силу принципа добросовестного соблюдения договорных обязательств не вправе заключать международный договор с какой-либо третьей стороной, исполнение которого влечет за собой нарушение обязательства по ранее заключенному международному договору. Государство, чьи действия повлекли за собой признание недействительности и прекращение действия последующего договора, обязано возместить ущерб третьей стороне или сторонам — участникам признанного недействительным и соответственно прекращенного международного договора.

Обосновывая целесообразность принципа «*lex prius*» при урегулировании всей проблемы соотношения последовательно заключенных договоров, Х. Лаутерпахт обуславливал применимость изложенных им правил следующим образом: во-первых, отход от положений предыдущего договора настолько

¹¹⁷ Restatement of the Law of Contracts. N. Y., 1932. Vol. 2. P. 1081.

значителен, что он наносит серьезный ущерб интересам других сторон договора или затрагивает положения, отступление от которых является абсолютно несовместимым с первоначальной целью предыдущего договора; во-вторых, последующий договор не носит характера многостороннего договора универсального значения по примеру Устава ООН¹¹⁸.

Характер и содержание условий ясно свидетельствуют о признании сложности и специфичности проблемы применения принципа «*lex prior*» на практике. Причем основная и главная особенность принципа «*lex prior*» состоит в том, что он не может быть применим в качестве общего правила урегулирования всех потенциальных случаев возникновения проблемы соотношения последовательно заключенных договоров. Постановка вопроса о недействительности последующего договора допустима только тогда, когда государство, зная, что постановления этого договора могут быть несовместимы с постановлениями предыдущего договора, тем не менее пошло в нарушение принципа «*pacta sunt servanda*» и своих обязательств в отношении других государств по предыдущему договору на заключение последующего договора. В данной ситуации действительно применим принцип «*lex prior*». Такова устоявшаяся точка зрения в доктрине международного права.

Вместе с тем расхождение между предыдущим и последующим договорами не всегда может принимать такие масштабы, чтобы исключить возможность параллельного существования обоих договоров. Предыдущий договор может не содержать никаких запретов на заключение с другими государствами последующего договора, положения которого не обязательно

¹¹⁸ YILC. 1953. N. Y., 1959. Vol. 2. P. 156-159

находились бы в противоречии с постановлениями предыдущего договора. Равным образом стороны — участники предыдущего договора могли не выдвигать никаких претензий в отношении факта заключения одним или несколькими из его участников последующего договора с участием других государств. В такой ситуации возможно одновременное и параллельное применение обоих договоров и, как максимум, проблему вызывает лишь приоритет применения одного из них.

Речь о конкретном применении принципа «*lex prior*» может идти тогда, когда два или несколько из участников многостороннего договора заключили последующее соглашение по тому же вопросу только во взаимоотношениях между собой, которое хотя прямо не запрещено положениями предыдущего многостороннего договора, тем не менее, влияет на пользование другими участниками многостороннего договора своими правами по договору или на выполнение ими своих обязательств. Здесь в силу того, что последующий договор затрагивает положение, отступление от которого является несовместимым с эффективным осуществлением объекта и целей предыдущего договора в целом, может быть применен принцип «*lex prior*». Такая ситуация предусмотрена в ст. 41 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров. Единственная в своем роде, данная статья прямо предусматривает, что два или несколько из участников многостороннего договора могут заключать соглашение об изменении договора только во взаимоотношениях между собой, если такая возможность предусматривается самим договором. Из положений статьи явствует, что в случае, если два или несколько из участников многостороннего договора все-таки пошли на подписание соглашения по тому же вопросу, что и в многостороннем договоре, только во взаимоотношениях между ними, оно признается недействительным и должно быть прекращено. Тем самым

обеспечивается применение на практике принципа «*lex prior*» в отношении предыдущего многостороннего договора.

Говоря о возможности применения принципа «*lex prior*» при решении проблемы соотношения последовательно заключенных договоров по одному и тому же вопросу, ученые указывают на существование такой трудности, как определение того, какой договор является предыдущим и какой последующим. Особых затруднений не возникает там, где проблема соотношения касается договоров, заключенных и ратифицированных в разные периоды времени. Вместе с тем в договорной практике встречается, что ряд пересекающихся договорно-правовых актов, касающихся одного и того же вопроса, возник практически одновременно. При этом даты принятия текста договоров, их ратификации, вступления в силу переплетаются настолько, что создают проблемы в отношении того, какая из дат должна считаться определяющей при признании данного договора предыдущим или последующим. Речь идет о датах заключения договора посредством подписания, открытия договора для подписания, одобрения определенным органом; датах актов ратификации соответствующими сторонами, после которых на стороны возлагается обязательство, которое становится действующим после того, как собрано нужное количество ратификаций или выполнены другие условия, требуемые для обеспечения вступления договора в силу; датах предварительного вступления договора в силу для данной стороны (когда одна из дат или обе даты следовали за одной или обеими датами предварительного вступления договоров в силу), а также в ряде случаев о дате или датах, начиная с которых договоры становились взаимобязательными в отношениях между данными государствами.

Правильное определение критерия, на основе которого можно было бы выявить, какой из последовательно заключен-

ных договоров является предыдущим и какой последующим имеет принципиальное значение не только для применения на практике принципа «*lex prior*», но и в более широком контексте урегулирования проблемы соотношения последовательно заключенных договоров в целом. Единственно правильной с юридической точки зрения датой, позволяющей, как нам представляется, признать за одним из последовательно заключенных договоров качество предыдущего, а за другим — качество последующего договора, является дата принятия текста договора, а не какая-либо другая дата из права международных договоров, например дата вступления договора в силу, которая может быть различной для сторон договора. Хотя дата принятия текста договора и не является способом выражения согласия государства на его обязательность, сам факт принятия текста договора свидетельствует о наличии намерения государств выработать новый договорно-правовой документ.

Практическое назначение принципа «*lex prior*» в международном праве состоит в том, чтобы предупредить случаи заключения новых международных договоров без достаточного учета возможного их влияния на ранее подписанные договоры, относящиеся к одному и тому же вопросу. Строго очерчивая область допустимого применения принципа «*lex prior*» в современном международном праве, нельзя позволить, чтобы данный принцип являлся в какой-либо форме препятствием на пути обновления договорно-правовых норм, регулирующих один и тот же вопрос. Равным образом, недопустимо искусственное расширение сферы применения принципа «*lex prior*» на все потенциальные случаи возникновения проблемы урегулирования последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Стремясь выявить общеприемлемый: вариант решения проблемы соотношения последовательно заключенных догово-

ров, ученые-международники наряду с принципом «*lex prior*» предложили принцип «*lex posterior derogat priori*» (последующий договор отменяет предыдущий договор). Сторонниками этого принципа в доктрине международного права выступили К. Штрупп, Ф. Кастберг, А. Фердросс, Я. Броунли¹¹⁹. Так, например, последний писал; «...следует исходить из предположения о том, что последующий договор имеет преимущественную силу перед предшествующим договором, относящимся к тому же вопросу»¹²⁰. Однако, как и в отношении принципа «*lex prior*», принцип «*lex posterior*» не может служить общеприемлемым правилом решения проблемы урегулирования последовательно заключенных договоров. Возможным обстоятельством конкретного применения принципа «*lex posterior*» представляется случай, когда участниками предыдущего и последующего договоров являются одни и те же государства. Ряд государств, заключив международный договор, всегда вправе заменить его, подписав последующий договор, относящийся к тому же вопросу. В этом случае считается, что при отсутствии свидетельства противоположного намерения стороны предполагали прекратить или внести изменения в предыдущий договор, когда они заключили последующий договор, положения которого несовместимы с положениями предыдущего договора.

Пример конвенционного закрепления этого правила — постановления п. 3 ст. 30 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров: «Если все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора,

¹¹⁹ *Strupp K.* Elements du droit international public. P. 1927. P. 179; *Castberg F.* Op. cit. P. 334; *Verdiou A.* Op. cil. P. 304; *Броунли Я.* Международное право. М., 1977. Кн. 2. С 334

¹²⁰ *Броунли Я.* Указ. соч. С. 334

но действие предыдущего договора не прекращено или не приостановлено в соответствии со статьей 59, предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора».

Положения п. 3 ст. 30, как уже отмечалось, касаются того случая, когда «все участники предыдущего договора являются также участниками последующего договора». Что же происходит, когда не все участники предыдущего договора становятся участниками последующего договора? Этот вопрос имеет важное международно-правовое значение в свете необходимости обеспечения законных прав государств, которые по тем или иным причинам не стали участниками последующего договора. В таком случае последующий договор не должен лишать государство, которое не стало участником данного договора, его субъективных прав, вытекающих для него из постановлений предыдущего договора. Именно в этом и проявляется себя правило «*facta tertiis non nocent*».

Чтобы последующий договор не затрагивал или не нарушал права участников предыдущего договора, не ставших участниками последующего договора, постановления последующего договора формулируются с целью ограничить его применимость только в отношении государств — участников последующего договора. Так, в постановления конвенции, регулирующей деятельность Международной комиссии по реке Нигер, на основе которой девять прибрежных африканских государств установили в 1963 г. в отношениях между собой новый международно-правовой режим, было включено специальное постановление, в котором оговаривалось, что положения конвенции касаются исключительно только государств — участников последней и поэтому никак не затрагивают прав госу-

дарств — участников Берлинского акта 1885 г, и Сент-Жерменской конвенции 1919 г.¹²¹ Сторонами — участниками обоих международно-правовых документов являлись в основном европейские государства — бывшие метрополии, в то время как участниками Конвенции 1963 г. выступали исключительно африканские стра.т, расположенные в бассейне реки Нигер. В данном случае проблема соотношения последовательно заключенных договоров касалась вопроса регулирования правового режима реки Нигер и затрагивала, с одной стороны, Берлинский акт 1885 г. и Сент-Жерменскую конвенцию 1919 г., а с другой — Конвенцию 1963 г. В своем конкретном проявлении она разрешалась следующим образом. В отношениях государств — участников предыдущих и последующего договоров действуют постановления последующего договора, а в отношениях между государством — участником предыдущих и последующего договоров, с одной стороны, и государством — участником только предыдущих договоров — с другой,— положения предыдущих договоров.

Определяя сферу применения принципов «*lex prior*» и «*lex posterior*» в рамках урегулирования проблемы соотношения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, следует отметить, что Комиссия международного права ООН при подготовке окончательного текста Проекта статей о праве договоров в 1966 г. после рассмотрения целесообразности ссылки в какой-либо форме на указанные принципы в проекте статей Комиссии международного права воздержалась от этого¹²². Разумность подобного решения объ-

¹²¹ Подробнее см.: *Elias T. O. The Berlin Treaty and River Niger Commission* // *AJIL*. 1903. Vol. 37, N 4. P. 873, 879—880

¹²² *YILC*. 1900. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 216

ясняется практической сложностью проблемы как следствия многообразия возможных вариантов по ее урегулированию.

Попытки заранее установить в конвенционном порядке на основе *lex prior* или *lex posterior* процедуру урегулирования всей проблемы последовательно заключенных договоров в целом юридически несостоятельны и практически неэффективны. Если оба договора {предыдущий и последующий договоры} одновременно находятся в силе, предыдущий договор должен рассматриваться как прекративший свое действие в результате заключения последующего договора, если: а) из последующего договора вытекает или иным образом установлено намерение участников, чтобы данный вопрос регулировался на основе последующего договора; б) положения последующего договора настолько несовместимы с положениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно. Приостановление (а не прекращение) предыдущего договора имеет место лишь тогда, когда из последующего договора вытекает или иным образом установлено, что таково было намерение участников. Ряд юристов-международников предлагают в качестве целесообразной основы для практического решения проблемы соотношения последовательно заключенных договоров принцип «*lex specialis*». В науке международного права сторонниками этого принципа выступали Д. Анцилотти, У. Хейлборн, А. Кавальери, К. Матсудаира¹²³. Итальянский юрист Д. Анцилотти внес значительный вклад в распространение его в доктрине международного права исходя из правила «*in toto jure*

¹²³ *Anzilotti D.* Cours de droit international. P., 1929. P. 103; *Heilborn W.* Les sources du droit international // *RdC.* 1926. P., 1927. T. 11, pt I. P. 30; *Cavaglieri A.* Regles generales du droit de la paix // *RdC.* 1929. P., 1930. T. 26, pt I. P. 330; *Matsudaira K.* Le droit conventionel international du Japon. P. 1931. P. 30

genus per speciem derogatur» (международно-правовая норма специального характера имеет приоритет перед общей международно-правовой нормой). В соответствии с этим правилом конвенция, заключенная между двумя государствами, имеет приоритет перед коллективным договором, а последний имеет приоритет над обычным правом. Международно-правовые нормы специального характера почти всегда создаются на основе международного договора, однако применимость данного принципа вовсе не зависит от этого обстоятельства.

Изложенное правило соответствует принципу «lex specialis derogat generali» (т. е. норма специального характера имеет преимущественное значение по отношению к общей норме). Излагая сущность принципа «lex specialis», Д. Анцилотти, а с ним и другие сторонники применения этого принципа (У. Хейлборн, А. Кавальери) отмечали его относительное значение. Так, А. Кавальери писал, что «принцип lex specialis не имеет абсолютного значения и бывают случаи, когда международно-правовые нормы общего характера имеют преимущественную силу перед нормами специального характера»¹²⁴. И действительно, говорить о том, что норма специального характера имеет во всех случаях преимущественную силу по сравнению с нормой общего порядка, означало бы заранее узаконивать любые нарушения общего международного договора, что было бы свидетельством упрощенного подхода к проблеме урегулирования соотношения последовательно заключенных договоров. Равным образом высказывания в пользу решения проблемы соотношения последовательно заключенных договоров исключительно на основе принципа «lex specialis» делаются с учетом

¹²⁴ Cavaglieri A. Op. cit. P. 334

содержания конвенционной нормы и совсем игнорируют существо проблемы: различие между нормой общего международного права и нормой специального характера сводится здесь к кругу государств, отношения которых данная конвенционная норма регулирует. При этом не принимается во внимание объект нормы!

Отметив несостоятельность с международно-правовой точки зрения доводов в пользу принципа «*lex specialis*» как основы для урегулирования всей проблемы последовательно заключенных договоров, перейдем к анализу принципа иерархии таких договоров, предлагаемого (как и в случае с принципом «*lex specialis*») в качестве возможного варианта решения проблемы соотношения предыдущих и последующих договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Принцип иерархии последовательно заключенных договоров представляет собой перенос в международное право аналогичного по своему содержанию принципа внутреннего права, который признает верховенство конституционных норм как норм основного закона страны над актами нижестоящих государственных органов. Представляется, что попытка отдельных зарубежных юристов-международников распространить действие этого принципа на проблему урегулирования соотношения последовательно заключенных договоров абсолютно неприемлема. Если во внутригосударственном праве соотношение между конституционным актом и актами нижестоящих государственных органов действительно носит иерархический характер, то в международном праве договоры лишены качества иерархичности и выступают как результат согласования волеизъявлений суверенных и равноправных субъектов права — государств, облеченных в форму двусторонних или многосторонних юридических актов.

Сторонники принципа иерархии последовательно заключенных договоров в зарубежной доктрине международного права —

французские юристы М. Улар и Ж. Ссель¹²⁵, — пытаюсь обосновать применимость данного принципа в международном праве, иерархически разделяют международные договоры в зависимости от объектов их регулирования. Такое разделение неприемлемо в межгосударственной договорной практике, ибо теория международного права не признает различий иерархического порядка в положении среди разных видов международных договоров в зависимости от регулируемых на их основе вопросов. Ведь во всех договорах присутствует суверенная воля субъектов международного права — государств. Это касается как категорий договоров нормообразующего порядка, так и других видов договоров, где не существует различия с точки зрения того, является ли данный договор предыдущим или последующим.

Не существует различия в иерархическом положении и между договорами, заключенными «на вечные времена» или объявленными не подлежащими изменению и др. Однако в зарубежной международно-правовой литературе высказывается мнение, что в соответствии с принципом «*lex prior*» («*prior in tempore potius in iure*») подобные договоры имеют преимущественную силу над последующими договорами, не имеющими такого качества¹²⁶. Между тем как «вечные» договоры, так и договоры, объявленные не подлежащими изменению, нельзя понимать в том плане, что стороны — участники этих договоров вообще лишены права заменить их посредством подписания нового международного договора или на основе достиже-

¹²⁵ Houlard M. La nature juridique des traites internationaux et son application aux theories de la nullite la caducite et de la revision des traites. Bordeaux, 1936. P. 105—106; Scelle G. *Precis de droit des Gens. P.*, 1934. Vol. 2. P. 402—415

¹²⁶ Kelsen H. Conflicts between obligations and the Charter of the United Nations and obligations under other international agreements // *University of Pittsburgh Law Review*. 1948— 1949. Vol. 2. P. 285

ния устного соглашения. Договаривающиеся стороны не могут быть лишены своего неотъемлемого права изменить договор на основе взаимоприемлемого соглашения обязующего характера. Даже договор, содержащий постановление, и котором стороны в конвенционном порядке зафиксировали свой отказ от права на последующий его пересмотр, не может рассматриваться как соглашение высшего порядка, исключающее навсегда возможность заключить с общего согласия сторон последующее соглашение, в своих постановлениях несколько отличающееся от предыдущего соглашения.

Нужно упомянуть также достаточно редко встречающуюся в доктрине международного права точку зрения, согласно которой при отсутствии явно выраженного положения на этот счет последующий договор, заключенный на какой-то определенный период времени, не аннулирует предыдущего договора, подписанного на неопределенный срок по тому же вопросу¹²⁷.

Данная точка зрения не подтверждается нормами международного права. Нет причин, по которым договаривающиеся стороны не могли бы заменить договор, заключенный на неопределенный период, последующим договором со строго определенным сроком действия. Здесь также вопрос разрешается в соответствии с намерением сторон, и именно оно будет являться главным фактором при решении вопроса о том, должен ли договор, заключенный на неопределенный период времени, возобновить свое действие по истечении срока действия последующего договора, подписанного на какой-то определенный срок.

Другое дело, что, по-нашему мнению, такое возобновление действия договора можно допустить только в исключительных

¹²⁷ CПJI. Ser. A/B. 1939. N 77. P. 93

случаях, когда намерение сторон на этот счет установлено вне всякого сомнения. Презумпция, что стороны намеревались приостановить действие договора, заключенного на неопределенный срок, только на время действия последующего договора с определенным сроком действия, должна пониматься, как несуществующая. Более того, отсутствие иерархического порядка в отношении последовательно заключенных договоров свидетельствует о том, что через подписание последующего договора со строго определенным сроком действия стороны намеревались окончательно положить конец действию предыдущего договора, даже если он заключен на неограниченный период времени.

Решение проблемы соотношения последовательно заключенных договоров, как считают некоторые юристы, возможно на основе принципа установления истинного намерения участников этих договоров. Об этом пишет Ж. Е. до Насименто э Силва¹²⁸. Предполагается, что при наличии особых сложностей в разрешении проблемы, когда в самих договорах отсутствуют какие-либо указания на этот счет, а также при отсутствии возможностей применения рассмотренных выше принципов допустимо обращаться к принципу установления истинных намерений сторон договоров. Для этого следует проанализировать подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора. Однако, по нашему мнению, такой метод представляет собой не что иное, как форму толкования международных договоров, и относится, в частности, к дополнительным средствам их толкования. Таким образом, принцип установления истинных намерений сторон последовательно заключенных догово-

¹²⁸ Nascimento e Silva G. E. do. Le facteur temps et les traites // RdC. 1977. La Haye, 1978. Т. 154, pt I. P. 246—247

ров, по существу, является элементом толковательного процесса в международном договорном праве.

Обратимся теперь к принципу «*pacta sunt servanda*». Некоторые ученые, как российские (В. М. Шуршалов), так и иностранные (Х. Лаутерпахт, Г. Харати), рассматривают его как приемлемую основу для урегулировании проблемы соотношения предыдущих и последующих договоров¹²⁹. Так, считалось, что принцип «*pacta sunt servanda*», требуя неукоснительного соблюдения обязательств в соответствии с подписанным договором, запрещает отдельным его участникам в нарушение принятых на себя обязательств заключение последующего договора, содержащего обязательства, несовместимые с обязательствами согласно предыдущему договору. Несоблюдение таким образом установленного запрета логически создавало условия для постановки вопроса о невозможности дальнейшего исполнения последующего договора. Отсюда делался вывод о том, что из двух последовательно заключенных договоров последующий договор должен быть признан недействительным, а предыдущий договор в силу принципа «*pacta sunt servanda*» подлежал исполнению.

Указанное решение проблемы соотношения последовательно заключенных договоров диктовалось, но мнению упомянутых ученых, необходимостью практического соблюдения принципа «*pacta sunt servanda*». Однако, как нам представляется, принцип «*pacta sunt servanda*» не может служить здесь приемлемым средством, но он допустим как объяснение обязательной силы международных договорных норм. Не обладая способностью устранить спорную проблему относительно урегулирования соотношения

¹²⁹ См.: Шуршалов В. М. Указ. соч. С. 278; YILC. 1953. N. Y., 1954. Vol. 2. P. 156—159; Haraszti O. Some Fundamental Problems of the Law of Treaties. Budapest, 1973. P. 304

предыдущих и последующих договоров, данный принцип в силу своей прямой направленности на соблюдение международных договорных норм только ее усложняет, делая необходимым одновременное соблюдение обоих договоров. Поэтому нельзя требовать от принципа «*pacta sunt servanda*» больше того, что последний способен по своей сущности дать, тем более что он не в состоянии обеспечить рациональное решение проблемы соотношения последовательно заключенных договоров.

Сказанное свидетельствует отнюдь не о том, что принятие государствами на себя новых международных обязательств, которые находились бы в противоречии с ранее принятыми договорными обязательствами и наносили ущерб правам государств — участников только предыдущего договора, не влекло бы за собой нарушения международного права и соответственно не делало бы необходимым установление международной ответственности в форме возмещения за ущерб государствам, права которых были тем самым затронуты. Однако говорить об установлении международно-правовой ответственности государств, затронувших фактом подписания последующего договора права государств, оставшихся участниками только предыдущего договора, — это одно, а ставить вопрос о недействительности последующего договора, его противоправности и соответственно о его юридической ничтожности в отношениях между участниками — это другое. Проблема соотношения последовательно заключенных договоров порождает вопросы приоритета обязательств согласно этим договорам и юридической ответственности за факт нанесения ущерба правам государств — участников предыдущего договора, а не вопрос о недействительности последующего договора. Итак, мы вправе констатировать, что принцип «*pacta sunt servanda*» никак не может выполнять несвойственную ему функцию по урегулированию проблемы соотношения последовательно

заключенных договоров, выходя за пределы специфической и присущей ему функции обеспечения обязательности соблюдения международных договоров.

Анализ доктрины международного права показывает, что попытки ученых-международников найти оптимальное решение проблемы соотношения последовательно заключенных договоров на основе какого-то определенного юридического принципа не ограничивались изложенными выше примерами. Интерес в этом плане представляют собой теоретические построения, с которыми выступил французский юрист Ж. Ссель¹³⁰. Его попытка дать решение проблемы внешне выглядит логически стройной и простой для восприятия, поскольку он признает первенство иерархически вышестоящей нормы. В зависимости от конкретного случая признается первенство общей договорно-правовой регламентации определенной международной ситуации по отношению к специальной договорно-правовой регламентации; первенство предыдущей по времени договорно-правовой регламентации соответствующей международной ситуации по отношению к последующей по времени договорно-правовой регламентации (когда эта регламентация не охватывает одних и тех же ее участников). Свои теоретические построения Ж. Ссель создавал исходя из внутреннего федерального правопорядка, считая, что он устанавливает одновременно иерархию правовых норм и институтов.

Специфическая сущность международного правопорядка, субъектами которого выступают суверенные и независимые государственные образования, не приемлет перенесения в него понятий, заимствованных из внутреннего правопорядка. В дей-

¹³⁰ *Scelle G. Precis de droit des gens. P., 1934. Vol. 2. P. 402—415*

ствительности проблема соотношения последовательно заключенных договоров в своей совокупности не может быть разрешена путем обращения только к одному какому-то юридическому принципу. Предположения о возможности решения заранее всей проблемы исключительно на основе обращения к тому или другому определенному принципу несостоятельны ввиду специфичности международного права. Попытки использовать какой-то один из рассмотренных выше юридических принципов предполагают жесткий и практически механический вариант решения данной проблемы, которая сводится к отмене или исключению одного из двух последовательно заключенных договоров. Такой вариант допустим в частном праве и даже во внутригосударственном публичном праве. В определенной мере он допустим и в международном частном праве.

Однако в международном публичном праве проблема соотношения последовательно заключенных договоров не может быть сведена во всех случаях к проблеме взаимоисключаемости в процессе их применения. Целью международного публичного правопорядка является обеспечение стабильности в международных отношениях. Одним из средств достижения такой стабильности является создание условий для максимально эффективного и гибкого применения последовательно заключенных договоров даже в случае наличия определенного расхождения между указанными договорами. Автоматическое же признание недействительности последующего договора никак не содействует поддержанию стабильности в международных договорных отношениях.

Недействительность последующего договора возникает только тогда, когда имеет место различие существенного материального порядка между обязательствами государств согласно предыдущему и последующему договорам, когда расхождение между ними носит настолько значительный характер, что вза-

имное параллельное их существование практически невозможно. Несомненно, недействительность последующего договора в целом или в части может предусматриваться непосредственно в положениях предыдущего договора, когда последующий договор в той или иной мере расходится в своих постановлениях с предыдущим договором. Напротив, договорные постановления, содержащиеся в предыдущем договоре, могут допускать определенное расхождение с положениями последующего договора. Однако необходимость урегулирования предположительно несоответствующих друг другу постановлений последовательно заключенных договоров иногда требует их согласования или их взаимной адаптации.

Когда существуют два последовательно заключенных договора, между которыми имеется некоторое расхождение в постановлениях, конечной целью международного права, естественно, должно быть обеспечение, их согласования и координации, а не противопоставление и взаимоисключение. Неудивительно, что в результате тринадцатилетней кропотливой работы в рамках Комиссии международного права ООН выработанный текст ст. 30 Венской конвенции 1969 г. исходит не из признания автоматической недействительности последующего договора в случае наличия расхождения в постановлениях последовательно заключенных договоров, а направлен на обеспечение в максимально допустимой степени их эффективного применения.

ЧАСТЬ II

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ В ПРОСТРАНСТВЕ (МИРОПОРЯДКА НА ОСНОВЕ ВЕРХОВЕНСТВА, ГОСПОДСТВА ПРАВА RULE OF LAW)

ГЛАВА I

Заключение международных договоров как первая стадия пространственного применения международных договоров

Включение элементов господства права в систему права международных договоров происходит через практическое применение принципа добросовестности в процессе заключения и выполнения международных договоров. В этом плане принцип добросовестности несет на себе основную смысловую нагрузку по обеспечению господства права в международных договорных отношениях.

Принцип добросовестности представляет собой основу права международных договоров и всей системы межгосударственных договорных связей. Принцип добросовестности регулирует все стадии международного договорного процесса: заключение и вступление договора в силу, соблюдение, применение и толкование договоров, признание недействительности, прекращение действия договоров. В ходе заключения, вступления договора в силу принцип добросовестности применяется в отношении участвующих в переговорах государств, договаривающихся государств и участников международных договоров. Согласно постановлениям Венской конвенции 1969 г. о праве

международных договоров, участвующим в переговорах государством признается государство, которое принимало участие в составлении и принятии текста договора; в качестве договаривающегося государства признается государство, которое согласилось на обязательность для него договора; и, наконец, участником является государство, которое согласилось на обязательность для него договора и для которого договор находится в силе.

Во временном плане принцип добросовестности начинает свое действие с момента вступления сторон в переговоры на основе соответствующей договоренности с целью заключения договора и продолжает его на протяжении всех стадий процесса заключения договора (составление и принятие текста договора, установление его аутентичности, выражение согласия на обязательность договора) до момента вступления договора в силу. В этом временном промежутке принцип добросовестности действует как основной принцип. Его содержание проявляет себя в обязанности, возлагаемой на участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства, не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.

С вступлением договора в силу принцип добросовестности играет дополняющую роль применительно к основному обязательству по соблюдению всего договора в целом — норме *pacta sunt servanda*. В таком качестве он применяется к участникам международных договоров. Если в отношении вступивших в силу договоров действует обязательство *pacta sunt servanda*, согласно которому «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» (ст. 26 Венской конвенции 1969 г.), то применительно к договорам, находящимся на стадии заключения, действует обязанность не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу (ст. 18).

Считается, что в течение временного промежутка, предшествующего вступлению договора в силу, принцип добросовестности требует от каждого участвующего в переговорах государства и договаривающегося государства воздерживаться от совершения таких актов, которые бы могли нанести ущерб правам и интересам их контрагентов по договору, текст которого уже принят сторонами и подписан. Эти права и интересы сторон, хотя и не являются совершенными со строго юридической точки зрения, тем не менее охраняются международным правом, и всякое их нарушение расценивается как недопустимое.

На основе практики, сложившейся на протяжении столетий, в международном праве была выработана обычно-правовая норма, согласно которой конвенционные обязательства, созданные на основе согласительной процедуры, подлежат исполнению и толкованию *bonae fidei negotia*. На этих стадиях международного договорного процесса принцип добросовестности выступает в качестве важнейшего регулятивного элемента, который обеспечивает собой действенное средство оценки поведения сторон договора. Вместе с тем он дополняет соответствующие, уже имеющиеся на этот счет постановления международного права, которые регулируют процедуру изъясления согласия на обязательность договора и международную ответственность за его нарушение. В соответствии с принципом *bonae fidei negotia* предполагается, что процессы соблюдения, применения и толкования международных договоров должны осуществляться на добросовестной основе, без признаков обмана, подкупа, принуждения, нарушения в какой-либо форме императивных принципов общего международного права. Общим следствием таких противоправных действий является признание недействительности и прекращение договора (ст. 69 и 71 Венской конвенции 1969 г.).

Содействуя процессу добросовестного соблюдения, применения и толкования международных договоров, принцип добросовестности выступает в качестве важнейшего регулятивного принципа и в такой области права международных договоров, как недействительность, прекращение и приостановление действия договоров.

Принцип добросовестности как основной регулятивный принцип права международных договоров вместе с такими императивными принципами международного права, как принципы суверенного равенства, запрета угрозы силой или ее применения, равноправия, содействует выработке международных договоров, которые бы отвечали требованиям справедливости, взаимности, ненанесения ущерба правам и интересам сторон.

Записав принцип добросовестности в своем тексте, Венская конвенция, к сожалению, не уточняет конкретно, каким же он должен быть по содержанию. На первый взгляд из анализа Венской конвенции может показаться, что содержание этого принципа на стадиях заключения договора проявляет себя больше в том, что нельзя делать (не лишать договор его объекта и цели), нежели в том, что предписывается делать. Действительно, Венская конвенция не устанавливает в точности, каким образом должен проходить процесс выработки договора и какими средствами должны пользоваться стороны на стадиях заключения договора. Однако это обстоятельство отнюдь не умаляет положительных аспектов принципа добросовестности — определения того, что следует делать и какого поведения следует придерживаться на всех стадиях заключения международного договора.

Постановления современного международного права и справедливость требуют того, чтобы стороны, вступив на основе соответствующей договоренности в переговоры с целью выработки договора, призванного урегулировать ту или иную область их

взаимоотношений, придерживались разумной, последовательной политики. Такая политика должна исключать поведение, которое ведет к невозможным и недостижимым последствиям.

Вступая в процесс заключения договора, государство вправе в силу присущего ему суверенитета придерживаться собственной, принципиальной позиции по тому или иному вопросу, который предполагается урегулировать на основе данного международно-правового акта. Однако в силу принципа добросовестности государство должно придерживаться определенной последовательности в своем поведении и обязано уведомить (уведомлять) другое участвующее в переговорах государство о своем намерении внести коррективы в собственную позицию и тем самым изменить политику по конкретной международно-правовой проблеме.

В рамках договорных взаимоотношений принцип добросовестности призван обеспечить защиту того доверия, которое одно государство может разумно проявить в отношении обещания противоположной стороны урегулировать определенную проблему, которую оно заинтересовано разрешить на основе международного договорного акта. Таким образом, защита, обеспечиваемая международным правом, в силу обязательности принципа добросовестности, покрывает собой любые проявления доверия, которое может разумно испытывать государство в отношении всех юридических актов, предпринимаемых в порядке заключения договора.

Вывод из сказанного следующий: в процессе заключения договора государство в силу принципа добросовестности обязано придерживаться последовательности в своем поведении. Однако оно может внести отдельные изменения в свою позицию (не нарушая своей обязанности соблюдать объект и цель договора), предварительно уведомив об этом другую сторону.

В международном праве не существует обязанности обязательно заключить договор. Государство в принципе может прервать свое участие в выработке соглашения и выйти из процесса по его заключению. Однако до тех пор, пока государство не изъяснит четко и ясно свое намерение не стать участником договора и соответственно не проявит намерения прекратить свое участие в процессе его заключения, оно обязано на основе принципа добросовестности продолжать соблюдать объект и цель договора.

Одной из причин, делающих необходимой такого рода поведение государства, является обеспечение защиты прав и интересов противоположной стороны, участвующей в процессе заключения договора и поверившей добросовестным образом в реальность и последовательность намерений другого государства. В общем же плане следует указать еще на один такой важный положительный аспект принципа добросовестности, как необходимость для всех сторон, задействованных в процессе заключения договора, по политическим соображениям стремиться достичь соглашения и тем самым завершить процесс, который был ими начат с вступлением в переговоры по выработке приемлемого для всех сторон текста. Международный договор, будучи естественным следствием и результатом всего договорного процесса, представляется наиболее целесообразным средством международно-правового урегулирования определенной проблемы. Поэтому, если юридическая обязанность прийти в обязательном порядке к соглашению в силу принципа добросовестности как таковая отсутствует (если нет на этот счет соответствующей предварительной договоренности), то по политическим соображениям необходимость достижения соглашения с целью упорядочить определенную область отношений между государствами все-таки существует.

Таким образом, на стадиях процесса заключения договора принцип добросовестности проявляет себя в следующих направлениях. Во-первых, принцип добросовестности предписывает обязанность соблюдения последовательности в поведении государства на всем протяжении процесса заключения договора. В рамках этой общей обязанности присутствует обязанность соблюдать объект и цель договора до вступления его в силу. Во-вторых, при возникновении намерения внести изменения в позицию государства в процессе заключения договора государство должно предварительно уведомить об этом намерении противоположную сторону или стороны. В-третьих, государства в силу принципа добросовестности должны по возможности достичь соглашения. В-четвертых, намерение выйти из процесса заключения договора, хотя в принципе допускается, обусловлено необходимостью взаимного согласования или как минимум предварительного извещения об этом. Права других участников процесса заключения договора не должны ни при каких условиях быть ущемлены.

В работах, посвященных процессу заключения международных договоров, вопрос о юридической сущности и значении принципа добросовестности сам по себе отдельно не рассматривался и затрагивался постольку, поскольку было необходимо провести исследование той или иной стадии заключения договора. Тем самым рассмотрение данного вопроса как бы расплывалось в исследовании таких проблем, как принятие текста договора, установление его аутентичности, подписание и ратификация договора. Между тем сам вопрос о юридической сущности и значении принципа добросовестности оставался малоизученным в науке международного права и поэтому требовал всестороннего анализа с целью внесения ясности в такие спорные в теоретическом плане проблемы, как, например, юри-

дические последствия для сторон, изъявивших согласие на основе соответствующей договоренности вступить в переговоры с целью заключения договора и принимавших участие в составлении и принятии текста договора; юридические последствия для государства, подписавшего договор под условием ратификации, принятия или утверждения; юридические последствия для государства, изъявившего согласие на обязательность для него договора, который пока еще не вступил в силу; юридическая обязательность договора, не содержащего указаний в отношении того, является ли акт подписания или ратификации проявлением согласия на обязательность договора.

В процессе последующего рассмотрения предмета исследования представляется целесообразным сначала остановиться на анализе юридической сущности и значения принципа добросовестности в ходе проведения переговоров по составлению, принятию и подписанию текста договора, а затем уже перейти к юридической сущности и значению принципа добросовестности во временном промежутке между актом подписания и вступлением договора в силу.

Принцип добросовестности в ходе проведения переговоров по составлению, принятию и подписанию текста договора. Распространение действия основных международно-правовых принципов на процесс заключения договоров предполагает, что переговоры с целью заключения договора должны вестись на основе уважения принципов равенства, невмешательства, недопустимости угрозы силой, справедливого учета взаимных интересов и позиций сторон. Соответственно исключаются обманные действия, попытки подкупа представителя государства, а также попытки навязывания своих интересов другим государствам в ущерб принципу справедливости. В качестве примера того, в каком духе должны проходить переговоры по заключению договора, можно

сослаться на решение международного арбитража от 26 января 1972 г. по спору между ФРГ и Грецией. Так, в заключительной части решения говорилось: «Обе стороны обязаны вести себя таким образом, чтобы в ходе переговоров были применены принципы согласия с целью достижения урегулирования, которое было бы удовлетворительным и справедливым для всех сторон».¹³¹

В общем плане взаимная заинтересованность сторон, достигнутая в результате договоренности между государствами, в отношении выработки приемлемого и справедливого для всех сторон текста договора и соответственно в отношении последующего успешного функционирования правового механизма на основе выработанного договора предполагает, что на протяжении всего периода времени, непосредственно предшествующего вступлению договора в силу, стороны будут воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы лишить договор его объекта и цели.

Чем же объясняется строгость в отношении соблюдения линии поведения государств в период времени, предшествующий вступлению договора в силу? Во-первых, уже само намерение государств выработать общеприемлемый для всех текст договора, который после вступления его в силу смог бы регулировать соответствующую область их взаимоотношений, предполагает определенную последовательность в поведении на протяжении всего периода времени вплоть до даты вступления договора в силу.

Во-вторых, как и в случае с применимой в отношении вступивших в силу договоров нормой международного права, которая предусматривает, что договор должен выполняться

¹³¹ Guyomar G. Tribunal d'arbitrage de l'accord sur les dettes extérieures allemandes // AFDI, 1973. P., 1974. P. 536

добросовестным образом, так и в случае поведения государств на протяжении всего периода времени от изъяснения согласия на вступление в переговоры с целью заключения договора и вплоть до даты его официального вступления в силу существует схожая международно-правовая норма. Она предполагает, что государства будут *добросовестным образом* придерживаться линии поведения, проявившей себя в первоначальном согласии на участие в переговорах с целью заключения договора, в согласии с принятым текстом договора, в акте подписания договора. В данном случае речь идет не об обязательстве результата (достичь в обязательном порядке и обеспечить вступление в силу соответствующего договора), а об обязательстве придерживаться определенной принятой линии поведения. В принципе государство вправе отказаться от ратификации договора, подписанного под таким условием, но до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником договора, государство должно придерживаться последовательной линии поведения в отношении основополагающих его постановлений, проявившей себя на протяжении всего периода времени, предшествующего его вступлению в силу.

Юридическая природа обязанностей государств в период заключения международного договора зиждется на принципе добросовестности и на других принципах международного права. Как в советской, так и зарубежной международно-правовой литературе признается, что принцип добросовестности устанавливает определенные требования к правотворческому процессу, его содержанию, результатам, форме.¹³²

¹³² Zoller E. La bonne foi en droit international public. P., 1977. P. 47; Cot J.-P. La bonne foi et la conclusion des traites // RBDI. 1968. № 1. P. 142—159; Bern-

Так, немецкий юрист Р. Бернхардт писал: «В ходе процесса, ведущего к окончательному заключению или в случае отрицательного исхода к неудаче в выработке договора, между его участниками существует юридическая связь, основанная на принципе добросовестности, из которого можно вывести обязательства позитивного характера должного поведения»¹³³.

Французский юрист Ж.-П. Кот, рассматривая принцип добросовестности в качестве одного из основных принципов международного права, утверждал, что он регулирует все стадии выработки договора в ходе международных дипломатических переговоров по его заключению¹³⁴. Имеется в виду, что государства должны придерживаться добросовестного поведения в ходе всех стадий процесса заключения договора, а, кроме того, государства должны воздерживаться от каких-либо действий, которые помешали бы последующему применению договора, т. е. принцип устанавливал определенную линию поведения государств применительно к уже подписанному договору, который представлен к ратификации.

Другой французский юрист Э. Золлер в своей монографии на тему «Принцип добросовестности в международном публичном праве» также указывала на то обстоятельство, что принцип добросовестности применим в отношении всего процесса заключения договора как в период проведения дипломатических переговоров по составлению и принятию текста договора на основе соответствующей договоренности между сторонами, так и в промежутке времени между подписанием и

hardt R. Völkerrechtliche Bindungen in dem Vorstadien des Vertragsschlusses // ZaoRV. 1958. Bd. 18, № 4. S. 652-690

¹³³ Bernhardt R. Op. cit. S. 654

¹³⁴ Cot J.-P. Op. cit. P. 141

вступлением договора в силу¹³⁵. Итальянский юрист, профессор Римского университета Дж. Бариле в своем курсе «Структура международного правопорядка», прочитанном в Гаагской Академии международного права, прямо говорил о том, что принцип добросовестности регулирует правоотношения сторон, принимающих участие в процессе заключения договора. Как он правильно отмечал, принцип добросовестности предписывает обязанность для участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств соблюдать объект и цель договора, который находится на стадии принятия, утверждения, ратификации или вступления в силу¹³⁶.

И наконец, Международный суд ООН в своем решении от 20 декабря 1974 г. также определил, что принцип добросовестности распространяет свое действие и на процесс создания международных обязательств вне зависимости от источника их происхождения (в данном случае имеется в виду процесс заключения договоров). Так, в решении суда сказано: «Одним из основополагающих принципов, регулирующих *процессы создания* и исполнения юридических обязательств независимо от их источника, является *принцип добросовестности — bonne foi*»¹³⁷ (курсив наш.— *P. K.*).

Таким образом, в науке международного права получила широкое распространение точка зрения, согласно которой весь процесс создания договорно-правовых норм должен осуществляться на основе принципа добросовестности.

Предписывая соответствующие обязанности участвующим в переговорах государствам, международное право предусмат-

¹³⁵ Zoller E. Op. cit. P. 49

¹³⁶ Barile G. La structure de l'ordre juridique international // RCADI. 1978-3. La Haye, 1980. T. 161. P. 81

¹³⁷ CIJ rec. 1974. P. 268

ривает определенные критерии, которым должны соответствовать ведущиеся между ними дипломатические переговоры с целью заключения договора. Достижение соглашения должно осуществляться в полном соответствии с императивными положениями современного международного права, честными методами, без проявления обмана, подкупа представителей государств, попыток навязывания силой своих узкокорыстных интересов другим государствам в ущерб последним. Противоправные акции подобного рода не только ставят под вопрос развитие плодотворного и равноправного сотрудничества государств в духе Устава ООН, но и прямо запрещаются международным правом. Таким образом, постановления современного международного права, в том числе и принцип добросовестности, с одной стороны, запрещают противоправные действия государств в ходе ведущихся дипломатических переговоров по заключению договора, а с другой — предусматривают обязанность и требуют от государств соблюдения в своем поведении последовательности, равноправия, а также справедливого учета государственных интересов и позиции других участников переговоров.

|Как уже отмечалось выше, международные дипломатические переговоры с целью заключения договора должны проходить в общем климате доверия, прямоты, без стремлений причинить вред или нанести ущерб в какой-либо форме другому участнику переговоров. Согласно действующему международному праву, обман влечет за собой признание недействительности договора, заключенного под его влиянием. Однако при этом надо отметить, что эта санкция в отношении намерения как причинить ущерб другой стороне, так и использовать обманные действия при заключении международного договора, носит относительный характер ввиду того, что в обоих случаях государ-

ство, ставшее объектом обманных действий со стороны другого государства, может сослаться на недействительность договора, если оно является его участником. Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров посвящает этому вопросу две статьи. Статья 49 предусматривает следующее: «Если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе сослаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора». Статья 50 устанавливает, что «если согласие государства на обязательность для него договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим участвовавшим в переговорах государством, то первое государство вправе сослаться на такой подкуп как на основание недействительности его согласия на обязательность для него такого договора».

Обман «не только просто влияет на согласие, которое было дано другой стороной в отношении постановлений данного соглашения; он разрушает все основание взаимного доверия, достигнутого между сторонами»¹³⁸. В равной степени, обман представляет собой явное нарушение принципа добросовестности, предписывающего сторонам обязанность действовать в духе лояльности и открытости.

Характеризуя обман с точки зрения наличия или отсутствия в нем волевого начала, следует сказать, что обман во всех случаях подразумевает присутствие элемента намерения: причинить вред, обмануть противоположную сторону. Как правильно отметил А. Орезон, «в данном основании недействительности договора при-

¹³⁸ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 294

существует элемент намерения, который ясно отличает его от невольной или случайной ошибки»¹³⁹.

Со своей стороны недобросовестность может быть определена как стремление ввести в заблуждение другое участвующее в переговорах государство. Речь идет главным образом о субъективных критериях, в отношении которых можно поставить вопрос, насколько они приемлемы и допустимы в международном праве. Представляется значительным тот факт, что Комиссия международного права ООН в комментарии к своему окончательному проекту статей о праве договоров 1966 г. не сочла возможным упомянуть психологический элемент ошибки¹⁴⁰. Такое решение Комиссии международного права вполне правильно, поскольку недобросовестность государства не является сама по себе единственным конститутивным элементом обмана.

Для того чтобы было возможным констатировать недобросовестность, необходимо наличие определенных действий со стороны государства. Недобросовестность, которая не проявила себя в объективных фактах, например в обманных действиях, не может рассматриваться в качестве конститутивного элемента обмана. Согласно ст. 49 Венской конвенции 1969 г., обман имеет место только при наличии обманных действий со стороны государства. В комментарии Комиссии международного права ООН к статье, посвященной обману как основанию недействительности согласия государства на обязательность для него договора, сказано следующее: «Это выражение понимается как включающее в себя в обязательном порядке любые обманные действия, под влиянием которых государство изъявило свое

¹³⁹ Oraison A. Le dol dans la conclusion des traites // RGDIP. 1971. № 3. P. 626—627

¹⁴⁰ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 244

согласие на обязательность для него договора, в то время как иначе оно не дало бы такого согласия»¹⁴¹.

Таким образом, основываясь исключительно на объективных обстоятельствах, можно констатировать присутствие обмана в международном праве. Обманное намерение, как представляется, играет здесь меньшую роль, чем обманное поведение. Скорее именно исходя из наличия обманного поведения можно предположить присутствие обманного намерения.

Что же касается понятия подкупа представителя государства, то здесь идет речь об обманном поведении участвующего в переговорах государства, стремящегося в ходе проведения переговоров по заключению договора на основе такого рода обманных действий получить согласие на обязательность договора со стороны другого государства. В этом плане можно было бы задать вполне закономерный вопрос, насколько ст. 50 Венской конвенции 1969 г. не повторяет собой постановления ст. 49. Тем более здесь надо учитывать исключительную редкость реального практического проявления обмана в ходе заключения международного договора. Кроме того, представляется весьма затруднительным предложить использование обмана с целью получения согласия государства на обязательность для него договора ввиду необходимости последующей ратификации или утверждения договора. Однако и в Комиссии международного права ООН и на Венской дипломатической конференции 1968—1969 гг. по праву международных договоров было признано целесообразным оставить специальную ст. 50, предусматривающую такое основание для признания недействительно-

¹⁴¹ Ibid. P. 245

сти согласия государства на обязательность для него договора, как подкуп представителя государства.

Во всяком случае, обманное поведение государства, заключающееся непосредственно в обмане или подкупе представителя другого государства и направленное на получение таким путем согласия на обязательность для него данного договора со стороны этого другого государства, может оцениваться в реальном плане только при наличии объективных проявлений поведения такого рода.

Некоторые авторы, в частности упоминавшийся выше А. Орезон, поэтому считают, что доказательство обмана в поведении государства легче представить, чем доказательство ошибки. Так, он писал, что «доказательство ошибки представить достаточно трудно в той мере, в какой соответствующее государство (которое желает сослаться на ошибку как на основание недействительности его согласия на обязательность для него договора.—*Р. К.*) должно представить наличие обстоятельств исключительно психологического характера. Доказательство же обмана, наоборот, представить легче, так как обман проявляет себя вовне в значительно большей степени, чем просто психологическая позиция»¹⁴².

Однако в действительности все представляется по-иному. Если обман и создает у другого участвующего в переговорах государства, ставшего объектом обманных действий, ошибочное представление, то в этом случае речь идет об ошибке, носящей спровоцированный характер и включающей в себя намерение совершить обманные действия. Речь здесь идет не просто о том, что государство, ставшее объектом обманных действий,

¹⁴² Oraison A. Op. cit. P. 624

должно представить доказательство того, что оно было введено в заблуждение в результате обмана. Оно должно будет помимо этого обосновать то, что в ходе процесса заключения международного договора оно было введено в заблуждение с обманным намерением. В частности, что оно явилось объектом обманного намерения со стороны другого участвовавшего в переговорах государства нанести определенный урон и причинить вред.

Утверждать на основе одного простого факта, что в ходе переговоров по заключению договора государство прибегло, например, к использованию географических карт искаженного содержания, недостаточно для того, чтобы установить недобросовестность данного государства. Участвующее в переговорах государство, в отношении которого выдвигаются такого рода обвинения, могло использовать эти карты вполне на добросовестной основе, т. е. находясь в полном неведении относительно того, что касается возможного наличия в них существенных неточностей. Однако в данном случае именно этому государству представлять доказательства своей недобросовестности не придется, поскольку добросовестность всегда презюмируется. Задача по установлению и представлению доказательств о наличии недобросовестности здесь возлагается на противоположную сторону.

Анализ межгосударственной практики по заключению договоров показывает, что случаи, когда то или иное участвующее в переговорах государство прибегало к представлению доказательств о недобросовестности противоположной стороны, весьма немногочисленны и относятся к колониальной эпохе. При этом следует отметить, что международный арбитраж, призванный урегулировать тот или иной межгосударственный спор, в явной форме никогда не ссылаясь на недобросовестность какого-либо из

участвовавших в переговорах государств, а выносил свое решение, исходя из оценки поведения государств¹⁴³.

В современную эпоху международным судебным органам также приходилось осуществлять оценку поведения государств в процессе заключения договора как с целью определения общих юридических последствий этого поведения, так и для решения вопроса о том, имела ли место недобросовестность или просто ошибка. Однако и здесь стороны в процессе судебного разбирательства исключительно редко утверждали о наличии недобросовестности другого участвовавшего в переговорах государства и чаще ссылались на факт ошибки как на основание признания недействительности своего согласия на обязательность для него договора. Так, в деле о храме Преах Вихеар существенную часть разбирательства в Международном суде ООН составляло рассмотрение юридической силы и действительности географической карты о делимитации границы между Камбоджей и Таиландом в районе месторасположения храма. Таиланд, оспаривавший в ходе рассмотрения дела в суде действительность этой карты, не считал возможным сослаться на обманные действия в поведении другого государства, а ограничился выдвиганием тезиса об ошибке в качестве основания недействительности своего согласия на обязательность для него договоров 1904 и 1907 гг.¹⁴⁴

Обязательство действовать на основе принципа добросовестности в ходе переговоров по заключению договора было зафиксиро-

¹⁴³ Paisant M. Les droits de la France au Niger//RGDIP. 1898. № 1. P. 32-34; Rouard de Card E. La frontière franco-marocaine // Ibid. 1902. № 2. P. 265

¹⁴⁴ В своем решении от 15 июня 1962 г. суд определил, что в результате длительного активного и пассивного поведения Таиланда географическая карта как основной международный документ, явившийся предметом судебного разбирательства, стала интегральной частью договоров 1904 и 1907 гг. о делимитации границы между Камбоджей и Таиландом (CIJ rec. 1962. P. 26—33)

ровано в ст. 15 окончательного текста проекта статей по праву международных договоров, подготовленного Комиссией международного права в 1966 г.¹⁴⁵ Комиссия международного права следующим образом раскрыла содержание этого обязательства: «Государство обязано воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намечаемого договора, если: а) оно согласилось вступить в переговоры с целью заключения договора, когда такие переговоры уже ведутся». В комментарии к этой статье уточнялось, что она покрывает собой период, начиная с того момента, когда государство изъявило согласие вступить в переговоры с целью заключения договора. Обязательство воздерживаться от каких-либо действий, которые могли бы уничтожить объект договора, продолжается на протяжении всего периода, пока ведутся дипломатические переговоры¹⁴⁶.

Анализ судебной практики позволяет дать пример действий участвующих в переговорах государств, рассматриваемых как противоправные и нарушающие обязанность не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.

Государство А. и государство Б. подписали договор под условием последующей ратификации. Согласно этому договору, государство А. обязывалось в обмен на соответствующее денежное возмещение передать собственность граждан государства Б., которая была реквизирована в ходе военных действий. Однако непосредственно перед ратификацией государство А. в прямое нарушение объекта уже подписанного договора начало продажу реквизированной собственности.

¹⁴⁵ См. соответственно ст. 17. проектов статей Комиссии международного права 1962 и 1965 гг. (YILC, 1962. N. Y., 1964. Vol. 2. P. 193; YILC, 1965. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 161)

¹⁴⁶ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 202

Обязанность участвующего в переговорах государства воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели до вступления его в силу, к сожалению, не нашла должного закрепления в тексте Венской конвенции 1969 г. в том, что касается круга государств, к которым обращена эта обязанность. В ходе проведения Венской дипломатической конференции по праву договора в 1968—1969 гг. незначительным большинством голосов было решено изъять из текста ст. 15 окончательного проекта конвенции, подготовленного Комиссией международного права в 1966 г., пункт «а» и тем самым ограничить сферу применения обязанности не лишать договор его объекта и цели периодом начиная с акта подписания договора.

Таким образом, из сферы правового регулирования статьи, устанавливающей обязанность государств не лишать договор его объекта и цели, изымалось время с момента вступления в переговоры с целью заключения договора и вплоть до акта его подписания. Доводом, который выдвигался рядом держав против п. «а», ст. 15, служило утверждение о том, что норма, зафиксированная в п. «а», якобы составляет собой новый принцип международного права и поэтому выходит за рамки задачи кодификации права договоров. В этом же духе было выдержано заявление, поступившее от некоторых участников Венской дипломатической конференции. В нем утверждалось, что распространение обязанности не лишать договор его объекта и цели на временной промежуток, на протяжении которого ведутся переговоры по заключению договора, непропорционально увеличит объем обязательств госу-

дарств, тем более что сам договор находится еще в процессе выработки, а переговоры еще не закончены¹⁴⁷.

В доктрине международного права такого рода «опасения» по поводу «новизны» нормы, зафиксированной в п. «а» ст. 15, можно было найти в работе юриста из ФРГ В. Морвея. По мнению этого ученого, обязанность государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу не распространяется на государства, которые изъявили согласие вступить в переговоры с целью заключения определенного договора в течение периода их проведения, и на государства, которые подписали договор под условием последующей ратификации. Считая постановления ст. 15 окончательного проекта конвенции, выработанного Комиссией международного права в 1966 г., выходящими за рамки задачи по кодификации права договоров, поставленной перед комиссией, он предложил отнести к сфере применения этой статьи только государства, которые изъявили согласие на обязательность для них договора, и тем самым ограничить область применения обязанности не лишать договор его объекта и цели промежутком времени начиная с даты изъясления государствами согласия на обязательность для них договора¹⁴⁸.

Выдвигая такое предложение, В. Морвей тем самым полностью исключал необходимость применения этого положения к государствам, изъявившим свое согласие вступить в переговоры с целью заключения определенного договора и участвовавшим в составлении и принятии текста договора, а также к государствам, подписавшим договор под условием ратификации, принятия или

¹⁴⁷ Zoller E. Op. cit. P. 55—56; Sinclair I. M. The Vienna Convention on the law of treaties. Manchester, 1973. P. 15

¹⁴⁸ Morvay W. The obligation of a state not to frustrate the object of a treaty prior to its entry into force // ZaoRV. 1967. Bd. 27, N 3. S. 459-460

утверждения. Тем самым фактически в отношении таких важных стадий заключения договора, как составление и принятие текста договора, а также подписание договора полностью исключалась применимость принципа добросовестности и вообще какая-либо значимость с точки зрения международного права.

В этом плане характерны также утверждения французских юристов Ш. Руссо и А. Рейно, также отрицавших возможность наступления правовых последствий в результате акта, который завершает собой стадию переговоров по выработке договора. По их мнению, основные юридические последствия наступают только в результате акта ратификации договора ¹⁴⁹. Еще дальше в своем отрицании характера действующей правовой нормы за нормой, предписывающей обязанность воздерживаться от действий, которые бы лишали договор его объекта и цели, идут французский юрист Ж. Нисо и английский юрист Дж. О'Коннелл. Они считают, что норма, записанная в ст. 18 Венской конвенции, выходит за рамки международного обычного права и тем самым по сути составляет собой его нарушение ¹⁵⁰.

Утверждения отдельных юристов-международников в отношении соблюдения обязанности участвующих в переговорах государств не лишать договор его объекта и цели на стадии переговоров по составлению и принятию текста договора, а также на стадии его подписания практически ставят под сомнение необходимость распространения действия принципа добросовестности на указанные здесь временные периоды в процессе за-

¹⁴⁹ Rousseau Ch. *Principes généraux du droit international public*. P., 1944. Т. 1. P. 171 — 172; Reynaud A. *Les différends du plateau continental de la mer du nord devant la cour internationale de justice*. P., 1975. P. 75

¹⁵⁰ Nisot J. *L'article 18 de la Convention de Vienne sur le droit des traités* // RBDI. 1970. Vol. 6, N 2. P. 503; O'Connell D. P. *International law*. L., 1970. Vol. 1. P. 223—224

ключения международного договора. Такие утверждения можно свести к нескольким общим положениям. Во-первых, соответствующая международно-правовая норма, предусматривающая обязанность государств не лишать договор его объекта и цели на стадии составления и принятия текста договора, а также на стадии подписания договора, носит абсолютно новый характер и поэтому выводит задачу кодификации права международных договоров за ее непосредственные рамки в область прогрессивного развития международного права, что якобы превышает полномочия Комиссии международного права ООН. Во-вторых, утверждалось, что распространение упомянутой обязанности государств якобы ограничит суверенные права государств свободно решать вопрос о своем участии в договоре.

Отвергая подобные высказывания, следует отметить, что норма, предусматривающая обязанность государств в силу принципа добросовестности воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, еще до вступления договора в силу является действующей нормой международного права, как и все остальные нормы Венской конвенции 1969 г. Об этом говорится в работах советских юристов, а также в работах большинства зарубежных юристов-международников¹⁵¹, это признается в международной судебной практике, а также в практике ООН.

Так, в решении по делу о Верхней Силезии, вынесенном Постоянной палатой международного правосудия в 1926 г.¹⁵², суд установил, что определенные действия государства, которое подписало договор под условием последующей ратификации, могут

¹⁵¹ Талалаев А. Н. Право международных договоров. М., 1980. С. 144—145; Elias T. O. The modern law of treaties. Leiden, 1974. P. 26; Sinclair I. M. Op. cit. P. 38-40; Zoller E. Op. cit. P. 54-78; Cot J.-P. Op. cit. P. 153-159

¹⁵² CPJ ser. A. N 7. P. 30

быть расценены как злоупотребление своими правами и таким образом представляют собой нарушение обязанностей государств в отношении этого договора. Тем самым суд признал, что в период времени от принятия текста договора, установления его аутентичности и до вступления его в силу государство для того, чтобы обеспечить выполнение своих обязательств по договору и таким образом создать благоприятные условия для его нормального применения, не должно совершать каких-либо действий, которые лишили бы договор объекта и цели.

Практика деятельности ООН также может служить в качестве примера того, что норма международного права, предусматривающая обязанность государств на основе принципа добросовестности не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу, нашла свое закрепление в современном международном праве. Так, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2153 А (XXI), принятой 17 ноября 1966 г. и получившей специальное название «Об отказе государств от действий, затрудняющих достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия»¹⁵³, было записано следующее обращение к государствам — членам ООН, принимавшим участие в выработке и заключении договора, который ставил своей целью установить преграду на пути распространения ядерного оружия: «Генеральная Ассамблея, принимая во внимание, что *в настоящее время ведутся международные переговоры* (курсив наш.— Р. К.), имеющие целью разработку договора о нераспространении ядерного оружия, и желая создать благоприятную обстановку для успешного завершения этих переговоров, настоятельно призывает государства:

¹⁵³ Yearbook of the United Nations, 1967. N. Y., 1968. P. 17

1. Впредь до заключения договора о нераспространении ядерного оружия воздерживаться от всяких действий, которые могли бы затруднить достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия.

2. Предпринять все необходимые шаги для скорейшего заключения договора о нераспространении ядерного оружия».

Приняв резолюцию 2153 А (XXI), международное сообщество в лице ООН тем самым признало значение нормы международного права, в соответствии с которой обязанность государств, вытекающая из принципа добросовестности, воздержаться от действий, которые противоречили бы объекту и цели договора, распространяет свое действие на временной промежуток начиная с момента изъясления государствами согласия в форме соответствующего соглашения сторон об участии в составлении и принятии текста договора и впредь до вступления договора в силу. Учитывая особую важность международного юридического акта, который должен был установить правовой режим нераспространения ядерного оружия, предполагалось, что государства на протяжении всего периода переговоров будут воздерживаться от действий, которые бы привели к производству и приобретению ядерного оружия и соответственно к численному росту государств, обладающих им (объект и цель договора).

Принцип добросовестности, распространяя свое действие на стадию проведения переговоров по заключению международного договора, проявляет себя здесь следующим образом. В ходе переговоров каждая из сторон, участвующая на добросовестной основе в процессе заключения договора, вправе ожидать того, что противоположная сторона будет строить свое поведение, также исходя из принципа добросовестности. Общим правилом на протяжении всех стадий заключения международного договора является соблюдение обязанности последовательного поведения

государств с учетом общепризнанных норм международного права, в том числе принципа добросовестности.

Исключить возможность распространения действия обязанности не лишать договор его объекта и цели на все стадии заключения договора, включая стадию переговоров по составлению и принятию текста договора и стадию подписания договора, означало бы вывести ту или иную стадию заключения договора из-под действия указанной обязанности, поставить под сомнение юридическую значимость принципа добросовестности и тем самым косвенным образом допустить возможность действий государства, которые лишили бы договор его объекта и цели. Поэтому признать в качестве научно обоснованного тезиса утверждения отдельных авторов, согласно которым обязанность государства воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, не распространяется на стадию переговоров по выработке договора и на стадию подписания договора на практике могло бы привести к оправданию противоправного поведения государств.

В качестве примера такого противоправного поведения государств можно представить такую возможную ситуацию. Государство в период проведения переговоров с целью заключения договора, призванного установить границу территориальных вод и совместно с этим урегулировать проблему эксплуатации минеральных ресурсов, предприняло ряд мер, которые привели к полному истощению минеральных ресурсов, что было предметом переговоров и непосредственным объектом самого договора.

Содержание обязанности добросовестного поведения на стадии переговоров по заключению договора, проявляя себя в качестве запрета каких-либо обманных действий с обеих сторон, характеризует сам процесс ведения переговоров, методы,

которыми должны пользоваться участвующие в переговорах государства при достижении соглашения. Кроме того, обязанность добросовестного поведения государств на стадии проведения переговоров предполагает наличие у сторон искренней заинтересованности в заключении договора, свидетельствует о существовании истинного и целеустремленного намерения воплотить достигнутые в ходе переговоров договоренности в отношении текста в конкретном конвенционном юридическом акте.

Науке международного права известны два понятия, которые по своему содержанию близко соответствуют изложенному здесь содержанию принципа добросовестного поведения в процессе заключения договора, а именно: *pactum de contrahendo*, предполагающее обязательство по достижению результата (имеется в виду обязательство, возлагаемое на государства с целью достижения соответствующего международного соглашения, призванного урегулировать определенную международную ситуацию), и *pactum de negociando*, предполагающее необходимость соблюдения определенных средств при проведении переговоров по заключению договора (имеется в виду обязанность, возлагаемая на стороны, придерживаться правомерных методов в процессе проведения международных переговоров по заключению договора, а также обязанность воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели)¹⁵⁴.

Однако международная договорная и судебная практика не проводит такого различия. Поэтому в ходе последующего изложения предмета исследования в работе предполагается ис-

¹⁵⁴ *Marion L.* La notion de *pactum de contrahendo* dans la jurisprudence internationale //RGDIP. 1974. N 2. P. 351-397.

пользовать термин *pactum de negociando*, а не *pactum de contrahendo*, тем более что обязательства прийти к соглашению в чисто юридическом виде, как можно заключить из анализа международной судебно-арбитражной практики, не существует.

В самом общем плане *pactum de negociando* можно рассматривать как предварительную договоренность, посредством которой два или несколько государств принимают на себя обязательство (облеченное в форму соответствующего соглашения) вступить в переговоры и их вести добросовестным образом с целью урегулирования определенной международной проблемы на основе специального договора. Роль принципа добросовестности в этом плане, отмечает Л. Марион, состоит в том, что «он создает между договаривающимися государствами обязательство соответствующего поведения, интегрированное в систему, создающую собой обязательство результата»¹⁵⁵ (заключение договора.—Р. К.).

Существование предварительной договоренности между сторонами привносит в область добросовестного поведения в процессе дипломатических переговоров больше точности и целенаправленности, чем просто запрет обманных действий, идущих вразрез с принципом добросовестности.

Если при отсутствии предварительной договоренности, действительно, можно говорить о том, что «обязательство вести переговоры не подразумевает обязательство прийти к соглашению»¹⁵⁶, то достижение между сторонами предварительной договоренности с целью прийти впоследствии к заключению

¹⁵⁵ Ibid. P. 385.

¹⁵⁶ См. решение Постоянной палаты международного правосудия от 15 октября 1931 г.: СРЛ sér. A/B. N 42. P. 12.

международного договора существенно изменяет характер обязанностей сторон.

Отныне помимо обязанности придерживаться определенных юридических правил поведения с целью обеспечения нормального хода переговоров на государства возлагается обязанность содействовать в максимально допустимой степени успешному их завершению и подписанию взаимоприемлемого международно-правового документа.

Межгосударственная договорная практика, практика международных судебно-арбитражных органов свидетельствует в пользу того, что переговоры как средство урегулирования определенной международной ситуации на соответствующей договорно-правовой основе являются наиболее приемлемым и надежным средством упорядочения отношений между государствами в свете положений Устава ООН.

Прямое предписание приступить к переговорам появляется при обстоятельствах, когда возникает угроза международному миру и безопасности (ст. 33 Устава ООН). Однако ситуации подобного рода можно рассматривать как исключительные. В обычной, повседневной практике межгосударственных отношений обращение к переговорам с целью заключения договора и упорядочения на этой основе определенной международной ситуации, как общее правило, носит добровольный характер и зависит от намерения государств и существования на этот счет соответствующей договоренности между сторонами.

Обычно-правовой элемент в процедуру обращения к переговорам с целью заключения договора привнесен на основе сложившейся межгосударственной практики разграничения континентального шельфа посредством соглашения между государствами. В качестве подтверждения может служить решение Международного суда о разграничении континентального

шельфа Северного моря от 1969 г. В нем Международный суд признал существование определенных юридических понятий основополагающего характера, которые отражали присутствие у государств юридического убеждения об обязательности определенного поведения (*opinio juris*), согласно которому разграничение континентального шельфа должно быть предметом специального соглашения между заинтересованными государствами.¹⁵⁷

Высказываясь в пользу существования обязанности государств приступить к дипломатическим переговорам с целью заключения договора и упорядочения на такой основе определенной международной ситуации, международные судебные органы в своих решениях уточняли содержание этой обязанности, требуя, чтобы эти переговоры проводились на основе принципа добросовестности.

Сам принцип добросовестности не устанавливает обязанности вступить в переговоры с целью заключения международного договора. Фактически такая обязанность вытекает из предварительной договоренности, достигнутой между сторонами.

Каково же юридическое значение принципа добросовестности на стадии составления и принятия текста договора?

Стороны с целью успешного завершения переговоров и подписания приемлемого для всех текста договора должны проявлять максимум гибкости в своих взаимных позициях, идти насколько возможно на взаимные уступки и компромиссы, сохраняя при этом приверженность своим принципиальным установкам. Постоянная палата международного правосудия в

¹⁵⁷ CIJ rec. 1969. P. 47.

своем решении от 6 декабря 1923 г. записала: «Природа подобного соглашения подразумевает, что стороны вступили в переговоры в условиях полной свободы, сохраняя при этом приверженность всем своим принципиальным установкам и тезисам»¹⁵⁸

Переговоры с целью заключения договора должны проходить в обстановке свободного обмена мнениями, без каких-либо признаков давления и шантажа, угрозы силой или ее применения. В случае возникновения достаточно веских и обоснованных причин государство сохраняет за собой право выйти из переговоров и тем самым прекратить свое участие в составлении и последующем принятии текста договора, предварительно уведомив о своем намерении другую сторону. Однако всякого рода неправомерные действия, включающие в себя необоснованный отказ от дальнейшего участия в переговорах, нарушение процедурных норм и правил ведения переговоров, достигнутых на основе взаимной договоренности между сторонами, постоянное игнорирование предложений и позиций противоположных сторон, прямо запрещаются международным правом как идущие вразрез с принципом добросовестности. Так, в арбитражном решении 1958 г., вынесенном по делу «Озеро Лану», отмечалось, что переговоры в духе принципа добросовестности исключают возможность «неоправданного прекращения переговоров, необоснованного их затягивания, несоблюдения предусмотренных процедур, систематического отказа принимать во внимание предложения и интересы противоположных сторон»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ CPJ sér. B. N 8. P. 55.

¹⁵⁹ RGDIP. 1958. N 1. P. 106.

Принцип добросовестности поведения государств, определяя общую направленность правотворческого процесса по заключению международного договора, является, как уже говорилось выше, не единственным международно-правовым принципом, который регулирует содержание прав и обязанностей участвующих в переговорах государств. Достижение справедливого соглашения возможно при условии соблюдения принципа взаимности, предполагающего принятие во внимание участвующими в переговорах государствами разумных интересов противоположных сторон, а также согласование на началах полного равенства собственных прав и интересов с правами и законными интересами других государств-участников переговоров.

В уже цитировавшемся выше арбитражном решении по делу «Озеро Лану» соотношение применения в конкретном контексте международных переговоров по заключению договора принципа добросовестности и принципа взаимности выражено следующим образом: вести переговоры в духе принципа добросовестности означает для государств, во-первых, принимать во внимание различные интересы сторон, чтобы изыскать пути к удовлетворению их в полном соответствии с обеспечением своих собственных интересов и, во-вторых, показать своим поведением, что каждое участвующее в переговорах государство имеет реальную заинтересованность в согласовании своих собственных прав с правами другого государства.¹⁶⁰

Возложенная на участвующие в переговорах государства обязанность воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, носит характер международно-

¹⁶⁰ Ibid. P. 116.

правового принципа. Свое происхождение эта обязанность получила из принципа добросовестности, а впоследствии консолидировалась как отдельный международно-правовой принцип. Так, непосредственно в тексте ст. 17 проекта Комиссии международного права от 1965 г. было сказано: «Государство обязано в силу принципа добросовестности... воздерживаться от действий, направленных на уничтожение объекта предполагаемого договора»¹⁶¹.

В ходе обсуждения ст. 17 проекта на XVII сессии Комиссии в 1965 г. рядом юристов — членов Комиссии из Финляндии, Франции, Италии, Израиля было высказано мнение, согласно которому упоминание принципа добросовестности непосредственно в тексте самой статьи якобы несколько снижает юридическую силу зафиксированного в ней обязательства. Утверждения подобного рода обосновывались тем, что принцип добросовестности рассматривался ими как чисто моральная норма и поэтому всякая попытка вывести данное обязательство из принципа добросовестности привела бы неминуемо к преуменьшению международно-правовой силы обязанности участвующих в переговорах государств не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу¹⁶².

В конечном итоге было решено перенести ссылку на принцип добросовестности из текста самой статьи в комментарий к ней. Так в комментарии к ст. 15 окончательного проекта статей Комиссии международного права от 1966 г. появилась ссылка на принцип добросовестности, где сказано: «Обязательство в силу принципа добросовестности воздерживаться от действий,

¹⁶¹ YILC, 1965. N. Y., 1965. Vol. I. P. 262.

¹⁶² Ibid. P. 262-263.

направленных на уничтожение объекта договора, которое применимо в отношении государства, подписавшего договор под условием ратификации, приобрело в настоящее время обще-признанный характер»¹⁶³.

Действительно, значительная международная судебная арбитражная практика, широкий спектр мнений представителей советской и зарубежной науки международного права и, наконец, практика государств в отношении процесса заключения договоров - все это свидетельствует о том, что норма, в соответствии с которой на государства в силу принципа добросовестности возлагается обязанность не лишать договор его объекта и цели, стала овалальной, действующей нормой современного международного права. При этом обязанность такого рода проистекает именно из принципа добросовестности, так как договор фактически еще не вступил в силу и принцип *pacta sunt servanda* в отношении содержащихся в нем договорно-правовых норм не начал свое действие.

Анализируя содержание принципа добросовестности в процессе переговоров по заключению договора в свете постановлений ст. 18 Венской конвенции 1969 г. и практики международных судебных и арбитражных органов, следует констатировать, что норма, зафиксированная в ст. 18, получила значительное позитивное развитие в деятельности Международного суда ООН и международных арбитражных органов. По мере рассмотрения дел, касающихся в той или иной степени анализа содержания принципа добросовестности в ходе проведения дипломатических переговоров по заключению договора, международные судебные и арбитражные органы выработали норму, не просто предписывающую воздерживаться от определенных

¹⁶³ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 202

противоправных действиях, но и устанавливающую обязанность положительного поведения в отношении как методов ведения переговоров, так и возможности достижения конечной цели переговоров - международного договора. В своем решении от 20 февраля 1969 г. Международный суд ООН следующим образом определил обязанности сторон по проведению на основе принципа добросовестности переговоров с целью заключения соглашения, призванного осуществить разграничение континентального шельфа Северного моря: «Стороны приняли на себя обязательство вступить в переговоры с целью достижения соглашения, а не просто провести формальные переговоры в качестве предварительного условия по автоматическому применению определенного метода разграничения континентального шельфа при отсутствии самого договора. На стороны возлагается обязанность придерживаться такого поведения, при котором переговоры имели бы смысл, что не являлось бы таковым в случае, когда одна из них настаивает на своей собственной позиции, не допуская возможности каких-либо ее изменений»¹⁶⁴.

В связи с изложенной здесь выдержкой из решения Международного суда следует отметить, что стороны — участники спора зафиксировали в специальном соглашении, на основе которого они обратились в суд, обязательство вести переговоры для разрешения спора о разграничении соответствующих частей их континентального шельфа. Суд в своем решении исходил из зафиксированного в этом соглашении обязательства с целью определить его юридическое значение. Вместе с тем он посчитал необходимым напомнить, что обязанность государств вести переговоры по заключению международного договора,

¹⁶⁴ CIJ rec. 1969. P. 47

призванного провести разграничение континентального шельфа между ними, приобрела в настоящее время характер обычно-правовой нормы.

В деле о юрисдикции в области рыболовства Международный суд ООН придерживался уже вынесенных аналогичных решений в том, что касается их международно-правовых последствий. Вместе с тем он предложил оригинальное международно-правовое обоснование своей позиции. В данном случае специальная договоренность в форме *pactum de negociando* между участвующими в переговорах государствами отсутствовала в каком бы то ни было виде. Это обстоятельство отнюдь не умалило значения обязанности содействовать разрешению спора на основе соглашения.

В своем решении от 25 июля 1974 г. Международный суд возложил на стороны обязанность вступить в переговоры по заключению соответствующего соглашения с целью урегулирования спора между ними. Суд установил таким образом принцип, согласно которому «обязательство вступить в переговоры вытекает из самой природы прав, присущих соответственно каждой из сторон»¹⁶⁵. Другими словами, здесь именно существо самого спора, как и в арбитражном решении по делу «Озеро Лану», было определяющим фактором при установлении международно-правовой линии поведения, которой стороны должны были придерживаться по отношению друг к другу. Аналогия с арбитражным решением касалась содержания обязательства. Так, Международный суд ООН в своем решении 1974 г. по делу о юрисдикции в области рыболовства посчитал, что задача обеих сторон должна состоять в следующем: «Вести их

¹⁶⁵ Ibid. 1974. P. 32, 201

взаимные переговоры в таком духе, чтобы каждая из сторон в силу принципа добросовестности принимала во внимание на разумной основе права другой стороны в районе водного пространства, омывающего Исландию за пределами 12-мильного лимита. Целью переговоров должно быть достижение справедливого разделения биологических ресурсов моря с учетом конкретных данных местной ситуации и с учетом интересов других государств, которые обладают в данном регионе уже установившимися правами»¹⁶⁶.

Касааясь вопроса о содержании обязанности участвующих в переговорах государств вести переговоры на основе принципа добросовестности, следует упомянуть арбитражное решение от 26 января 1972 г. по спору между ФРГ и Грецией. В этом деле арбитраж в следующих выражениях определил значение предварительной договоренности в форме *actum de negociando*, достигнутой между сторонами: «... две стороны должны предпринять усилия на основе принципа добросовестности с целью достижения специального соглашения, которое являлось бы взаимно удовлетворительным для всех сторон, даже при условии отказа от занимаемых до настоящего дня позиций, в которых отсутствует элемент гибкости... Согласие вступить и вести переговоры не предполагает в обязательном порядке... обязательство прийти к соглашению, а только подразумевает необходимость предпринять серьезные усилия с целью прийти к нему»¹⁶⁷.

Исследование международной судебной и арбитражной практики является важным элементом при определении характера воздействия принципа добросовестности на правоотношения сторон, участвующих в процессе заключения договора.

¹⁶⁶ Ibid. P. 33, 202

¹⁶⁷ Guyomar G. Op. cit. P. 535

Предварительная договоренность сторон в форме *pactum de negociando* вступить в переговоры с целью последующего заключения договора понимается в судебной практике именно в контексте применения принципа добросовестности. Так, предполагается, что переговоры, проводимые на основе принципа добросовестности, должны исключить возможность того, чтобы одно участвующее в переговорах государство, используя свои права произвольным образом, налагало вето на любое предложение или любое возражение, исходящее от другого участвующего в переговорах государства.

В конечном итоге обязанность участвующих в переговорах государств, как она проявляет себя в свете принципа добросовестности и совместных предварительных договоренностей вступить в переговоры с целью последующего достижения договора, представляется не просто необходимостью воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, а императивом предпринимать определенные положительные действия в перспективе заключения договора, приемлемого для всех сторон. Другими словами, из простой обязанности воздерживаться от определенных негативных действий, на участвующие в переговорах государства в свете принципа добросовестности и понятия *pactum de negociando* возлагается обязанность предпринимать на взаимосогласованной основе последовательные меры, которые бы способствовали успешному завершению процесса заключения международного договора. Таким образом, обязанность добросовестного поведения, возлагаемая на участвующие в переговорах государства на основе предварительной договоренности (*pactum de negociando*) выступает как обязанность придерживаться последовательной и конструктивной международно-правовой позиции, направленной

ной на устранение трудностей на пути заключения договора, в достижении которого стороны взаимно заинтересованы.

Сделанный вывод имеет значение для выяснения соотношения между правами и обязанностями участвующих в переговорах государств. Так, обязанность добросовестного поведения одного участвующего в переговорах государства при заключении договора не создает корреспондирующего права другого государства настаивать на том, чтобы соглашение было достигнуто, и соответственно утверждать, что его ожидания на этот счет были обмануты, если договор заключен не был. Право настаивать на заключении договора может возникнуть, как правило, лишь в случае, если между сторонами была достигнута предварительная договоренность о том, что участвующие в переговорах государства должны прийти к соглашению.

Исследование содержания возлагаемой на участвующие в переговорах государства обязанности добросовестного поведения в процессе заключения договора и содержания корреспондирующих этой обязанности прав ставит вопрос о том, на основе каких критериев следует оценивать степень соблюдения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей. Анализ международной судебной и арбитражной практики позволяет утверждать, что единственно реальным критерием оценки соблюдения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу служит поведение государств в ходе переговоров по его заключению.

Именно это, объективно проявляющее себя юридически значимое поведение государств, а не какое-либо субъективно понимаемое отсутствие обманных действий со стороны участвующего в переговорах государства, и выступает основным характеризующим элементом истинной их позиции в отношении

выполнения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей. (Под юридически значимым поведением здесь понимаются совокупные действия участвующих в переговорах государств, направленные на исполнение своей обязанности не лишать договор его объекта и цели до вступления договора в силу.) Оценивая эти действия с точки зрения международного права, можно судить о последовательности поведения участвующих в переговорах государств, разумности их предложений в плане достижения основной цели переговоров — заключения международного договора, призванного урегулировать определенную область из взаимоотношений.

В конечном итоге оценка добросовестности выполнения участвующими в переговорах государствами своих обязанностей в отношении соблюдения объекта и цели договора производится на основе того, насколько разумными представляются действия государств — участников международных переговоров. Если в конкретной обстановке международных переговоров поведение государства характеризовалось как неразумное по сравнению с тем, что в нормальном порядке можно было ожидать от ситуации такого типа, то тогда из этого можно заключить, что государство не вело переговоры на основе принципа добросовестности и соответственно не выполняло своей обязанности в качестве участвующего в переговорах государства.

Составление и принятие текста договора во временном плане — начальные стадии в процессе заключения международного договора. Успешное завершение дипломатических переговоров ставит перед участвующими в переговорах государствами задачу установления аутентичности текста и позволяет им перейти к следующей стадии заключения договора — его подписанию. Общим правилом здесь является положение, согласно которому всем государствам, принимавшим участие в составлении и

принятии текста договора, представляется право совершить акт его подписания. Участвовавшие в переговорах государства при этом вправе придать акту подписания окончательный характер или сделать его неокончательным под определенным условием (подписание *ad referendum*). В равной степени государства, принимавшие участие в составлении и принятии текста договора, вправе включить в него постановление, предусматривающее, во-первых, что акт подписания договора будет назначен на более позднюю дату или, во-вторых, что договор остается открытым для подписания в строго установленном месте без каких-либо ограничений во времени, либо до определенной даты.

В зависимости от намерения участвовавших в переговорах государств, зафиксированного в принятом тексте договора, акт подписания может служить способом выражения согласия государства на обязательность договора или быть совершен под условием последующей ратификации. Как свидетельствует анализ современной межгосударственной договорной практики, все большее число международных договоров заключаются путем акта подписания. Процедура подписания в этом плане выступает как завершающая стадия его заключения. Акт подписания как способ выражения согласия государства на обязательность договора может касаться как всего договора в целом, так и какой-то его части.

Так, в соответствии со ст. 17 Венской конвенции 1969 г. согласие государства на обязательность для него договора (в данном случае в форме акта подписания) может касаться определенной части договора, если это допускается самим договором или если с этим согласны другие государства. В том же случае, когда принятый текст договора предполагает, что акт подписания совершен под условием последующей его ратификации, возможность для участвовавшего в переговорах государства

совершить подписание договора представляет собой не способ выражения согласия на обязательность договора, а является предпоследней (перед ратификацией) стадией в процессе заключения международного договора. Однако даже и в этом случае акт подписания договора вызывает важные международно-правовые последствия, которые, будучи закреплены в ст. 18 Венской конвенции 1969 г., возлагают на участвующие в переговорах государства обязанность добросовестного поведения по соблюдению объекта и цели договора, исключая всякого рода действия, которые лишали бы смысла наиболее основополагающие постановления договора, ради которых он был подписан.

Международно-правовой основой для регулирования прав и обязанностей участвующих в переговорах государств в период от подписания договора до изъявления согласия на его обязательность является ст. 18 Венской конвенции 1969 г. и соответственно ст. 15 окончательного проекта статей по праву договоров Комиссии международного права от 1966 г. и ст. 17 проектов Комиссии от I 1962 и 1965 гг. Пункт «а» ст. 18 гласит, что государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не становиться участником этого договора.

Обязанность добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора, возлагаемая на подписавшие договор государства, носит реальный характер. Признаются противоправные любые действия участвующего в переговорах государства, которые были направлены на то, чтобы лишить договор его объекта и цели. В качестве примера можно привести следующую конкретную международную ситуацию.

Несколько государств подписали договор, который предполагал уменьшение на 50% на взаимной основе таможенных тарифов. Непосредственно перед актом ратификации одно из государств повысило вдвое таможенные тарифные ставки и тем самым поставило под сомнение выполнение объекта и цели договора, находящегося в стадии ратификации.

Международно-правовая норма, устанавливающая обязанность добросовестного поведения государств на протяжении всего процесса заключения договора и признающая отсюда неправомерными любые действия, которые лишали бы договор его объекта и цели, приобрела характер позитивной нормы международного права. Вступление Венской конвенции 1969 г. в силу подтверждает такой вывод. Поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что юридическая норма, возлагающая на подписавшее договор государство обязанность добросовестного поведения по отношению к соблюдению объекта и цели договора до вступления договора в силу, носит характер нормы *de lege lata*.

В этом плане несостоятельными с точки зрения современного международного права представляются теоретические утверждения юриста из ФРГ В. Морвея, который рассматривал обязанность подписавшего договор государства воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели в качестве нормы *de lege ferenda* и поэтому предлагавшего исключить соответствующий пункт, регулировавший данный вопрос, из ст. 15 окончательного проекта статей Комиссии международного права от 1966 г.¹⁶⁸

Акт подписания договора под условием ратификации, как уже отмечалось выше, вызывает важные международно-

¹⁶⁸ Morvay W. Op. cit. P. 458-461

правовые последствия как для самого подписавшего государства, так и для других государств, участвовавших наравне с ним в процессе заключения договора. Отсюда представляются необоснованными попытки некоторых зарубежных авторов свести международно-правовое значение акта подписания до уровня чисто формального акта (Ш. Руссо, А. Рейно, Ф. Деус, С. Бастид)¹⁶⁹ или рассматривать его исключительно как проявление воли продолжать процедуру выработки договора (П. Ретер)¹⁷⁰. Международный суд ООН в своем консультативном заключении по делу об оговорках к конвенции о геноциде от 28 мая 1951 г. посчитал, что акт подписания составляет собой первый этап в процессе участия в конвенции. Суд признал за государством, подписавшим международный договор, «переходный статус». В соответствии с этим статусом считается, что подписавшее договор государство находится в юридическом отношении в промежуточной ситуации между государством, которое не подписало договор, и государством, которое изъявило свое согласие на обязательность международного договора. Как следствие этого, согласно мнению Международного суда, подписавшее договор государство вправе выступить с возражениями против оговорок, сформулированных другими государствами¹⁷¹.

Международный суд ООН, исходя из конкретных обстоятельств дела, отметил только одну особенность юридических последствий акта подписания. Имеется в виду право участвую-

¹⁶⁹ Rousseau Ch. Op. cit. P. 171 — 172; Reynaud A. Op. cit. P. 75; Dehousse F. Op. cit. P. 67; Bastid S. Les traités dans la vie internationale. P., 1985. P. 39

¹⁷⁰ Reuter P. Introduction au droit des traités. P., 1972. P. 72

¹⁷¹ CIJ rec. 1951. P. 28

щего в переговорах государства выступить с возражениями против оговорок, сформулированных другим участвующим в переговорах государством. В общем плане акт подписания, будучи важным в международно-правовом отношении актом со стороны участвующего в переговорах государства, порождает в силу принципа добросовестности и другие строго определенные по своему содержанию юридические обязанности и корреспондирующие им права.

Каково же в своем конкретном проявлении юридическое значение и содержание обязанностей и прав участвующих в переговорах государств, которые подписали договор под условием последующей ратификации? Обратим внимание сначала на юридическое значение обязанности добросовестного поведения участвующего в переговорах государства в отношении объекта и цели подписанного им международного договора.

Обязанность добросовестного поведения участвующего в переговорах государства во временной промежуток между подписанием договора и изъяснением своего окончательного намерения стать или не стать его участником вписывается в рамки правового положения государства, находящегося в промежуточном юридическом статусе. Именно в этот временной промежуток участвующее в переговорах государство должно выразить ясно окончательным образом свое согласие на обязательность для него договора. Чаще всего это осуществляется через акт ратификации.

Государство остается свободным ратифицировать или не ратифицировать международный договор. В современном меж-

дународном праве отсутствует презумпция ратификации¹⁷². Начиная с прошлого века ратификация рассматривается как дискреционный акт¹⁷³.

Господствующая тенденция в современной договорно-право-вой практике свидетельствует о том, что общей предпосылкой вступления договора в силу в большинстве случаев следует считать не ратификацию, а подписание. Это утверждается, например, в исследовании шведского юриста Г. Бликса¹⁷⁴. Проведя сравнительный анализ Сборников договоров Лиги Наций и Сборников договоров ООН только за пять лет (1946 — 1951 гг.), Г. Бликсе констатировал, что в то время как 50% из всех договоров, зарегистрированных в Секретариате Лиги Наций, вступили в силу посредством акта ратификации, аналогичный показатель по договорам, зарегистрированным в Секретариате ООН, снизился до 25%. Налицо явная тенденция в пользу вступления договоров в силу сразу после подписания.

Отсутствие в современном международном праве презумпции ратификации договора исключает из круга обязанностей, участвующих в переговорах государств, которые подписали договор, обязанность представлять подписанный договор компетентным конституционным органам для последующей его ратификации. Соответствующее предложение, высказанное в 1953 г. Х. Лаутерпахтом в его проекте статей по праву договоров¹⁷⁵, справедливо не получило поддержки в Комиссии международного права при дальнейшем рассмотрении данного во-

¹⁷² Frankowska M. De la prétendue présomption en faveur de la ratification // RGDI, 1969. N 1. P. 62-88

¹⁷³ Cot J.-P. Op. cit. P. 150

¹⁷⁴ Blix H. The requirement of ratification // SYBIL, 1953. L., 1954. Vol. 30. P. 352

¹⁷⁵ YILC, 1953. N. Y., 1959. Vol. 2. P. 108

проса как не соответствующее действующей межгосударственной договорной практике. Логическим следствием этого стало решение комиссии изъять из окончательного проекта статей по праву договоров 1966 г. всякое упоминание о существовании общего правила в пользу презумпции ратификации. В ходе дебатов на Венской дипломатической конференции данное правило, как следует из постановлений ст. 141 Конвенции 1969 г., также не получило одобрения большинства государств.

В конечном итоге с учетом постановлений ст. 18 Венской конвенции 1969 г. можно сказать, что единственная обязанность, возложенная на основе принципа добросовестности на участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, состоит в том, чтобы во временной промежуток между актом подписания и выражением согласия на обязательность для него договора в форме акта ратификации оно воздерживалось от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Другими словами, д. «а» ст. 18 возлагает на участвующие в переговорах государства обязанность в силу принципа добросовестности воздерживаться непосредственно перед актом ратификации от любых действий, которые бы поставили под сомнение исполнение обязательства, принятого на основе акта подписания. Обязанность согласно ст. 18 конвенции, имеющая не только моральную, но и юридическую силу, запрещает любые действия, совершенные при полном игнорировании принципа добросовестности, посредством которых одно участвующее в переговорах государство стремится намеренным образом лишить другую сторону преимуществ, которые оно на вполне правомерной основе предполагало получить в результате применения договора и по этим соображениям пошло на соответствующие уступки.

Обязанности добросовестного поведения участвующего в переговорах государства в отношении соблюдения объекта и цели

договора, который оно подписало под условием ратификации, соответствует право другого участвующего в переговорах государства указывать на случаи совершения действий со стороны данного государства, которые могут лишить договор его объекта и цели.

Как определить юридическую природу этого права, если принять во внимание то обстоятельство, что договор официально еще не вступил в силу? Дело в том, что акт подписания договора придает государству специфический, хотя и ограниченный по сравнению с правовым положением участника договора правовой статус. Будучи государством, подписавшим договор, оно может вполне правомерно проявить заинтересованность в обеспечении того, чтобы другие подписавшие договор государства воздерживались от каких-либо действий, которые лишили бы договор его объекта и цели. Международной договорной практике известны случаи, когда одно государство, подписавшее договор, обращало внимание другого подписавшего договор государства посредством устного заявления или письменной дипломатической ноты на факты совершения действий, которые лишали подписанный договор его объекта и цели.

Право участвующего в переговорах государства, которое, подписало договор, проявлять заинтересованность в недопущении со стороны других подписавших договор государств действий, которые могли лишить договор его объекта и цели, существует параллельно с правом данного государства проявлять заинтересованность в соблюдении заключительных (процедурных) постановлений договора. Известно, что существует так называемая процедурная часть договора, в отношении которой предполагается заранее, что она вступает в силу раньше по времени, чем остальные его части. Постановления договора, регулирующие установление аутентичности его текста, выражение согласия государств на обязательность для них договора,

порядок или дату вступления договора в силу, оговорки, функции депозитария и прочие вопросы, неизбежно возникающие до вступления договора в силу, применяются с момента принятия текста договора (п. 4 ст. 24 Венской конвенции 1969 г.).

Тем самым во временном отношении, уже начиная с момента принятия текста договора участвующее в переговорах государство вправе проявлять заинтересованность, имеющую под собой конвенционную основу, в том, чтобы процедурные постановления договора строго исполнялись. И вплоть до момента вступления договора в силу данное государство обладает правом выступать с дипломатическими представлениями, обращенными к другим участвующим в переговорах государствам, в отношении того, что касается обеспечения соблюдения заключительной части договора.

Применительно к постановлениям заключительной части договора государство обладает соответствующим правом принимать участие в разрешении вопросов, касающихся определения условий, на которых данный договор будет открыт для подписания или присоединения со стороны других государств. В равной степени участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, вправе формулировать оговорку и параллельно с этим выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другими участвующими в переговорах государствами. Статья 19 Венской конвенции 1969 г. прямо предусматривает, что государство вправе формулировать оговорку, в частности и на стадии подписания договора, если она совместима с объектом и целями договора. В случае, когда то или иное подписавшее договор государство формулирует оговорку, которая несовместима с объектом и целями договора, данное участвующее в переговорах государство, которое подписало договор, вправе выступить с возражениями против тако-

го рода оговорок. В уже упоминавшемся выше консультативном заключении от 1951 г. по делу об оговорках к конвенции о геноциде Международный суд ООН признал право участвующего в переговорах государства, которое подписало договор, выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другими подписавшими договор государствами.

Если участвующее в переговорах государство совершило акт подписания под условием последующей ратификации, то акт подписания в этом плане представляет непосредственно предварительную стадию перед тем, как государство выразит посредством ратификации, принятия или утверждения свое согласие на обязательность для него договора. Соглашаясь на обязательность для него договора, участвующее в переговорах государство приобретает статус договаривающегося государства. Этот последующий в юридическом смысле статус государства в процессе заключения договора порождает для него в силу принципа добросовестности свои обязанности и свои специфические права.

Принцип добросовестности между подписанием и вступлением договора в силу. Обязанность добросовестного поведения государства, которое изъявило свое согласие на обязательность для него договора, занимает особое место среди обязанностей государств согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г. Во временном отношении действие данной обязанности охватывает промежуток времени, начиная с изъясления согласия на обязательность договора посредством подписания, ратификации, принятия или утверждения и заканчивается вступлением договора в силу. В связи с тем, что до вступления договора, в особенности многостороннего, в силу иногда проходит довольно много времени (а иногда он вообще не вступает в силу), необходимо установить временной предел для действия обязанности добросовестного поведения государства в отношении

объекта и цели договора. Поэтому п. «b» ст. 18 специально устанавливает, что обязанность такого рода действует «до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться».

Промежуток времени, в течение которого действует обязанность согласно п. «b» ст. 18, непосредственным образом предшествует вступлению договора в силу. С данного момента государство, принимавшее участие в процессе заключения договора, переходит из статуса договаривающегося государства в статус участника договора. Соответственно расширяется и круг возлагаемых на него обязанностей.

Обязанности добросовестного поведения договаривающегося государства в отношении соблюдения объекта и цели договора соответствует право другого договаривающегося государства обращаться с дипломатическими представлениями к тому договаривающемуся государству, чьи действия в нарушение принципа добросовестности могут лишить договор его объекта и цели. Это право вытекает из присущей всем договаривающимся государствам заинтересованности обеспечить соблюдение объекта и цели договора и в этом плане содействовать нормальному ходу вступления договора в силу.

Право проявлять заинтересованность такого порядка касается не только договаривающихся государств, но, как уже отмечалось выше, и участвующих в переговорах государств. Однако применительно к договаривающимся государствам такая заинтересованность близка к праву проявлять заинтересованность по отношению к соблюдению всего договора в целом, которая присуща участникам договора.

Подобное положение объясняется следующими причинами. Во-первых, факт изъясления договаривающимся государством своего согласия на обязательность для него договора прибли-

жает его в правовом плане к статусу участника договора, а это обстоятельство значительно повышает заинтересованность в соблюдении договорно-правового акта. Во-вторых, временной промежуток, в течении которого было выражено согласие на обязательность договора, непосредственно примыкает к вступлению договора в силу, а именно с этого момента начинает действовать право участников договора проявлять заинтересованность в обеспечении соблюдения всего договора в целом.

Договаривающиеся государства наравне с участвующими в переговорах государствами обладают правом формулировать оговорки, а также выступать с возражениями против оговорок, несовместимых с объектом и целями договора. Статья 19 Венской конвенции 1969 г. указывает, что государство может формулировать оговорки не только на стадии подписания, но и на стадии ратификации, принятия или утверждения договора, т. е. при изъятии своего согласия на обязательность для него договора. Обладая правом формулировать оговорки на стадии ратификации договора, договаривающееся государство вправе выступать с возражениями против оговорок, сформулированных другим договаривающимся государством, если они по своему содержанию несовместимы с объектом и целями договора. В этом проявляется еще одна особенность, присущая принципу добросовестности.

Формулирование оговорок, несовместимых с объектом и целями договора, соразмерно по своей противоправности с действиями, которые лишают договор его объекта и цели, поскольку те и другие действия в одинаковой мере подрывают основополагающие постановления конвенционного режима, предполагаемого на основе данного договора. Выступление против оговорок, которые несовместимы с объектом и целями договора, сопоставимо по предмету своей заинтересованности с дипломатическим представлением, указывающим на необходи-

мость ненарушения объекта и цели договора во временном промежутке, непосредственно предшествующем вступлению договора в силу. В том и другом случае основанием и побудительным мотивом действий государства, выступившего с такого рода демаршами, является принцип добросовестности и стремление обеспечить нормальный ход вступлению договора в силу.

Содержание обязанности по ст. 18 Венской конвенции 1969 г., возлагаемой на основе принципа добросовестности на участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства (воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели до вступления договора в силу), носит четкий и строго очерчиваемый характер. Формулировка этой обязанности отличается в значительной степени от формулировки, предложенной в окончательном проекте статей Комиссии международного права от 1966 г.

Государство согласно ст. 18 конвенции должно воздерживаться от действий, которые лишали бы договор, находящийся в стадии заключения, его объекта и цели, т. е. наиболее существенных постановлений, без которых применение договора было бы бессмысленным. Проект статей, выработанных Комиссией международного права в 1966 г., говорит об актах, которые могли бы уничтожить объект договора. Текст Венской конвенции 1969 г. в этом плане более точен и носит более охватывающий характер, чем проект статей.

Не умаляя работы Комиссии по выработке проекта статей по праву международных договоров, следует констатировать, что на Венской дипломатической конференции 1968 — 1969 гг. был сделан значительный шаг в плане редакционного оформления статьи, призванной зафиксировать обязанности, возлагаемые в силу принципа добросовестности, на участвующие в переговорах государства и договаривающиеся государства в от-

ношении соблюдения объекта и цели договора до вступления его в силу. Учитывая трудности толкования, которые могли бы возникнуть, было решено заменить выражение «воздерживаться от актов, которые могли бы уничтожить объект намечаемого договора» на более приемлемое в толковательном смысле выражение «воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели». Речь в данном случае идет о последствиях не только второстепенных, которые можно было бы вывести из какого-то определенного поведения, но и о прямо присваиваемых ¹⁷⁶ действиям государства.

Оценивая содержание обязанности, возлагаемой на участвующие в переговорах и договаривающиеся государства согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г., следует отметить ее внешне объективный характер. Принцип добросовестного поведения государства в отношении объекта и цели договора до вступления договора в силу устанавливается без каких-либо проявлений субъективных факторов со стороны государства. Важным с точки зрения оценки добросовестного характера выполнения участвующими в переговорах государствами и договаривающимися государствами своих обязанностей в отношении объекта и цели договора является определение того, насколько существует несоответствие между действиями государств и объектом и целью договора.

Поведение государств реализует себя вовне, как известно, в конкретных фактах. Соответственно если государство предпримет определенные действия, которые противоположны по своему со-

¹⁷⁶ О применении в современном международном праве термина присваивать государству определенное поведение, действие или бездействие см.: Ушаков Н. А. Основания международной ответственности государств. М., 1988. С. 47-60

держанию объекту и цели договора, то они могут быть вызваны только как следствие недобросовестного отношения государства к своим обязанностям по ст. 18 Венской конвенции. Международный суд или арбитраж, давая свое заключение по поводу того, насколько добросовестным образом государство выполняет свои обязанности в отношении объекта и цели договора до вступления его в силу, принимали во внимание объективные внешние факторы поведения в качестве признака выполнения принципа добросовестности. Отсюда понятие добросовестности как критерий законности действий, предпринятых участвующими в переговорах государствами и договаривающимися государствами, теряет первоначально ему свойственное субъективное начало для того, чтобы проявить себя в конечном итоге в качестве выражения принципа добросовестности, исключающего противоречивость в поведении и предполагающего логическую последовательность в выполнении обязанности государств не лишать договор его объекта и цели.

С целью сбалансировать общее содержание ст. 18 между объективным характером оценки поведения государств и субъективным началом принципа добросовестности, как критерия законности такого поведения, в тексте самой статьи, а не в комментарии к ней должно быть четкое упоминание о том, что обязанность соблюдать объект и цель договора вытекает именно из принципа добросовестности. Сохранение упоминания принципа добросовестности в тексте самой статьи (как это было во всех предыдущих проектах конвенции) вписывалось бы в общее русло повышения эффективности международного права, поскольку соединяло бы в себе позитивное начало права с моральными постулатами должного поведения.

Обязанность добросовестного поведения государств в отношении объекта и цели договора до вступления договора в

силу распространяется, согласно ст. 18 Венской конвенции 1969 г., в одинаковой мере как на участвующие в переговорах, так и на договаривающиеся государства.

Временной промежуток, охватываемый постановлениями ст. 18, включает, во-первых, период, в течение которого государство подписало договор под условием ратификации, принятия или утверждения (до тех пор, пока оно не выразило ясно своего намерения не стать участником этого договора), и, во-вторых, период, в течение которого государство изъявило согласие на обязательность для него договора и вплоть до вступления договора в силу.

Таким образом, ст. 18 покрывает собой практически весь временной промежуток, начиная со стадии подписания договора и вплоть до вступления его в силу. Действие данной статьи предполагает, что государство в этом промежутке времени должно придерживаться добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора. Изложенный в ст. 18 принцип сопоставим с принципом добросовестного выполнения уже действующего договора в том плане, что в обоих случаях государство должно придерживаться строго последовательного поведения в отношении определенных договорных постановлений. Различие здесь состоит в том, что в первом случае необходимость последовательного поведения касается соблюдения объекта и цели договора, а во втором — соблюдения всего договора в целом. В качестве причины, которая обусловила разную степень отношения государства в юридическом плане к такому международному документу, как договор, выступает то обстоятельство, что в одном случае договор пока еще не вступил в силу, а в другом — договор уже вступил в силу и является действующим юридическим актом.

Обязанность добросовестного поведения государства в отношении соблюдения объекта и цели договора до вступления догово-

вора в силу в соответствии с постановлениями Венской конвенции 1969 г. распространяется на период времени, начиная с акта подписания договора. Тем самым из-под действий ст. 18 выпадает промежуток времени, в течение которого государства вступили на основе соответствующей договоренности в переговоры, приняли участие в составлении и принятии текста договора.

Тот факт, что вне действия принципа добросовестного поведения государства в отношении соблюдения объекта и цели договора находятся стадии ведения переговоров с целью его заключения, а также стадии составления и принятия текста является, на наш взгляд, значительным упущением работы Венской конференции по праву международных договоров. Это тем более так, что во всех трех вариантах статей о правах и обязанностях участвующих в переговорах государств и договаривающихся государств, выработанных в рамках Комиссии международного права (ст. 17 предварительных проектов комиссии 1962 и 1965 гг. и ст. 15 окончательного Проекта комиссии 1966 г.) действие принципа добросовестного поведения государства в отношении соблюдения объекта и цели договора начиналось со стадии вступления в переговоры и покрывало собой стадии составления и принятия текста договора.

Принятую незначительным большинством голосов на Венской конференции поправку (согласно которой из-под действия принципа добросовестного поведения государств в отношении соблюдения объекта и цели договора были выведены стадии вступления в переговоры, проведения переговоров, стадии составления и принятия текста договора) нельзя не рассматривать как серьезный урон делу обеспечения взаимного доверия, поддержания устойчивости и уверенности в достижении приемлемого для всех сторон договора.

Распространение действия принципа добросовестного поведения государства на временной промежуток, включающий в себя стадии вступления и проведения переговоров по составлению и принятию текста договора, оказало бы положительное воздействие на все последующие стадии процесса заключения договора. Включение периода, охватывающего время проведения дипломатических переговоров по составлению и принятию текста договора, в сферу действия обязанности добросовестного поведения в отношении соблюдения объекта и цели договора позволило бы государствам, принимавшим участие в переговорах по составлению и принятию текста договора, проводить их, зная, что их усилия не будут сведены на нет без предварительного предупреждения.

Здесь не идет речь о каких-то «законных ожиданиях» сторон, принимавших участие в переговорах, о которых говорил французский юрист П. Ретер¹⁷⁷ в своем выступлении в Комиссии международного права на ее XVII сессии при обсуждении Проекта статьи о правах и обязанностях государств до вступления договора в силу, ибо они не имеют никакого правового основания. Вопрос состоит в необходимости соблюдения вполне конкретной и действующей нормы современного международного права — обязанности добросовестного поведения государств в отношении соблюдения объекта и цели договора. Эта норма начинает свое действие во временном плане с момента вступления в переговоры с целью последующего заключения договора и действует вплоть до момента вступления договора в силу.

Если государство на основе предварительной договоренности с другими государствами вступило в переговоры с целью заключе-

¹⁷⁷ YILC, 1965. N. Y., Vol. I. P. 95

ния договора, участвовало в его составлении, принятии, подписании и на протяжении всего этого периода не проявило в ясной форме намерений не стать участником договора, то оно призвано соблюдать объект и цель договора до вступления договора в силу и поэтому обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его существа — объекта и цели. Поэтому любые действия такого порядка, предпринятые с его стороны, будут представлять собой явное нарушение обязанности добросовестного поведения на стадии заключения международного договора.

Вступление договора в силу вводит в действие другое, более широкое по своему объему обязательство — обязательство по добросовестному выполнению всего договора в целом. Таким образом, на смену обязанности добросовестного поведения государств в отношении соблюдения объекта и цели договора по ст. 18 Венской конвенции 1969 г. приходит обязательство добросовестного выполнения действующего договора по ст. 26 конвенции. Тем самым оба изложенных здесь обязательства тесно взаимосвязаны. Эта взаимосвязанность проявляет себя не только в том, что на смену одному обязательству приходит другое обязательство, но и в необходимости соблюдения государствами на добросовестной основе последовательности в своем поведении как на стадии международного нормотворческого процесса, каким является весь процесс заключения договоров, так и на стадии правооуществительного процесса, каким является процесс соблюдения и применения договоров.

Цель здесь очевидна: поставить все процедуры, связанные с продвижением договорного процесса, в реалии международного политического взаимодействия в рамках господства права (Rule of Law).

ГЛАВА II

Выполнение международных договоров как вторая стадия пространственного применения международных договоров

С вступлением договора в силу принцип добросовестности (наряду с другими императивными принципами международного права) в порядке поддержания господства права в процессе договорно-правового общения продолжает выполнять свою роль. Совместно с такими принципами, как принципы лояльности, взаимности, равноправия сторон, недопустимости злоупотребления правом, разумности, *pacta sunt servanda*, принцип добросовестности регулирует все стадии исполнения международных договоров, в частности соблюдение и толкование договоров. Тем самым создаются предпосылки для прохождения процедуры выполнения международных договоров в режиме господства права (Rule of Law).

Процессу соблюдения договора посвящены, как известно, две статьи в Венской конвенции 1969 г. Первая касается нормы *pacta sunt servanda* (ст. 26), а вторая — соотношения внутреннего права и соблюдения международных договоров (ст. 27).

В отношении соблюдения внутреннего права в ходе заключения и выполнения договора принцип добросовестности предписывает, что государства не вправе ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения ими договора. Государства должны действовать в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой, т. е. не нарушать положений своего внутреннего права, касающихся компетенции по заключению договоров. Тем самым будут исключены предпосылки для последующей ссылки государства на то обстоятельство, что согласие на обязательность

для него договора было выражено в нарушение норм внутреннего права, которые касались компетенции по заключению договоров, как на основании недействительности согласия и оправдание для невыполнения им договора.

В процессе толкования договора принцип добросовестности предписывает, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора (ст. 31 Венской конвенции 1969 г.). Толкование должно осуществляться согласно не только букве договора, но и в соответствии с его духом. Предполагается, что толкование должно идти в глубь постановлений договора и содействовать наиболее полному исполнению конвенционных обязательств.

В конечном итоге толкование на основе принципа добросовестности должно содействовать тому, чтобы договор вызывал все те желаемые юридические последствия, на которые была первоначально направлена согласованная воля сторон. Вместе с тем принцип добросовестности привносит в процедуру толкования элемент стабильности, адаптируя содержащиеся в договоре обязательства к требованиям конкретной ситуации и в результате содействуя применению договорных постановлений в наиболее справедливой форме. Принцип добросовестности в процессе толкования международного договора исключает иерархию среди процедурных правил толкования, поскольку установление заранее в жесткой форме определенных методов толкования текста договора затрудняет выявление истинных намерений сторон. Гибкость, взаимодополняемость и уравновешенность методов толкования наиболее адекватно отражает суть применения принципа добросовестности в процессе толкования.

Принцип добросовестности и соблюдение международного договора. Договор является результатом согласованного воле-

изъявления государств. Он в равной степени обязывает все государства-участники. Требование выполнения договора в его целостности на основе принципа добросовестности распространяется как на государство, которое вправе ожидать соответствующего поведения со стороны другого государства, так на государство, которое в силу имеющихся международных обязательств должно само предпринимать необходимые действия. Если в отношении первого государства существует обязательство не выходить в своих претензиях за рамки неукоснительного соблюдения договорных постановлений, то в отношении второго государства существует обязательство строгого, лояльного выполнения договорных постановлений как на основе права, так и на основе факта.

В курсе по международному публичному праву французского юриста профессора М. Сибера в отношении обязательства государств по добросовестному выполнению договорных постановлений применительно к конкретной ситуации сказано: «Будучи возложено на одно государство, оно обязывает его требовать от другого государства только то, что является строго совместимым с договором. Будучи возложено на второе, оно предписывает необходимость выполнять лояльно, без хитрости и обмана, все то, что это государство обязалось делать»¹⁷⁸.

Международный договор создает такое соотношение прав и обязательств сторон, при котором обязательствам одного государства противостоят корреспондирующие им права другой стороны. Роль принципа добросовестности в сочетании с нормой *pacta sunt servanda* здесь состоит в том, чтобы обеспечить соотношение взаимных прав и обязательств, при котором не

¹⁷⁸ Sibert M. Traité de droit international public. P., 1951. T. 2. P. 268

имело бы место использование одной стороной своих прав за счет прав другой стороны или неполное соблюдение одной из сторон своих обязательств по договору. Принцип добросовестности помогает поддерживать такой баланс прав и обязательств, при котором всем сторонам договора было бы обеспечено получение прав и преимуществ, вытекающих из факта их участия в данном договоре.

Положения договора должны пониматься в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора. Термины договора, предмет договора, а также весь круг затронутых в нем проблем должны пониматься в том смысле и виде, в каком они понимались всеми участниками договора в момент его заключения. Поэтому принцип добросовестности запрещает какой-либо из сторон договора придавать терминам договора, предмету договора иной смысл, нежели тот, который был вложен в них всеми участниками договора, и тем самым использовать это обстоятельство с целью получения односторонних преимуществ, идущих вразрез с достигнутыми между сторонами договоренностями и с общим духом договора.

Общепризнанным юридическим правилом обязательности международного договора является, как известно, норма *pacta sunt servanda*. Статья 26 Венской конвенции 1969 г. устанавливает: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». Изложенное здесь правило предполагает, что норма *pacta sunt servanda* применяется именно по отношению к договорам, действующим и действительным, т. е. правомерным с точки зрения международного права. Слово «действующий» охватывает собой как договор, который подлежит временному применению (ст. 25), так и договор, вступивший в силу окончательно (ст. 24).

В комментарии к ст. 23 окончательного проекта конвенции, принятом Комиссией международного права ООН в 1966 г. (впоследствии она без каких либо изменений воспроизведена в тексте Венской конвенции в качестве ст. 26), отмечается, что «принцип добросовестности является юридическим принципом, который представляет собой интегральную часть нормы *pacta sunt servanda*»¹⁷⁹. Иными словами, обязательное выполнение договора на основе нормы *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности должно исходить как из буквы, так и из духа самого соглашения. Принцип добросовестности играет здесь дополняющую роль применительно к норме *pacta sunt servanda*, являясь наряду с принципами паритета (равенства) и эффективности одной из трех составляющих ее частей.

Поскольку это представляется важным для всего последующего анализа обязанности добросовестного выполнения договорных обязательств, рассмотрим вопрос о том, какую же роль играет принцип добросовестности применительно к норме *pacta sunt servanda*.

Значение принципа добросовестности применительно к норме *pacta sunt servanda* повышается ввиду того, что международное право в отличие от внутригосударственного права не имеет специального органа, который бы обеспечивал в принудительном порядке выполнение принятых договорных обязательств. В международном праве функции обеспечения выполнения договоров на основе принципа добросовестности осуществляются самими государствами. В конечном итоге эффективность всего международного права зависит от последовательного и добросовестного выполнения государствами

¹⁷⁹ YILC, 1966. N. Y., 1967, Vol. 2. P. 211

договоров, поскольку они наряду с односторонними юридическими актами представляют собой правовую основу всего здания международного сотрудничества.

Подтверждением того, что принцип добросовестности является принципом права международных договоров, регулирующим все стадии активного существования договора, может служить то значение, которое ему придается в положениях Венской конвенции 1969 г., касающихся обмана и подкупа как основания признания недействительности согласия государства на обязательность для него договора (ст. 49, 50) ; в постановлениях конвенции, относящихся к обязанности государств воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели до вступления договора в силу (ст. 18) ; в постановлениях конвенции, регулирующих вопрос о внутреннем праве государства при заключении международного договора (ст. 46) ; в тех постановлениях конвенции, которые предусматривают последствия недействительности договора, его прекращения (ст. 69 и 71).

Вторая составная часть нормы *pacta sunt servanda* наряду с принципом добросовестности — принцип паритета (равенства) государств. Применительно к норме *pacta sunt servanda* он означает, что при выполнении договора все государства находятся в равном положении в отношении прав и обязанностей: никто из участников договора, во-первых, не вправе требовать от другого участника больше того, что записано в договоре, и, во-вторых, не должен искать иных преимуществ, чем те, которые полагаются в обычном порядке для всех участников договора. Принцип паритета (равенства) государств в рамках нормы *pacta sunt servanda* проявляет себя также в том, что постановления договора касаются только его участников. Общим правилом здесь служит положение,

согласно которому договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (ст. 34).

Принцип паритета (равенства) государств логически вытекает из присущего им суверенитета и независимости. Он лежит в основе таких важных норм права международных договоров, как свобода выражения согласия государств на обязательность для него договора; выступает определяющим фактором при признании недействительности договора и установлении основания недействительности выраженного государством согласия на обязательность для него договора. Принцип паритета (равенства) закрепляет юридическое равенство всех государств применительно к обязанности должного (в соответствии с принципом добросовестности) выполнения всех обязательств по договору в их совокупности, без каких-либо незаконных преимуществ в пользу того или иного из его участников.

Третьей составляющей частью нормы *pacta sunt servanda* выступает принцип эффективности. Норма *pacta sunt servanda* в отношении определенного международного договора имеет свою значимость в юридическом плане только в отношении сторон — участников этого договора. В этом смысле последовательное претворение в жизнь всех постановлений договора на основе принципа добросовестности и паритета зависит от взаимосогласованного намерения, которое обеспечивает реализацию должного поведения сторон. Именно конкретное исполнение обязательств по договору в той мере, в какой оно реально отражает в себе совместное намерение сторон и составляет собой прямой источник действующих между государствами юридических норм, обеспечивает эффективность нормы *pacta sunt servanda*.

В той мере, в какой обязательство по договору характеризуется своей неэффективностью, поскольку не выполняется в целом или частично, конвенционные нормы, которые представ-

ляют собой содержание договора, прекращают свое существование параллельно с прекращением действия самого договора, а сторона, претерпевшая ущерб в результате противоправного поведения другой стороны, вправе поставить вопрос о международной ответственности за совершенные незаконные действия стороны — нарушителя обязанности добросовестного выполнения договорных обязательств. Возможность применения по отношению к такому государству санкций, обычно предусматриваемых на этот счет международным правом, может послужить побудительным мотивом для корректировки этим государством своего поведения в направлении последовательного соблюдения нормы *pacta sunt servanda*, как этого требует принцип эффективности.

Всёобщее осознание необходимости добросовестного выполнения обязательств по договору содействует действенности международно-правового механизма.

Важную роль в деле установления универсального понимания значимости обязательства выполнения договорных постановлений исключительно на основе принципа добросовестности сыграла практика международных судебных органов. В деле о правах граждан США в Марокко Международный суд был призван разрешить спор между США и Францией относительно толкования ст. 95 и 96 Альхесирасского генерального акта, касавшихся оценки импортируемых товаров, проходящих через таможенную. В решении по данному делу от 27 августа 1952 г. суд заключил: «Правомочие осуществлять оценку принадлежит таможенным властям, однако это правомочие должно осуществляться разумно и на основе принципа добросовестности»¹⁸⁰.

¹⁸⁰ CIJ rec. 1952. P. 212

Постоянная палата международного правосудия, применяя в процессе судебного разбирательства договорные положения, запрещавшие дискриминацию национальных меньшинств, записала в ряде своих постановлений (консультативные заключения от 4 февраля 1932 г. и от 6 апреля 1935 г.)¹⁸¹, что соответствующие договорные положения должны применяться таким образом, чтобы обеспечить отсутствие дискриминации как в отношении факта, так и в отношении права. Другими словами, запрещается обходить обязательства посредством формального применения договорных постановлений.

В практике международных арбитражных органов также можно найти значительное количество прецедентов, где было зафиксировано положение, согласно которому принцип добросовестности, входя в качестве составной части в норму *sunt servanda*, предусматривает необходимость выполнения принятых государствами договорных обязательств не только в чисто формально-юридическом плане (согласно букве договора), но и фактически (согласно духу договора).

В качестве одного из примеров можно привести решение международного арбитража, вынесенное в 1910 г. по спору между США и Англией о рыболовстве в Северной Атлантике. В этом деле арбитраж, оценивая правомочия Англии регулировать лов рыбы в районе, где она, согласно договору 1818 г., предоставила определенные права по лову рыбы гражданам США, заявил, что «из договора вытекает обязательство, согласно которому общее правомочие Англии осуществлять свое право на суверенитет посредством издания регламентирующих правил (по лову рыбы. — *P. K.*) ограничивается изданием таких регламентирующих правил,

¹⁸¹ PCIJ sér. A/B. N 44. P. 28; PCIJ sér. A/B. N 64. P. 19, 20

которые сделаны, исходя из принципа добросовестности, а не в нарушение договора». При вынесении решения арбитраж прямо сослался на существование «принципа международного права, согласно которому договорные обязательства должны выполняться исключительно на основе принципа добросовестности»¹⁸².

Международный договор, будучи результатом согласованного волеизъявления государств, предполагает, что все его постановления будут в точности, последовательно и неукоснительно исполняться, что является первым и наиболее общим требованием добросовестности в области права договоров. Точность предполагает, что договор подлежит исполнению с учетом обычного значения, которое следует придавать его терминам в контексте, а также в свете объекта и цели договора. Точность здесь понимается в смысле четких, объективно проявляющих себя вовне действий государства по неукоснительному выполнению договорных положений без попыток их искажения и создания незаконных преимуществ для одного государства и дополнительного бремени для другого. Изложенный здесь тезис носит логически законченный характер. В тех или иных вариациях его можно найти в работах отечественных и зарубежных ученых¹⁸³.

В частности, в работе А. Н. Талалаева отмечено: «Применительно к международным договорам добросовестное их выполнение означает точное выполнение договора в отношении его цели, содержания, сроков, качества, места исполнения, чтобы то, что

¹⁸² RSA. Nations Unies. N. Y., 1962. Vol. 11. P. 188.

¹⁸³ См.: Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 105; Тиунов О. И. Принцип соблюдения международных обязательств. М., 1979. С. 81; Cheng B. General principles of law as applied by international courts and tribunals. L., 1953. P. 112-119; Zoller E. Op. cit. P. 78-82, 84-90

предусмотрено в договоре, в действительности было выполнено. Это и будет надлежащим исполнением договора»¹⁸⁴.

Точность является не единственным аспектом добросовестного соблюдения договора. В силу существующей тесной взаимозависимости прав и обязательств участников международного договора важное значение в смысле осуществления договора на основе принципа добросовестности приобретает необходимость точного определения границ пользования правами по договору. Это обстоятельство существенно в аспекте недопустимости злоупотребления правом при реализации сторонами своих обязательств по договору¹⁸⁵. Дело в том, что при выполнении договора следует установить границу, когда законное и правомерное использование права (по договору) превращается в злоупотребление этим правом. Определению границы между правомерным использованием прав и точным исполнением принятых государством договорных обязательств, с одной стороны, и злоупотреблением правом, — с другой, служит принцип добросовестности, а также цель договора, поскольку она характеризует то, на что направлено согласованное волеизъявление сторон международно-правового акта. Принцип добросовестности здесь определяет должный уровень юридически значимого поведения государств при выполнении договорных обязательств, а цель договора служит задаче согласования действий государств по

¹⁸⁴ Талалаев А. Н. Указ. соч. С. 105

¹⁸⁵ Подробнее по данному вопросу см.: Дмитриева Г. К. Становление принципа недопустимости злоупотребления правом в международном праве // Сов. ежегодник международного права, 1987. М., 1988. С. 102 — 121; Politis N. Le problème des limitations de la souveraineté et la théorie de l'abus du droit // RCADI. 1925-1. La Haye, 1926. T. 6. P. 5—121; Kiss A. C. L'abus du droit en droit international public. P., 1953; Rousseau Ch. Droit international public. P. 1970. T. 1. P. 382-384; Cheng B. Op. cit. P. 123-129; Zoller E. Op. cit. P. 81, 104-105

исполнению договора и зафиксированных в договоре взаимосогласованных намерений сторон.

Подтверждением важности принципа добросовестности при установлении пределов использования права, точного соблюдения договорных обязательств в аспекте недопустимости злоупотребления правом могут служить постановления ст. 300 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. под названием «Добросовестность и незлоупотребление правом». В этой статье, устанавливающей связь между правами и обязательствами государств, с одной стороны, и принципом добросовестности и незлоупотребления правом — с другой, сказано следующее: «Государства-участники добросовестно выполняют принятые на себя по настоящей Конвенции обязательства и осуществляют права и юрисдикцию и пользуются свободами, признанными в настоящей Конвенции, таким образом, чтобы не допускать злоупотребление правом»¹⁸⁶.

Это конвенционное постановление определяет в общем плане, каким критериям должно отвечать поведение государств в процессе выполнения международных обязательств по договору. На примере прав и правомочий государств в отношении прилегающей зоны и континентального шельфа можно показать, когда действия государств являются правомерными, поскольку соответствуют заложенной в международно-правовом акте цели договора, а когда действия государств характеризуются как злоупотребление правом, поскольку выходят за рамки установленной цели договора.

Так, правомочия, осуществляемые государствами в отношении прилегающей зоны, могут осуществляться только с целью

¹⁸⁶ ООН. Официальный текст Конвенции ООН по морскому праву. Нью-Йорк, 1984. С. 153

«предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных законов и правил» и «наказания за нарушение вышеупомянутых законов и правил, совершенное в пределах его территории или территориального моря» (ст. 33 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Всякое использование этого правомочия с другой целью и в прямое нарушение принципа добросовестности будет составлять собой злоупотребление правом. То же самое можно сказать и об использовании суверенных прав прибрежного государства на континентальном шельфе с другой целью, нежели разведка и разработка его природных ресурсов (ст. 77 Конвенции 1982 г.).

Когда государство заключает международный договор и принимает на себя соответствующие договорные обязательства, принцип добросовестности, призванный регулировать сферу договорных взаимоотношений государств, налагает определенные ограничения на весь комплекс прав государств по договору, предписывая необходимость соизмерять использование своих прав с добросовестным исполнением принятых обязательств.

Можно ли рассматривать эти ограничения прав государств при принятии на себя договорных обязательств как прямое ограничение государственного суверенитета или их следует расценивать как естественное следствие факта заключения договора. По нашему твердому убеждению, пределы, устанавливаемые при принятии договорных обязательств, выступают логическим следствием нормы *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности.

Заключая международный договор, государство заранее проявляет свое волеизъявление принять, строго и добросовестно выполнять все предписания договора. При этом оно обязывается использовать свои права по договору не произвольно (формально действия государства могут не выходить за рамки договора), а исключительно так, чтобы не затрагивать законные

и охраняемые международным договором права другого участника и тем самым не нарушать принятые договорные обязательства. Принятие обязательств по договору можно охарактеризовать как ограничение использовать суверенитет государства произвольным образом, что подразумевает запрещение недобросовестного использования прав в нарушение обязательств, возлагаемых по договору.

Изложенное здесь понимание процесса принятия договорных обязательств подтверждается на основе международной судебной и арбитражной практики. В качестве примера может служить уже упоминавшееся решение Постоянной палаты третейского суда от 7 сентября 1910 г. по делу о рыболовстве в Северной Атлантике. Фактические обстоятельства дела таковы. На основе подписанного в Лондоне 20 октября 1818 г. договора между США и Великобританией английское правительство предоставило американским гражданам на равноправной основе со своими подданными права на лов рыбы в ряде райнов ее территориальных вод. Обладая суверенными правами над этими районами, Англия могла осуществлять законные функции по изданию актов с целью защиты и сохранения рыбных ресурсов в собственных территориальных водах. Суд, признав за Англией право осуществлять соответствующие законодательные функции по защите и охране рыбных ресурсов, в своем решении установил, что издающиеся на этот счет регламенты должны быть сделаны на основе принципа добросовестности и не должны идти в нарушение договора. В качестве критериев добросовестного соблюдения государством своих договорных обязательств (в данном случае обязательств Англии по изданию регламентов с целью охраны и защиты рыбных ресурсов) суд привел такие понятия, как поддержание публичного порядка, справедливость, равноправное положение сторон при пользова-

нии правами по договору, недопустимость получения односторонних преимуществ, разумность¹⁸⁷.

На основании обязательств по договору ограничению на основе принципа добросовестности подвергся весь комплекс суверенных прав Великобритании, в той или иной мере затронутых постановлениями договора. Ограничению подверглось прежде всего право устанавливать регламенты, которые касались самого предмета договора — лова рыбы. Отныне Великобритания могла издавать только такие регламенты, которые касались необходимости охраны и защиты рыбных ресурсов и не вмешивались без особой на то надобности в сферу лова рыбы. Всякое произвольное вмешательство непосредственно в область рыболовства не допускалось. Ограничено было право Великобритании устанавливать запрет на лов рыбы в некоторых частях ее территориальных вод иностранными гражданами. Отныне граждане США наравне с подданными Великобритании могли осуществлять лов рыбы в указанных в договоре определенных районах территориальных вод Великобритании.

Суд в своем решении так определил линию, дальше которой пользование суверенными правами недопустимо и незаконно: «...линия, посредством которой соответствующие права обеих сторон, вытекающие из договора, могут быть разграничены, определяется только правом, предоставленным договором». И далее: «Линия, о которой идет речь, устанавливается согласно принципу международного права, предполагающему, что договорные обязательства должны выполняться в точности на основе принципа добросовестности, исключая тем самым право издавать законодательные акты, касающиеся предмета

¹⁸⁷ The Hague Court reports. N. Y., 1916. Vol. 1. P. 141, 169, 171; PGDIP. 1912. N 2. P. 459, 464, 504

договора, *произвольно и ограничивая использование, суверенитета государства* (курсив наш.— Р. К.), связанного договором, в том, что касается предмета договора, изданием таких актов, которые бы находились в соответствии с договором»¹⁸⁸.

Анализ международной судебной и арбитражной практики по вопросу о месте принципа добросовестности при выполнении государством своих договорных обязательств свидетельствует в пользу существования тесной взаимосвязи между правами государств и договорными обязательствами, принятыми ими на основе свободного волеизъявления. Значительный научный интерес в этом плане представляет решение Постоянной палаты международного правосудия от 25 мая 1926 г.¹⁸⁹ Здесь, как и в деле о рыболовстве в Северной Атлантике, суд четко указал на тесную взаимосвязь между правами государства и его обязательствами, принятыми ими по международному договору.

Для того чтобы ответить на вопрос, было ли использовано право при соблюдении принципа добросовестности или в его нарушение, суд должен оценить поведение государства в целом и вынести решение по поводу того, имело ли место использование права со стороны данного государства — участника международного договора во исполнение предусматриваемого этим правом законного интереса или же (с учетом возложенных на него договорных обязательств) осуществление права было направлено и имело своим непосредственным следствием нанесение ущерба правам и охраняемым законным интересам другого участника договора. В качестве критерия оценки того, насколько добросовестно государство выполняет свои договорные обязательства, служит объективно проявляющее себя вовне поведение

¹⁸⁸ The Hague Court reports. Vol. 1. P. 169

¹⁸⁹ CPJl sér. A. N 7. P. 30

государства вплоть до критической даты, когда государство в связи с обращением в суд изменило свою позицию к лучшему. Под критической датой в науке международного права понимается тот момент времени, после которого любые действия сторон, направленные на изменение и соответственно на улучшение своей позиции, уже не могут повлиять на их позиции в споре ¹⁹⁰.

В случае, если суд определит, что государство не относилось к выполнению своих договорных обязательств на основе принципа добросовестности, злоупотребляло правами, предоставленными ему по договору, он может вынести решение о применении к данному государству санкций, обычно предусматриваемых международным правом, и предписать необходимость добросовестно подходить к выполнению обязательств по договору, уважать права и законные интересы других его участников.

Принцип добросовестности, будучи обычно-правовым по своему характеру, уже сам по себе предполагает уважение в процессе международного общения прав и законных интересов всех государств, строгое исполнение возлагаемых на них обязанностей в силу членства в международном сообществе, незлоупотребление правами, предоставленными по международному праву. Вступление в договорные отношения возлагает на государства дополнительные обязанности, диктуемые необходимостью выполнения всех постановлений договора исключительно на основе принципа добросовестности. Эти обязанности определяются с учетом объекта и цели договора, его текста и общего духа договора.

¹⁹⁰ Клименко Б. М. Государственная территория: Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 155; Bastid S. Territorial problems in jurisprudence of the ICJ // RCADI. 1962-3. La Haye, 1963. T. 107. P. 446; Jennings R. The acquisition of territory in international law. Manchester, 1963. P. 31-35

Волеизъявление государства принять на себя соответствующие договорные обязательства устанавливает определенного рода ограничения на те права, исполнение которых в той или иной мере затрагивает область международных отношений, покрываемую обязательствами по договору. Общее требование, существующее в международном обычном праве, в отношении пользования правами исключительно на основе принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом означает, что любое право государства, предоставленное ему согласно обычному международному праву, в рамках договорных взаимоотношений претерпевает эволюцию в направлении разумного исполнения в свете объекта и цели договора, его текста и общего духа.

Предоставляемое по договору право не может быть осуществлено произвольно, по желанию. Пользование правом на основе принципов добросовестности и разумности в рамках участия государства в международном договоре означает реализацию права для обеспечения достижения цели этого права. Поскольку договор представляет собой согласованный документ, в котором права всех сторон защищены в равной степени, постольку ни один из его участников не должен предпринимать действий, могущих повлечь за собой получение им дополнительных преимуществ за счет прав другого участника и в нарушение принятых на себя договорных обязательств.

Можно сказать, что добросовестным и разумным осуществлением права считается такое, которое целиком и полностью соответствует обязательствам по договору. А использование права, которое повлекло за собой получение односторонних преимуществ за счет нанесения ущерба охраняемым по договору правам и законным интересам других его участников, признается согласно международному праву как несоответствующее добросовестному и разумному выполнению обязательств по договору, как его

нарушение. Это неминуемо влечет за собой установление соответствующих санкций, в обычном порядке предусматриваемых международным правом в отношении государств, нарушивших подобным образом международный договор.

Итак, принцип добросовестности, с одной стороны, устанавливает взаимозависимость между правами государства и его обязательствами по договору, а с другой — предусматривает санкции за несоблюдение указанного принципа. Тем самым принцип добросовестности устанавливает цельную модель поведения государства — участника международного договора и ответственности за нарушение такого поведения. Принцип добросовестности здесь выступает как фактор, уравнивающий противостоящие, но вместе с тем взаимосогласующиеся законные интересы сторон договора, обеспечиваемые особым соотношением их прав и обязательств, как фактор, устанавливающий такую направленность в сфере осуществления и пользования правами, которая в максимальной степени соответствовала бы сущности принятых договорных обязательств.

Международное право, предусматривая возможность наступления санкций в отношении государства, не выполняющего свои договорные обязательства на основе принципа добросовестности, направляет участников договора на путь добросовестного и разумного соблюдения всех его постановлений.

Поскольку намерение сторон — участников международного договора в момент его заключения состоит в том, чтобы обеспечить в реальности добросовестное выполнение договорных обязательств как в том, что касается его буквы, так и в том, что касается духа договора, постольку любые случаи наличия в договоре ошибок или обнаружения несовпадения между различными текстами договора не должны использоваться каким-либо из участников договора для получения незаконных преимущ-

ществ. Изложенная здесь особенность принципа добросовестности носит общепризнанный характер и подтверждается на основе судебно-арбитражной практики.

В качестве примера может служить консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия по делу Европейской комиссии по Дунаю и решение Постоянной палаты третейского суда от 25 июня 1914 г. по делу об острове Тимор ¹⁹¹. Принцип добросовестности в этой части помимо общего требования о недопустимости получения незаконных преимуществ как следствие неточного выражения, ошибочного описания фактов и событий, просто ошибки (не носящей такого характера, чтобы быть основанием недействительности согласия государства на обязательность для него данного договора) предполагает необходимость с общего согласия подписавших договор государств и договаривающихся государств внести соответствующие исправления в текст договора. Тем самым государства подтверждают свое первоначальное намерение обеспечить выполнение международного договора на основе принципа добросовестности.

Как свидетельствует анализ международной договорной практики, нельзя полностью исключать возможность нахождения ошибки в текстах или в заверенных копиях договоров. Ошибка может быть следствием издательской деятельности, неправильного описания факта или неправильного заявления, вызванными недопониманием. Соответственно, если после установления аутентичности текста договора подписавшие его государства и договаривающиеся государства констатируют с общего согласия, что в нем содержится ошибка, то вполне логичным шагом со стороны этих государств явилось бы принятие мер

¹⁹¹ PCIJ sér. B. N 14. P. 31-32; The Hague Court reports. Vol. 1. P. 354

с целью ее исправления. В том же случае, когда обнаруженная ошибка относится не к формулировке текста договора, а представляет собой существенную основу для согласия государства на обязательность для него договора, то вся проблема уже больше не будет просто исправлением ошибки в тексте, а становится проблемой, подпадающей под действие ст. 48 Венской конвенции 1969 г. (где говорится, что государство вправе ссылаться на ошибку в договоре как на основание недействительности его согласия на обязательность для него договора).

В данном месте работы рассматривается случай, когда между государствами существует общее согласие по поводу содержащейся в текстах договоров ошибки, а сама ошибка относится существенно к формулировке текста договора. На этот счет в Венской конвенции 1969 г. предусмотрена специальная ст. 79. И хотя она непосредственно не упоминает принцип добросовестности, именно этот принцип запрещает не только использование ошибки в текстах или в заверенных копиях договоров с целью получения незаконных преимуществ, но и устанавливает собой обязанность предпринять соответствующие меры с целью исправления ошибок в текстах или в заверенных копиях договоров.

Международное право предусматривает полную свободу в отношении самих методов осуществления процедуры исправления. Правила по исправлению ошибок в текстах или в заверенных копиях договоров, зафиксированные в п. 1 ст. 79, носят дополняющий характер, и их цель состоит в том, чтобы указать целесообразный метод поведения в случае обнаружения ошибок в тексте. Положения п. 1 ст. 79 предусматривают, что текст должен быть исправлен посредством одного из обычных способов. Наиболее распространенными являются способы, зафиксированные в п. «а» и «б» этой статьи. Соответственно если после установления аутентичности текста договора подписавшие его

государства и договаривающиеся государства констатируют с общего согласия, что в нем содержится ошибка, то эта ошибка, если они не придут к решению применить иной способ, исправляется путем: а) внесения соответствующего исправления в текст и парафирования этого исправления надлежащим образом уполномоченными представителями; б) составления документа с изложением исправления, которое согласились внести, или обмена такими документами. И только в особых случаях может быть выбран способ, изложенный п. 1 «с» ст. 79, который предусматривает, что исправление ошибок в текстах или в заверенных копиях договоров может осуществляться путем составления исправленного текста всего договора в том же порядке, как и при оформлении подлинного текста.

Принцип добросовестности, предписывая необходимость общего порядка в отношении подписавших договор государств и договаривающихся государств по исправлению ошибок в текстах или заверенных копиях договоров, распространяет свое положительное воздействие и на такой более частный случай, как обнаружение несовпадения между различными текстами договора, составленного на нескольких языках. Здесь действия государств регулируются п. 3 ст. 79 Венской конвенции 1969 г. Так, сразу же после обнаружения несовпадения между текстами договора, составленного на нескольких языках, подписавшие договор государства и договаривающиеся государства должны предпринять действия на основе принципа добросовестности по исправлению допущенного несовпадения между текстами.

Исключая произвольность, неразумность, противоречивость из поведения государств, принцип добросовестности служит в качестве фактора, определяющего, насколько государство в процессе выполнения договорных обязательств придерживалось правового содержания заключенного договора. Тем самым можно го-

ворить о том, что принцип добросовестности выполняет важную регулятивную функцию, с одной стороны, содействуя взаимосогласованию прав и обязанностей государств — участников международных договорных отношений и таким путем устраняя какие-либо недоразумения и конфликты, возникающие на этой почве, а с другой — играя роль определенного эталона соблюдения на должном уровне принятых на себя на основе принципа свободного согласия договорных обязательств.

Совместно с общепризнанным принципом согласия принцип добросовестности предопределяет возникновение договора и всю последующую его «жизнь». При этом оба принципа тесно взаимодействуют между собой и дополняют друг друга. Если принцип согласия лежит в основе принятия государствами договорных обязательств и зарождения нового международно-правового акта, то принцип добросовестности устанавливает критерий его должного выполнения. Без этих двух принципов невозможно функционирование всего договорно-правового процесса.

Поскольку принцип добросовестности запрещает в поведении государств обход международного обязательства, как оно установлено на основе общего согласия сторон в момент заключения договора, возникает вопрос, может ли выполнение договорных обязательств строго согласно их текстуальному содержанию, но без должного учета требований принципа добросовестности (соблюдать не только букву, но и дух соглашения) рассматриваться как приемлемое с международно-правовой точки зрения и может ли такое вообще иметь место в практике ¹⁹².

¹⁹² На возможность появления отдельных случаев такого порядка в договорной практике государств указывает, например, английский юрист А. Макнейр. См.: MacNair A. The law of treaties. Oxford, 1961. P. 540

Как свидетельствует анализ решений международных судебных и арбитражных органов, практике межгосударственного общения известны случаи, когда то или иное государство — участник определенных договорных взаимоотношений с другим государством, формально соблюдая текст договора, на деле предпринимало попытки обойти договор, тем самым игнорируя само существо договорных обязательств. Международный суд или арбитраж, призванный урегулировать спор, возникший между сторонами по поводу невыполнения в полном объеме всех обязательств по договору одним из его участников, обычно констатировал нарушение принципа добросовестности со стороны данного государства, предписывал необходимость положить конец недобросовестному поведению и строго на добросовестной основе соблюдать общий дух соглашения.

На основе рассмотрения международной судебно-арбитражной практики можно привести такие примеры, когда государство, соблюдая текст и букву достигнутого соглашения, посредством «непрямых методов», по выражению Постоянной палаты международного правосудия, пыталось обойти договорные обязательства и впоследствии фактически отошло в своем поведении от должного выполнения их в полном объеме.

Пример первый. Государство А., осуществляющее контрольные функции над каналом международного значения, заключило с государством Б. договор, в котором подтверждалось право на свободный и беспрепятственный проход через канал для судов всех государств на основе полного равенства и без признаков дискриминации во всем, что касалось условий судоходства или тарифов прохода. Последние устанавливались исключительно на началах справедливости и равноправия. Между тем государство А. в нарушение принципа добросовестного выполнения принятых на себя договорных обязательств отменило в отношении своих судов

некоторые налоги, установленные в порядке оплаты за проход через канал, что, естественно, привело к дискриминации судов других государств и к нарушению общего духа соглашения — полного равенства сторон.

Пример второй. Государство по многостороннему договору приняло на себя обязательство воздерживаться от осуществления какой-либо дискриминации в отношении граждан своей страны по признаку вероисповедания. Между тем в нарушение духа соглашения правительство данной страны вынесло решение рассматривать лиц определенного типа вероисповедания в качестве иностранцев, не пользующихся дипломатической защитой, таким образом лишая их статуса граждан своей страны. Предпринятые данным государством дискриминационные меры в отношении определенной категории своих граждан по сути могут быть охарактеризованы не иначе, как попытка в нарушение принципа добросовестности посредством не прямых действий уйти от выполнения в полной мере всего комплекса принятых на себя договорных обязательств — обеспечить в реальности предоставление всем гражданам своей страны равного юридического статуса.

Пример третий. Государство А. на основе договора с государством Б. предоставило гражданам этого государства право на лов рыбы в определенных частях его прибрежных вод совместно и на основе полного равенства со своими собственными гражданами, а также предоставило судам этого же государства право входить в его заливы и бухты с целью ремонта и т. д. Между тем в нарушение принципа разумности государство А. так осуществляло свое суверенное право по законодательному регулированию вопросов сохранения и защиты рыбных ресурсов, что своим реальным поведением фактически лишило предоставленное государству Б. право на лов рыбы его практического значения. В данном случае использование государством

А. своего суверенного права в нарушение принципа разумности представляет собой злоупотребление правом. Действия подобного рода, поскольку они не согласуются с обязанностью выполнять договор на основе принципа добросовестности, рассматриваются как противоправные и идущие вразрез с духом достигнутого соглашения — обеспечение гражданам обоих государств права на лов рыбы на началах полного равенства.

Ставя целью выполнение со стороны государств—участников договора в полном объеме всего комплекса принятых ими договорных обязательств, принцип добросовестности устанавливает требование точного и неукоснительного соблюдения согласованных намерений сторон, как они проявили себя в момент заключения договора. Первоначально согласованные намерения сторон, нашедшие свое воплощение в тексте договора, служат в качестве определяющего фактора должного поведения государств на стадии выполнения договора. Насколько и как государства приводят в исполнение зафиксированные в нем обязательства, настолько можно судить об их добросовестности в процессе претворения в жизнь договора. Тот факт, что государства должны точно, неукоснительно и в полной мере выполнять международные обязательства по договору, как они установлены на основе общесогласованного намерения сторон в момент его заключения, предполагает запрет не только на любые попытки со стороны какого-либо из его участников обойти обязательства по договору, но и на любые действия, которые включали бы в себя получение одним государством за счет другого незаконных преимуществ.

В качестве примера подобных действий могут служить попытки использовать договор с целью охватить им такие случаи и такие обстоятельства, которые в разумном и обычном порядке стороны никак не могли предположить или предвидеть при за-

ключении договора. Признаются противоречащими принципу добросовестности действия государства, которые включают в себя попытки ссылаться на текст договора с целью получения преимуществ, не предусмотренных сторонами при его заключении.

Иллюстрацией к сказанному может служить следующая ситуация. Государство А. и государство В. заключили договор на основе полного равенства, однако по прошествии определенного периода времени произошло коренное изменение обстоятельств, в результате чего правовое положение обоих государств потеряло присущую ему уравниженность, которая прежде характеризовала их взаимоотношения. В создавшейся обстановке государство А., получавшее в результате коренного изменения обстоятельств определенные преимущества в своей правовой позиции, предприняло попытки сохранить *status quo* и в нарушение принципа добросовестности обеспечить выполнение со стороны государства Б. договора, ставшего чрезмерно обременительным для последнего. Естественным и логичным исходом возникшей ситуации явилось бы признание правомерности ссылки государства Б. на коренное изменение обстоятельства как на основание для прекращения или выхода из договора, ставшего неравным для его участников. Однако такая ссылка могла бы быть правомерной только тогда, когда она была сделана на основе принципа добросовестности. Для этого требовалось наступление такой ситуации, когда последствия изменения обстоятельств коренным образом изменяли сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору.

В описанной выше ситуации принцип добросовестности применяется по-разному к обоим участникам договора. В отношении государства А. принцип добросовестности устанавливает запрет на любые попытки с его стороны продолжать ссылаться на договор, претерпевший коренное изменение обстоя-

тельств и ставший уже неравноценным в правовом плане для его участников. Что касается государства Б., то здесь принцип добросовестности, наоборот, создает правовое обоснование для постановки вопроса о прекращении договора или выхода из него, поскольку последствия изменения обстоятельств изменили коренным образом сферу международных обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору. Оба государства уже не находятся в силу произошедшего коренного изменения обстоятельств в равном положении в отношении объема обязательств, подлежащих выполнению согласно договору.

Устанавливая границы действий в отношении одного государства и создавая правовое основание для возможного поведения другого государства, принцип добросовестности играет, таким образом, важную регулирующую роль в международно-правовом институте, известном в науке международного права как коренное изменение обстоятельств. В Венской конвенции 1969 г. на этот счет предусмотрена ст. 62. Обстоятельства, при которых принцип добросовестности в свете постановлений данной статьи начинает свое действие, наступают тогда, когда а) наличие обстоятельств, претерпевших коренное изменение, составляло существенное основание согласия участников на обязательность для них договора и б) следствие изменения обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств, все еще подлежащих выполнению по договору.

Наступление изложенных здесь обстоятельств свидетельствует о том, что договор в прежнем состоянии уже не может существовать и его действие следует прекратить. Соответственно одна из сторон не вправе пытаться сохранить *status quo* и искусственно продлить существование договора с целью получения незаконных преимуществ, вытекающих из коренного изменения объема договорных обязательств, а от другой стороны вполне логич-

ным было бы ожидать заявления о необходимости прекращения в целом договора или об одностороннем выходе из него, поскольку данное государство оказалось в неравноправном положении в отношении соблюдения обязательств по договору.

Принцип добросовестности в аспекте концепции о коренном изменении обстоятельств, создавая юридическое обоснование для постановки вопроса о прекращении договора или выхода из него, тем самым содействует приведению договорных норм в соответствие с реалиями произошедших коренных изменений в международной обстановке и благоприятствует восстановлению равновесия в международных обязательствах, но уже на новой договорной основе. Профессор Дж. Бариле, оценивая значимость нормы о коренном изменении обстоятельств в плане общей способности конвенционных норм к адаптации к определенному периоду времени, справедливо заключил: «Принцип коренного изменения обстоятельств как основание для прекращения договора или выхода из него ослабляет, по крайней мере в их негативном аспекте, последствия, вытекающие из ограниченной способности конвенционных норм адаптироваться во времени: он позволяет в действительности участнику договора освободиться в одностороннем порядке и на правомерной основе от обязательства поддерживать равновесие, установленное правовыми нормами, которые не соответствуют больше социальным требованиям, претерпевшим глубокие изменения»¹⁹³.

Говоря о значении нормы о коренном изменении обстоятельств, Дж. Бариле, к сожалению, не указывает, что в поддержании равновесия в договорных обязательствах сторон важнейшую роль играет принцип добросовестности, поскольку

¹⁹³ Barile G. Op. cit. P. 97

именно он составляет собой основу указанной нормы, которая является только одним из следствий принципа добросовестности. В науке международного права с такой точкой зрения согласно практически большинство ученых. При этом юристы-международники отмечают двойную роль, которую играет здесь принцип добросовестности.

С одной стороны, норма *pacta sunt servanda* воспрещает государству, действующему на добросовестной основе, произвольно ссылаться на коренное изменение обстоятельств как на основание для прекращения или выхода из договора. С другой стороны, сама ссылка на коренное изменение обстоятельств может быть осуществлена исключительно на основе принципа добросовестности. Изложенной точки зрения, правильно отражающей соотношение нормы о коренном изменении обстоятельств и принципа добросовестности, в науке международного права придерживаются, например, испанский юрист А. Пош де Кавьедес, английский юрист Б. Ченг, австрийский юрист А. Фердросс¹⁹⁴.

Французский юрист Э. Золлер, исследуя норму о коренном изменении обстоятельств, отмечает, что в данном случае речь идет не о принципе добросовестности, а скорее о злоупотреблении правом. При этом она ссылается на отсутствие какой-либо судебной и арбитражной практики на этот счет.

Между тем известно, что говорить о злоупотреблении правом в рамках договорных отношений можно только тогда, когда договор как нормоустановительный и согласованный сторонами документ обязательного порядка действует. О злоупот-

¹⁹⁴ Poch de Caviedes A. De la clause Rebus sic stantibus a la clause de révision dans les conventions internationales // RCADI. 1966-2. La Haye, 1967. T. 118. P. 167; Cheng B. Op. cit. P. 118; Verdross A. Völkerrecht. Wien, 1964. S. 180

реблении правом можно говорить тогда, когда один из участников договора в нарушение принципа добросовестности предпринимает попытки злоупотреблять правами, предоставленными ему по договору в ущерб другому участнику договора. Такая гипотетическая ситуация возможна, когда сами договорные нормы, устанавливающие должное поведение сторон, действуют и когда вопрос о прекращении договора или выходе из него вообще не стоит. Как можно злоупотреблять правом, если предполагается прекратить действие договора или выйти из него согласно ст. 62. В этом случае либо договора вообще не станет в строго юридическом понимании как международно-правового акта (когда договор прекращает свое существование в результате обоюдного намерения сторон в силу нормы о коренном изменении обстоятельств), либо сторона, вышедшая из договора на основании нормы о коренном изменении обстоятельств, уже не будет иметь к нему никакого отношения.

Международное право, предписывая обязанность неукоснительного выполнения договора на основе принципа добросовестности, предполагает возможность установления соответствующих санкций как меру обеспечения этой обязанности. В уже упоминавшемся решении по делу рыболовства в Северной Атлантике на этот счет есть прямое указание: «Каждое государство должно выполнять обязательства, вытекающие из договора, на основе принципа добросовестности, и оно побуждается к этому посредством обычных санкций, устанавливаемых международным правом в отношении соблюдения договорных обязательств». Записав это в своем решении, суд далее разъясняет, какого рода санкции международное право обычно предусматривает в порядке обеспечения выполнения обязанности добросовестного выполнения обязательств по договору. Среди таких санкций суд называет, например, обращение к мировому обще-

ственному мнению; публикацию корреспонденции, относящейся к факту заключения договора; парламентское осуждение; требование проведения арбитражного разбирательства с нарушителем своих договорных обязательств, который отказывается от проведения арбитража; разрыв дипломатических отношений; репрессалии ¹⁹⁵.

Перечисленные в решении меры в качестве примера возможных санкций, которые в обычном порядке предусматриваются международным правом с целью обеспечения договорных обязательств, касаются в целом нормы об обязательности выполнения договора на основе принципа добросовестности. Однако, как уже отмечалось выше, государство может выполнять возложенную на него обязанность по исполнению договора чисто формально, согласно его текстуальному содержанию, но при этом предпринимать такие действия, которые могут быть охарактеризованы как нарушение принципа добросовестности. Среди таких действий назывались злоупотребление правом; попытки воспользоваться неточным выражением или ошибочным описанием фактов и событий в договоре; обход и несоблюдение цельности договорных обязательств; попытки получения незаконных преимуществ, которые выходят за рамки общесогласованного и разумного намерения сторон, проявившего себя во время заключения договора; попытки распространить действие договора на случаи, которые не могли в разумном понимании вещей предполагаться сторонами во время заключения договора.

Какие же меры и санкции может предложить международное право в ответ на попытки государства нарушить принцип добросовестности и общий дух договора. Разумеется, если на-

¹⁹⁵ The Hague Gout reports. Vol. 1 P. 143, 167; RGDIP. 1912. N 2. P. 459

рушаются положения, имеющие важное значение для объекта и целей договора, т. е. имеет место существенное нарушение договора, то тогда вполне логичной мерой может быть прекращение договора или приостановление его действия. Однако, если речь идет не о нарушении договора, а о несоблюдении принципа добросовестности применительно к действующему и действительному договору, то тогда ответом может быть одно из следующих средств: дипломатическое представление к государству с целью побудить последнее подходить к вопросу выполнения своих договорных обязательств не формально, а на основе принципа добросовестности, т. е. с учетом не только буквы, но и духа соглашения; обращение к мировому общественному мнению через посредство ООН; требование проведения судебного или арбитражного разбирательства по делу о характере и объеме процедуры выполнения договорных обязательств; отзыв дипломатических представителей или приостановление дипломатических отношений; требование проведения немедленно непосредственных переговоров.

Приведенный перечень возможных санкций и просто мер дипломатического порядка, предусматриваемых международным правом с целью обеспечения добросовестного отношения к выполнению своих договорных обязательств, не исчерпывающий. Общее для всех санкций и мер дипломатического порядка, предусматриваемых на этот счет международным правом, состоит в том, чтобы с помощью допустимых и приемлемых для любого участника договора мер побудить государство прекратить действия, подрывающие существо соглашения, его дух, и подходить к выполнению принятых им на себя договорных обязательств исключительно на основе принципа добросовестности.

Как показывает практика договорных взаимоотношений, обращение к дипломатическим переговорам и арбитражной

процедуре оказывали благотворное влияние на политику соответствующего государства. Оно прекращало свои незаконные действия и тем самым возвращалось на путь добросовестного выполнения договорных обязательств.

Принцип добросовестности и толкование международного договора. Толкование договоров на основе принципа добросовестности и согласно международному праву является непременным условием придания юридической значимости норме *pacta sunt servanda* и помогает определить, насколько поведение государства на стадии исполнения договора отвечает «стандартам», присущим принципу добросовестности.

Под толкованием в науке международного права понимается процедура выяснения и разъяснения истинного смысла договора, воплощающего в своем тексте аутентичное проявление намерения сторон, в целях наиболее правильного и четкого его выполнения.

Толкование заключается в придании такого значения тексту договора, которое отвечало бы требованиям логики, разумности и соответствовало, насколько это возможно, наиболее эффективному осуществлению общей задачи договора, которую намеревались достичь его участники, заключая данный договор (с учетом текста договора, подвергающегося толкованию, и всех обстоятельств дела). Толкование, правомерное с точки зрения международного права, лишено элементов механического применения а priori какого-либо одного принципа или определения, представленных в таком широком обиходе в судебно-арбитражной практике.

Многие из применявшихся в судебно-арбитражной практике принципов носили необязательный характер; в лучшем случае их можно рассматривать в качестве возможных направляющих линий при оценке значения, которое стороны намеревались придать выражениям, употребленным ими в договоре.

Целесообразность обращения к таким из них, как, например, учет особого расположения слов в договоре; общая природа и предмет договора; взаимосвязь слов и предложений между собой и с другими частями договора; обстоятельства заключения договора, зависела от конкретных условий, а также от множества факторов внешнего порядка.

И только с принятием Венской конвенции 1969 г., которая зафиксировала в себе общее правило толкования, была создана система норм взаимосвязанного характера, лишенная признаков иерархии и отражающая единство процесса толкования (п. 1, 2, 3 ст. 31). За основу процесса толкования Венская конвенция, как известно, приняла текст договора как свидетельство наиболее полного проявления намерений его участников.

Общеизвестно то, что в науке международного права представлены три направления толковательного процесса, отличающиеся друг от друга тем, какую значимость следует придавать тексту договора как аутентичному проявлению намерений сторон; намерениям сторон как субъективному элементу, отличному от текста договора; явно себя проявляющим или предполагаемым объектам и целям договора. Так, некоторые ученые (например, английский юрист Х. Лаутерпахт) уделяют основное внимание намерениям сторон и как следствие этого допускают более свободный подход к подготовительным материалам и другим свидетельствам проявления намерений участников договора как средству толкования¹⁹⁶. Другие ученые (например, французские юристы Л. Каваре и Э. Золлер) придают основное значение объектам и целям договора и поэтому более готовы, особенно применительно к общим многосторонним договорам,

¹⁹⁶ AIDI, 1950. Bale, 1950. Vol. 43, N 1. P. 377-402

принять телеологическое толкование, которое идет дальше и даже может отличаться от первоначальных намерений сторон, как они зафиксированы в тексте договора ¹⁹⁷. Так, Э. Золлер пишет следующее: «Договоры должны толковаться на основе принципа добросовестности, то есть они должны толковаться не согласно намерению сторон, а согласно цели и объекту договора. При этом правила, регулирующие тот и другой подход, не обязательно совместимы» ¹⁹⁸.

Однако большинство юристов-международников вполне резонно подчеркивают приоритет текста договора как основы для его толкования, допуская в то же время в определенной мере внешние проявления намерений участников (например, любое соглашение, относящееся к договору, которое достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; любой документ, принятый всеми участниками в качестве документа, относящегося к договору; любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования), а также учет объекта и целей договора в качестве средств толкования.

Характерно точно выражающее суть проблемы толкования высказывание М. Хьюбера, с которым он выступил в 1952 г. на сессии Института международного права: «... подписанный текст договора представляет собой за редким исключением последнее проявление совместной воли сторон» ¹⁹⁹. Такая в целом пра-

¹⁹⁷ Cavaré L. Le droit international public positif. P., 1962. T. 2. P. 112; Zoller E. Op. cit. P. 202

¹⁹⁸ Zoller E. Op. cit. P. 202

¹⁹⁹ AIDI, 1952. Bale, 1952. Vol. 44, N 1. P. 199

вильная точка зрения подтверждается резолюцией, принятой Институтом международного права в 1956 г. по вопросу о толковании договоров²⁰⁰. Теоретическая ценность данной резолюции состоит в том, что она в концентрированном виде выразила суть всей процедуры толкования, впоследствии закрепленной в ст. 31, 32 Венской конвенции 1969 г. Подтверждая значимость контекста, принципа добросовестности, а также других принципов международного права как основы для проведения процедуры толкования, Институт международного права зафиксировал это положение в ст. 1 принятой им резолюции: «Условия постановлений договора должны толковаться в контексте, взятом в целом, *в соответствии с принципом добросовестности* и в свете других принципов международного права»²⁰¹ (курсив наш.— *Р. К.*).

Ознакомление с практикой международных арбитражных органов, а также Постоянной палаты международного правосудия и Международного суда ООН по вопросу о толковании позволяет констатировать, что текстуальный подход к толкованию договоров при должном соблюдении требований, предъявляемых к процессу толкования со стороны принципа добросовестности, может рассматриваться в качестве установившегося правила международного права²⁰². Так, Международный суд ООН неоднократно подчеркивал в своих решениях, что функцией толкования не является пересмотр договоров или

²⁰⁰ AIDI, 1956. Bale, 1956. Vol. 46, N 1. P. 359, 364-365

²⁰¹ Ibid. P. 364

²⁰² См.: Талалаев А. Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973. С. 144—145; Броунли Я. Международное право. М., 1977. Кн. 2. С. 336—341; Elias T. O. Op. cit. P. 71 — 78; Sinclair I. M. Op. cit. P. 75—76; Began V. D. L'interprétation des accords en droit international. La Haye, 1963. P. 79—83; Fitzmaurice G. Op. cit. P. 212-214; Nahlik S. E. Op. cit. P. 101-102, 109, 117; Yasseen M. K. Op. cit. P. 20-23, 33-39

привнесение в них того смысла, которого они явно не имели или который не подразумевался²⁰³.

Таким образом, текст договора как согласованный между сторонами на основе принципа добросовестности документ представляет, согласно общему мнению, выраженному в доктрине международного права и в судебно-арбитражной практике, основу для толкования.

Выработанные в результате длительного кодификационного процесса в рамках Комиссии международного права ст. 31 и 32 Венской конвенции 1969 г. об общем правиле толкования и дополнительных средствах толкования стали конкретным воплощением текстуального подхода к толкованию международных договоров. В ст. 31 отражена точка зрения, согласно которой предполагается, что текст — это аутентичное выражение намерений сторон. Тем самым был еще раз подтвержден принцип международного права, согласно которому приоритет в определении истинного и точного намерения сторон отдается декларированной воле сторон, которая зафиксирована в соответствующей договорно-правовой форме, а не так называемой реальной воле²⁰⁴. В этом проявляется общая цель международного права — обеспечить юридическую безопасность и стабильность, а также взаимное доверие в отношениях между государствами — участниками международного договорного процесса.

Французский ученый, профессор университета г. Нанси Жак Бентц следующим образом в своей работе связывает факт признания международным правом приоритета декларирован-

²⁰³ См., например, решение суда от 27 августа 1952 г. по делу о правах граждан США в Марокко: CIJ rec. 1952. P. 196, 199

²⁰⁴ Favre A. L'interprétation objectiviste des traités internationaux // ASDI, 1960. Geneve, 1961. P. 75-98; Zoller E. Op. cit. P. 209

ной в тексте договора воли государств с общими задачами, стоящими перед международным правом: «Этот выбор международного права объясняется не только необходимостью обеспечения юридической стабильности, но и идеей взаимного доверия, которое вызывает у других государств волеизъявительная активность данного государства»²⁰⁵.

Признание приоритета текстуального подхода к процессу толкования договоров устраняет возможность всякого рода злоупотреблений, когда под видом изыскания так называемого реального намерения по сути дела искажается истинная воля сторон, зафиксированная в форме письменного международно-правового акта — договора. Не исключая возможности обращения к другим проявлениям намерений сторон при соответствующих обстоятельствах (например, любое соглашение или документ, относящиеся к договору), ст. 31 признает за текстом договора главенствующую роль при толковании. Подтверждая справедливость и желательность различия, сделанного в ст. 31 и 32 между аутентичными и дополнительными средствами толкования, следует констатировать тесную взаимосвязь между двумя статьями, что подтверждает тезис о единстве процесса толкования. Единство толковательного процесса предполагает одинаковую юридическую значимость принципа добросовестности применительно к аутентичным и дополнительным средствам толкования и вообще применительно ко всем стадиям толкования международных договоров.

Сущность принципа добросовестности при толковании, так же как и на всех других стадиях исполнения международного договора,— это проявление «духа лояльности, уважения права,

²⁰⁵ Bentz J. Le silence comme manifestation de volonté en droit international public // RGDIP. 1963. N 1. P. 50

верности обязательствам со стороны того, о действиях которого идет речь», а также обязательство «воздерживаться от скрытности, обманных действий в отношениях с другими государствами»²⁰⁶. Толкование договора на основе принципа добросовестности означает строго объективный, без признаков произвола, злоупотребления правом и попыток получения незаконных преимуществ, подход к выяснению и уточнению намерения его участников, как оно нашло свое закрепление в тексте договора, с целью обеспечения наиболее полного и неукоснительного выполнения всех его предписаний.

Требование соблюдения принципа добросовестности на стадии толкования международных договоров может вызвать вопрос, о чем идет речь — о добросовестности самих участников договорных отношений или добросовестности органов, призванных разрешить возникший спор о толковании. В науке международного права этот вопрос уже ставился. Так, французский юрист Р. Пэнто отмечал, что обязательство по толкованию на основе принципа добросовестности «адресуется к дестинаторам конвенционных норм, а не к органам, наделенным полномочиями урегулировать, спор относительно толкования договора»²⁰⁷.

Толкование международных договоров, как известно, в зависимости от конкретных обстоятельств или может осуществляться самими участниками договора, или может быть передано на рассмотрение международных судебных или арбитражных органов, если сами стороны не достигнут соглашения о смысле соответствующих постановлений договора. Было бы неточно рассматривать проблему соблюдения принципа добросовестно-

²⁰⁶ Dictionnaire de la terminologie du droit international. P., 1960. P. 91

²⁰⁷ Pinto R. Le droit des relations internationales. P., 1972. P. 180

сти при толковании договоров только как проблему добросовестного выполнения международным судом или арбитражем возложенной на него миссии. Разумеется, суд или арбитраж при осуществлении толкования должен руководствоваться принципом добросовестности. Иначе и быть не может. Однако это не касается беспристрастия при выполнении судом или арбитражем поставленной перед ним задачи по толкованию международных договоров. Вопрос состоит в том, чтобы, проникнув-шись пониманием добросовестности, которая должна руко-водить участниками договора, осуществить толкование так, как это сделали бы сами стороны договора ²⁰⁸.

Таким образом, именно добросовестность, которой руко-водствовались стороны при заключении договора, и должна слу-жить основным ориентиром при осуществлении толкования вне зависимости от того, носит ли это толкование аутентичный или международный характер.

Принцип добросовестности предполагает, что при осуще-ствлении толкования будут приняты во внимание любые имеющиеся в наличии средства: текст, контекст; любые соот-ветствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками; подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора. Соответственно, принцип добросовестности при толковании международных договоров ус-танавливает требование не игнорировать возможность анализа и оценки любого документа или материала, о которых идет речь в ст. 31 и 32, если они в состоянии оказать какое-либо содействие в установлении истинного значения текста договора. В принципе здесь вполне приемлемо известное правило французского юриста

²⁰⁸ Yasseen M. K. Op. cit. P. 21-22

Э. Ваттеля: «Первый общий принцип толкования состоит в том, что не допускается толковать то, что не нуждается в толковании»²⁰⁹. Однако очевидно, что изложенное правило относится к результату всего процесса толкования. Текст любого договора, каким бы ясным он ни представлялся на первый взгляд, справедливо констатирует английский юрист-международник Я. Синклер, требует тщательного исследования в своем контексте и в свете объекта и цели, которым он призван служить.²¹⁰

В конечном итоге после тщательного рассмотрения на основе принципа добросовестности текста договора вполне естественно можно было бы в большинстве случаев прийти к заключению о том, что ясное и недвусмысленное значение текста, которое первоначально представлялось таковым, явилось по завершении процедуры толкования действительно правильным. Однако нельзя при этом умалять значимость толкования в данном случае, поскольку важность толкования в том и состоит, что оно помогает в любом случае установить, руководствуясь принципом добросовестности, истинное значение текста договора, каким бы ясным он ни представлялся при первоначальном ознакомлении с ним.

Зафиксированные в ст. 31 нормы, применимые при толковании, не имеют какого-либо иерархического построения. Они все имеют в равной степени обязательный характер, хотя простая логика их включения в ст. 31 и применения при толковании предполагают что элементы толкования, зафиксированные в этой статье, должны идти в определенной последовательности. Первым элементом толкования должно быть понятие, согласно которому договор должен толковаться на основе прин-

²⁰⁹ Vattel E. Le droit des gens ou principes de la loi naturelle. P., 1863. T. 2. P. 250

²¹⁰ Sinclair I. M. Op. cit. P. 72. YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 220

ципа добросовестности «в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора». Затем должны идти элементы толкования, которые включены в понятие «контекст» («любое соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора; любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору»), поскольку они представляют собой часть договора или тесно связаны с ним. И далее в логическом порядке должны идти такие элементы толкования, как любое последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений; последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования; любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками. Они, естественно, должны следовать уже после текста и контекста.

Установление такой последовательности, обусловленное логикой и требованиями соблюдения принципа добросовестности, исключает какую-либо обязующую, предписываемую в строго иерархическом порядке схему норм, применяемых при толковании. Требования, устанавливаемые принципом добросовестности в отношении процесса толкования, предполагают, что при толковании договора ни один из элементов толкования не должен рассматриваться как имеющий исключительное значение за счет другого элемента, поскольку это может привести к искаженному представлению о намерениях государств, нашедших свое проявление в тексте договора. Заслуживает особого внимания заключение Комиссии международного права

ООН из комментария к ст. 31 Венской конвенции 1969 г. «Она (комиссия.— *Р. К.*) считает, что указанная статья, если ее оценивать в целом, не может в действительности рассматриваться как устанавливающая юридическую иерархию норм, применяемых при толковании договоров»²¹¹.

С учетом этого заключения Комиссии международного права ООН представляются малоубедительными замечания некоторых представителей науки международного права, в частности Дж. Бариле, который считает, что Венская конвенция якобы устанавливает «невозможную иерархию» между нормами, применяемыми при толковании договоров²¹². Имеется в виду между нормами ст. 31, где зафиксировано общее правило толкования, и нормами ст. 32, в которой записаны дополнительные средства толкования.

По мнению итальянского юриста, любая кодификация норм толкования склонна к установлению иерархии юридически обязательных средств толкования, что может привести к ограничению возможностей для осуществления свободной процедуры толкования. Он пишет: «Если это последние (юридически обязательные правила толкования.— *Р. К.*) располагаются согласно критерию иерархии и навязываются субъекту толкования в определенном порядке без каких-либо неизбежных исключений, они представляют собой „должное" которое, если оно не достигнет в конкретном плане своей цели — определить содержание другого „должного", составляющего их объект (норм, подлежащих толкованию),— тем самым не сможет осуществить единственную цель, ради которой они созданы: определение истины»²¹³.

²¹¹ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 220

²¹² Barile G. Op. cit. P. 86-87

²¹³ Ibid. P. 86

Дж. Бариле выступает за сведение к минимуму или вообще за исключение характера юридически обязательных норм за правилами толкования. При этом сама истина, ради установления которой и предполагается создание соответствующих правил толкования, ему представляется не как нечто «неподвижное» и «неизменное», а «как способное к эволюции».

Между тем истина при толковании, как мы убеждены, всегда может быть только одна. Именно на выяснение истинного значения текста договора и направлен весь процесс толкования. Принцип добросовестности при этом должен исключить какое-либо возможное злоупотребление, когда под предлогом изыскания «истины» предпринимаются действия, которые идут в разрез с буквой и духом соглашения.

Толкование на основе принципа добросовестности в свете постановлений Венской конвенции 1969 г. вовсе не исключает возможности обращения к любым материалам, способным каким-либо образом оказать соответствующее содействие при толковании. Критерием целесообразности и юридической значимости такого материала является способность представить свидетельство того, какое значение следует придать тексту договора. Разумеется, сюда входят подготовительные материалы и обстоятельства заключения договора. Они вполне правомерно рассматриваются по конвенции как дополнительные средства толкования, будучи призваны «подтвердить значение, вытекающее из применения» норм, входящих в общее правило толкования. И только после анализа всех необходимых материалов, на основе единства процесса толкования и взаимосвязи норм, составляющих общее правило толкования, и дополнительных средств толкования, можно сделать справедливый вывод в отношении их ценности и значения в свете правил, установленных в Венской конвенции.

Изложенные в Венской конвенции правила толкования представляют собой несколько самых общих принципов, применяемых при толковании, относительно которых существует универсальное согласие об их обязательности. В практике международных судебных органов можно найти множество ссылок на принципы толкования, применяемые в национальном законодательстве при толковании контрактов и статуты, но которые не носят обязательного характера. В качестве примера можно назвать такие принципы, как *contra proferentem*, *expressio unius est exclusio alterius*, *generalia specialibus non derogant* ²¹⁴.

В большинстве случаев указанные принципы выступают в качестве элементов логического мышления и здравого смысла, направляя толковательный процесс в русло выяснения истинного значения постановлений договора.

Урегулирование проблемы толкования на основе постановлений Венской конвенции 1969 г. отражает сложившуюся практику международных судебных и арбитражных органов. Понимание того, что текст договора должен рассматриваться в качестве аутентичного проявления намерения сторон, а сам процесс толкования направлен на выяснение значения текста договора, является общепринятым положением и вполне правомерно рассматривается как установившаяся норма международного права. Об этом четко сказано в комментариях Комиссии международного права к ст. 31 конвенции ²¹⁵.

Между тем анализ зарубежной доктрины международного права свидетельствует о существовании точки зрения, согласно которой правила толкования, установленные Венской конвен-

²¹⁴ Rousseau Ch. Droit international public. T. 1. P. 297—298, 278—279; Visscher Ch. de. Op. cit. P. 84—92, 104—113; MacNair A. Op. cit. P. 393-410

²¹⁵ YILC, 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 220

цией, представляют собой отход от действующего права. Так, Г. Шварценбергер в ряде своих работ отмечал, что правила толкования международных договоров по Венской конвенции — это отход от действующего права, и их значимость может определяться только возможной ссылкой на них с целью предотвращения споров и конфликтов ²¹⁶.

Такая точка зрения вряд ли приемлема. Она основывается на том, что толкование договоров должно осуществляться в духе справедливости. Разумеется, сам процесс заключения международных договоров, их применения, толкования должен отвечать критериям справедливости и взаимного учета законных интересов сторон. Однако существует определенный, сравнительно небольшой круг правил обязательного характера, которые по всеобщему согласию должны определять процесс толкования. Главной из норм, составляющих эти правила, является, как известно, принцип добросовестности, который призван регулировать процесс выполнения и толкования международных договоров.

Общее правило толкования, зафиксированное в п. 1 ст. 31, подтвердило особую, первостепенную роль принципа добросовестности в осуществлении толкования. В той форме, в какой это правило закреплено в Венской конвенции 1969 г., оно, по признанию большинства представителей доктрины международного права, воплощает в себе такой известный в науке международного права принцип толкования, как принцип *ut res magis valeat quam pereat* ²¹⁷. Общее правило толкования требует, чтобы договор толковался на основе принципа добросовестно-

²¹⁶ Schwarzenberger G. Myths and realities of treaty interpretation // Current legal problems, 1969. L., 1970. P. 205 — 227; Idem. The dynamics of international law. L., 1976. P. 9

²¹⁷ По вопросу о юридической сущности и значении этого принципа см., например: Yasseen M. K. Op. cit. P. 71-77

сти в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Юридическая значимость данного принципа состоит в том, что он с учетом объекта и целей договора помогает из двух возможных вариантов толкования выбрать такой, который обеспечивает наиболее эффективное применение договора.

Поскольку принцип *ut res magis valeat quam pereat* содействует такому толкованию, которое обеспечивает наиболее эффективное применение договорных постановлений в свете объекта и цели договора, Постоянная палата третейского суда, Постоянная палата международного правосудия и Международный суд ООН неоднократно подтверждали значимость этого принципа в своих решениях. Так, в решении Постоянной палаты третейского суда от 7 сентября 1910 г. по делу между США и Англией о рыболовстве в Северной Атлантике в связи с необходимостью толкования ст. 1 англо-американского договора от 20 октября 1818 г. сказано следующее: «Принцип толкования устанавливает, что слова в акте не могут быть рассмотрены как не имеющие никакого значения, если на этот счет не присутствует специального доказательства»²¹⁸. В арбитражном решении от 24 июня 1914 г. по спору между Голландией и Португалией об острове Тимор в отношении толкования конвенции от 1 октября 1904 г. о делимитации владений сказано: «Конвенции между государствами, так же как и между частными лицами, должны толковаться в том смысле, чтобы они обладали последствиями, нежели в смысле, когда они не могли бы вызывать

²¹⁸ RSA. Nations Unies. N. Y., 1962. Vol. 11. P. 198

никаких последствий»²¹⁹. В практике Постоянной палаты международного правосудия принцип *ut res magis valeat quam pereat* нашел свое подтверждение в консультативном заключении от 10 сентября 1923 г.²²⁰ применительно к толкованию договора от 28 июня 1919 г. о национальных меньшинствах, в консультативном заключении от 15 сентября 1923 г.²²¹ также в отношении толкования указанного договора о национальных меньшинствах.

Международный суд со своей стороны признал, что обращение к принципу *ut res magis valeat quam pereat* может быть в ряде случаев вполне возможным. В решении по делу о проливе Корфу в отношении толкования специального соглашения сказано: «Было бы несовместимо с общепризнанными правилами толкования признать, что постановление такого рода, нашедшее свое закрепление в специальном соглашении, должно быть лишено смысла и последствий»²²².

Роль принципа добросовестности применительно к принципу *ut res magis valeat quam pereat* состоит в том, что он обеспечивает такое положение, при котором толкование не должно выходить за рамки того, что явно предусматривается договором или в необходимом порядке подразумевается в его постановлениях. Тем самым исключаются какие-либо злоупотребления, которые могут привести к «расширительному» или «либеральному» толкованию. Принцип добросовестности запрещает любые попытки со стороны какого-либо из участников договора посредством ссылки на так называемый принцип эффективно-

²¹⁹ Ibid. P. 508

²²⁰ CPJI sér. B. N 6. P. 25

²²¹ Ibid. N 7. P. 17

²²² CIJ rec. 1949. P. 24

сти толкования расширить незаконным образом значение тех или иных постановлений договора.

Функция толкования на основе принципов добросовестности и *ut res magis valeat quam pereat* должна ограничиваться своей главной задачей — выяснение смысла договора в целях наиболее правильного и эффективного его применения. Толкование не должно включать попытки придать такой смысл, который противоречил бы ясному значению терминов договора, поскольку это было бы равнозначно пересмотру договора. В равной степени толкование на основе принципов *ut res magis valeat quam pereat* и добросовестности не должно приводить к наделению положений договора таким смыслом, который бы противоречил объекту и цели соглашения, его букве и духу.

Международный суд в процессе разбирательства того или иного дела (в ходе которого он был призван дать толкование соответствующих постановлений договора), не ограничивая себя рамками узкого толкования отдельных условий договора, неоднократно подчеркивал, что применение принципа *ut res magis valeat quam pereat* с учетом принципа добросовестности должно носить строго определенные границы, обусловленные духом и буквой соглашения. Так, в консультативном заключении от 18 июля 1950 г. о толковании мирных договоров Международный суд заявил: «Принцип толкования, закрепленный в определении *ut res magis valeat quam pereat*, в отношении которого часто ссылаются как на правило эффективности, не будет в состоянии узаконить действия суда, если он придаст постановлениям мирных договоров по урегулированию споров значение, ... которое находилось бы в противоречии с буквой и ду-

хом этих соглашений»²²³. Вместе с тем суд особо отметил, что толкование, которое противоречит ясно выраженному значению постановления договора, по сути дела будет представлять собой не что иное, как пересмотр договора. Соответственно, принятие Международным судом такого толкования договора означало бы злоупотребление правом и противоречило бы принципу добросовестности, которым он должен руководствоваться при вынесении своих решений.

Признавая юридическую значимость принципа *ut res magis valeat quam pereat*, международное право устанавливает определенные границы его применения при обеспечении эффективности в процессе толкования. Эти границы, как видно из приведенного выше решения Международного суда, в наиболее общем виде определяются буквой и духом соглашения, подлежащего толкованию. В договорном праве вполне правомерно считается, что принцип *ut res magis valeat quam pereat* охватывается ссылкой в ст. 31 на принцип добросовестности, а также на объект и цели договора. В той мере, в какой принцип *ut res magis valeat quam pereat* содействует такому толкованию международного договора, которое придает договору значение, в наибольшей степени обеспечивающее его эффективное применение, он нашел свое должное воплощение в положениях Венской конвенции об общем правиле толкования. Так склонны считать большинство ученых²²⁴. В комментариях к ст. 31 Комиссия международного права записала: «Когда договор открыт для двух возможных толкований, одно из которых придает, а другое не

²²³ CJI rec. 1950. P. 229

²²⁴ Sinclair I. M. Op. cit. P. 75; Ellas T. O. Op. cit. P. 73-74; Yasseen K. M. Op. cit. P. 71 — 77; Bernhardt R. Interpretation and implied (tacit) modification of treaties // ZaöRV. 1967. Bd. 27, N 3. S. 504

придает толкованию соответствующие последствия, принцип добросовестности и объект и цель договора требуют того, чтобы был принят первый вариант толкования»²²⁵.

Принцип *ut res magis valeat quam pereat* с учетом объекта и целей договора, естественно, не предполагает и не создает правовое обоснование для так называемого расширительного или либерального толкования, идущего вразрез с тем, что явно предполагается или необходимым образом подразумевается в постановлениях договора, поскольку существуют общепризнанные границы применения этого принципа — буква и дух соглашения. В этих установленных международным правом рамках принцип *ut res magis valeat quam pereat* полностью выполняет функции обеспечения эффективности при толковании международных договоров. Отсюда отпадает необходимость непосредственного упоминания так называемого принципа эффективности в постановлениях Венской конвенции, касающихся толкования договоров. Дело в том, что закрепление в положениях Венской конвенции 1969 г., регулирующих толкование международных договоров, непосредственным образом принципа эффективного толкования может послужить основой для попыток со стороны того или иного государства для незаконного расширения в нарушение принципа добросовестности текста договора. Учитывая это обстоятельство и с целью исключить возможность для злоупотребления правом при толковании договоров, большинство Комиссии международного права сочло целесообразным вообще не упоминать в тексте Венской конвенции непосредственным образом принцип эффективного толкования.

²²⁵ YILC. 1966. N. Y., 1967. Vol. 2. P. 219

Ознакомление с взглядами юристов по вопросу о толковании международных договоров свидетельствует о наличии точки зрения отдельных ученых, которые не считают правильным позицию Комиссии международного права ООН относительно невключения принципа эффективного толкования в общее правило толкования. Так, по мнению английского юриста Д. О'Коннелла, общее правило толкования, записанное в Венской конвенции, строится в основном с использованием телеологического метода, исходит только из анализа объекта и целей договора. Он утверждает, что телеологический метод толкования полностью отличается от толкования на основе принципа эффективного толкования и поэтому отсутствие в ст. 31 Венской конвенции всякой ссылки на принцип эффективного толкования может создать впечатление о его непризнании в качестве устоявшегося принципа толкования ²²⁶.

Обосновывая юридическое значение принципа эффективного толкования, его сторонники отмечают, что в то время как этот принцип имеет перед собой четко установленную цель — с учетом предполагаемого интереса сторон придать постановлениям договора наибольшую при данных обстоятельствах эффективность — толкование со ссылкой на объект и цели договора требует субъективного подхода к оценке задач участников договора ²²⁷.

Действительно, сторонники толкования, придающего особое значение объекту и целям договора, как уже отмечалось выше, более расположены, особенно в отношении общих многосторонних договоров, принять телеологическое толкование текста, которое (базируясь на субъективной оценке объекта и

²²⁶ O'Connell D. P. Op. cit. P. 255

²²⁷ Chaumont Ch. Cours général de droit international public // RCADI. 1970-1. La Haye, 1971. T. 129. P. 470-483

целей договора) отходит от первоначальных намерений сторон, как они нашли свое закрепление в тексте договора ²²⁸.

Критика в адрес процедуры толкования, согласно Венской конвенции 1969 г., могла бы быть обоснованной, если бы общее правило толкования основывалось исключительно на оценке объекта и целей договора. Однако, как нам известно, общее правило толкования по ст. 31 Венской конвенции устанавливает более широкие отправные точки при осуществлении процедуры толкования. Оно требует, чтобы толкование осуществлялось, во-первых, на основе *принципа добросовестности*; во-вторых, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора *в их контексте*; в-третьих, *в свете объекта и цели договора*.

Если толкование осуществляется при должном соблюдении принципа добросовестности, а установление объекта и целей договора строится в основном на анализе текста договора, в особенности его преамбулы (которая, по признанию доктрины международного права, часто является определяющим элементом при выяснении мотивов, которыми руководствовались договаривающиеся государства при заключении договора, а также при выявлении поставленной ими перед собой цели) ²²⁹, то можно быть уверенным, что субъективизм при оценке объекта и целей договора будет устранен.

Будучи признан за основу, текстуальный подход заложен в содержании общего правила толкования как один из трех принципов толкования договоров.

Рассмотрим их по порядку.

²²⁸ Cavaré L. Op. cit. P. 112

²²⁹ Sinclair I. M. Op. cit. P. 75

Первым принципом толкования является, естественно, принцип добросовестности. Совместно с нормой *pacta sunt servanda* он предписывает необходимость для государств — участников договора выполнять свои обязательства исключительно добросовестным образом. Толкование на основе принципа добросовестности и согласно международному праву в этом плане является залогом жизнедеятельности нормы *pacta sunt servanda*. Известно, что процессы соблюдения и толкования международных договоров тесно взаимосвязаны. Без должного поведения государств — участников международных договоров на основе принципа добросовестности на обоих этих стадиях не может быть и речи о правомерности всей процедуры исполнения международного договора.

Второй принцип толкования, закрепленный в общем правиле толкования, составляет собой суть самого текстуального подхода. В соответствии с этим принципом предполагается, что намерения участников соответствуют тому, что вытекает из обычного значения терминов, которые были использованы сторонами при заключении договора. Считается, что намерения участников договора в полной мере нашли свое отражение в тексте. Поскольку договор представляет собой взаимосогласованный международно-правовой документ, постольку ни одна из сторон не вправе пытаться при исполнении договора выйти за рамки примененных в их обычном значении терминов договора.

Третий принцип толкования, непосредственно вытекающий из предыдущего, предполагает, что толкование текста договоров с целью выяснения аутентичного намерения сторон договора должно строиться, как общее правило, с учетом анализа обычного (а не какого-либо другого) значения терминов договора. Процедура определения обычного значения терминов, употребленных в тексте договора, должна осуществляться на

добросовестной основе, исключительно в контексте договора, а также в свете объекта и целей договора.

Подтверждением сказанного может служить практика международных судебных органов. Постоянная палата международного правосудия в своем консультативном заключении по вопросу о компетенции МОТ по регулированию условий труда в сельском хозяйстве подчеркнула, что контекст (договора) — это не просто какая-то отдельная статья или какой-либо раздел договора, в котором употреблен соответствующий термин, а договор в целом. «При рассмотрении вопроса, находящегося на разбирательстве в суде, является полностью очевидным, что договор должен толковаться в целом и что его значение не может быть установлено только на основе анализа какой-то определенной фразы, которая, если ее изъять из контекста, может быть истолкована в более чем одном смысле» ²³⁰.

Международный суд ООН в ходе выполнения своей миссии по толкованию договоров неоднократно ссыался на «естественное и обычное значение», которое следует придавать терминам договора. Достаточно в этой связи назвать консультативное заключение от 28 мая 1948 г. об условиях принятия государства в члены ООН ²³¹; консультативное заключение от 3 марта 1950 г. о компетенции Генеральной Ассамблеи ООН оп вопросу о принятии государств в ООН ²³²; консультативное заключение от 18 июля 1950 г. по вопросу о толковании мирных договоров ²³³; решение от 20 ноября 1950 г. по делу о праве убежища ²³⁴.

²³⁰ CPJ sér. B. N 2/3. P. 23

²³¹ CIJ rec. 1948. P. 62

²³² Ibid. 1950. P. 8

²³³ Ibid. P. 227

²³⁴ Ibid. P. 279

Наибольший интерес представляет позиция Международного суда в консультативном заключении от 3 марта 1950 г. о компетенции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о принятии государств в ООН: «Суд считает необходимым сказать, что первой обязанностью суда, который призван осуществить толкование и применение постановлений договора, является признание им таких последствий, которые бы отвечали их естественному и обычному значению в том контексте, в каком они употреблены. Если соответствующие термины в их естественном и обычном значении, употребленные в своем контексте, имеют разумный смысл, то можно считать весь процесс толкования завершенным»²³⁵.

Изложенные здесь три принципа толкования, прямо или косвенно связанные с принципом добросовестности, носят общепринятый характер. Они следуют непосредственно из п. 1 ст. 31 и составляют собой основу общего правила толкования согласно Венской конвенции 1969 г.

Известно, что проект конвенции, принятый Комиссией международного права ООН в 1964 г., предусматривал, что договор, помимо контекста, объекта и цели договора, должен толковаться в свете норм общего международного права, действовавших в период заключения договора (п. 1 «b» ст. 69)²³⁶. Тем самым устанавливался четвертый принцип толкования, который относился к так называемому интертемпоральному праву²³⁷.

Науке международного права хорошо знакомо арбитражное решение от 4 апреля 1928 г. по делу об острове Пальмас, где

²³⁵ Ibid. P. 8

²³⁶ YILC, 1964. N. Y., 1965. Vol. 2. P. 199

²³⁷ Так называемому — ввиду того, что Комиссия международного права отвергла целесообразность такого временного фактора в специальном постановлении Венской конвенции 1969 г

показано содержание соответствующей нормы права: «Юридический акт должен оцениваться в свете права, действующего в данный момент, а не в свете права, находившегося в силе, когда возник спор в отношении данного акта или когда возникла необходимость разрешения этого спора»²³⁸.

Подтверждение соответствующей нормы международного права можно найти в арбитражном решении от 23 октября 1909 г. по делу «Grisbadarna»²³⁹, в арбитражном решении от 7 сентября 1910 г. о рыболовстве в Северной Атлантике²⁴⁰, в решении Международного суда от 27 августа 1952 г. по делу о правах граждан США в Марокко²⁴¹.

Международно-правовая норма в п. 1 «b» ст. 69 проекта Комиссии международного права от 1964 г., несмотря на общепринятый характер, к сожалению, недостаточно адекватно отражала суть затрагиваемой проблемы, поскольку охватывала только частично вопрос об «интертемпоральном» праве применительно к процедуре толкования. В любом случае юридическая значимость той или иной нормы международного права, применяемой при толковании, зависит от намерений сторон, действующих на основе принципа добросовестности. Поэтому любая попытка сформулировать норму, охватывающую во всех аспектах временной элемент при обращении сторон к процедуре толкования международных договоров, смогла бы создать дополнительные трудности. В конечном итоге осуществление процедуры толкования исключительно на основе принципа

²³⁸ RSA. Nations Unies. N. Y., 1949. Vol. 2. P. 845

²³⁹ Ibid. N. Y., 1962. Vol. 11. P. 159, 160

²⁴⁰ Ibid. P. 196

²⁴¹ CIJ rec. 1952. P. 189

добросовестности является правильным применением временного элемента при толковании.

Вполне логичным было решение Комиссии международного права изъять из окончательного проекта конвенции 1966 г. положение о том, что договор должен толковаться в свете права, действовавшего в момент заключения договора. Учитывая то обстоятельство, что участники договора при обращении к процедуре его толкования вправе сами определять, какие международно-правовые нормы, применяемые в отношениях между ними, должны на практике использоваться при толковании, Комиссия международного права поступила весьма предусмотрительно, включив в п. 3 «с» ст. 21 проекта от 1966 г. (и. 3 «с» ст. 31 Венской конвенции 1969 г.) соответствующее постановление. В конвенции, в частности, сказано, что при толковании наряду с контекстом учитываются «любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками». Таким образом стороны вправе сами определять, какие применяемые в их взаимных отношениях международно-правовые нормы они могут учесть наряду с контекстом при толковании договора.

Толкование на основе принципа добросовестности и в строгом соответствии с постановлениями Венской конвенции 1969 г. предполагает единство процесса толкования. Значимость принципа добросовестности здесь определяется не только должным соблюдением международно-правовых норм при проведении самого процесса толкования, но и помогает обеспечивать его единство, без чего нельзя достичь справедливого результата. Справедливый результат понимается как достижение на основе анализа всего имеющегося материала такого решения, при котором исключительно добросовестными методами было определено истинное значение текста договора.

Единство процесса толкования определяется рядом обстоятельств. Во-первых, это применение аутентичных методов толкования согласно ст. 31 Венской конвенции как единой согласованной операции. Во-вторых, это возможность обращения к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора в качестве дополнительных (к общему правилу толкования) средств толкования. Таким образом образована прочная связь между аутентичными и дополнительными средствами толкования, что и обеспечивает его единство.

Последовательное применение аутентичных и дополнительных средств толкования согласно ст. 31 и ст. 32, лишенное всяких признаков иерархической соподчиненности, представляет собой единый процесс толкования, который обеспечивается юридически обязательной силой принципа добросовестности.

В пользу такого характера процедуры свидетельствуют следующие факты, касающиеся построения ст. 31 об аутентичных средствах толкования и ст. 32 о дополнительных средствах толкования. Во-первых, с тем, чтобы подчеркнуть то, что процесс толкования — это единый процесс, регулируемый на основе принципа добросовестности, и что постановления статьи об аутентичных средствах толкования образуют единое, тесно связанное правило, ст. 31 носит название «общее правило толкования» в единственном числе, а не «общие правила» во множественном числе. Во-вторых, включение слова «контекст» в начало п. 2 ст. 31 (где говорится, что для целей толкования договора контекст охватывает кроме текста, включая преамбулу и приложения: любое соглашение или любой документ, рассматриваемые с общего согласия сторон как относящиеся к договору) предназначается для того, чтобы связать все элементы толкования, упомянутые в этом пункте, со словом «контекст» в п. 1 ст. 31. В равной мере начальные слова п. 3 ст. 31 «наряду с кон-

текстом учитываются» предназначены для того, чтобы включить в первый пункт элементы толкования, зафиксированные в п. 3 ст. 31. Даже упомянутое в постановлениях п. 4 ст. 31 слово «специальное» служит тому, чтобы указать на его связь с нормой, записанной в п. 1 ст. 31.

В том, что касается построения ст. 32 и той роли, которую играют дополнительные средства толкования в обеспечении единства процесса толкования, следует указать, что возможность обращения к дополнительным средствам толкования понимается не в отрыве от применения аутентичных средств толкования по ст. 31, а для того, «чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31».

Принцип добросовестности, выполняя регулирующую функцию, обеспечивает осуществление толкования как единой согласованной операции. Тем самым указанный принцип исключает намеренное игнорирование какого-либо из аутентичных или дополнительных средств толкования с целью получения такого исхода толкования, который в нарушение принципа справедливости был бы выгоден одной из сторон договора.

В рамках своей общей регулятивной функции в процессе толкования принцип добросовестности в силу своей основной направленности запрещает такие действия со стороны участников договора, когда под предлогом двусмысленности или неясности, абсурдности или неразумности пытаются обойти «ясные» обязательства, содержащиеся в тексте договора. На возможность таких злоупотреблений, хотя и без всяких упоминаний о положительной роли принципа добросовестности по их недопущению, правомерно указывал профессор уни-

верситета г. Гейдельберга (ФРГ) Р. Бернхардт в своей специальной работе по данному вопросу ²⁴².

Анализ договорно-правовой практики государств свидетельствует о том, что действительно встречаются случаи, когда после применения всех аутентичных средств толкования согласно ст. 31 не была достигнута ясность в определении значения текста договора. На этот случай предусмотрены п. «а» и «б» ст. 32. Согласно этим постановлениям существует возможность обращения к подготовительным материалам и обстоятельствам заключения договора, но уже не с целью подтвердить значение, вытекающее из применения ст. 31, а для определения нового смысла текста договора, когда толкование в соответствии со ст. 31 «оставляет значение двусмысленным или неясным; или приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

Толкование в соответствии с принципом добросовестности призвано обеспечить выяснения истинного значения текста договора и не может быть средством обхода принятых на себя государством договорных обязательств, а также злоупотребления правом. Логическим исходом процедуры толкования должно быть достижение такого решения проблемы определения смысла текста договора, которое бы отвечало критериям права и справедливости, служило основой для добросовестного исполнения международного договора на всех стадиях его выполнения и недопущения его нарушения.

Международно-договорные отношения миропорядке на основе господства права (Rule of Law) предполагает такой уровень выполняемости конвенционных обязательств, при котором общим

²⁴² Bernhardt R. Op. cit. P. 503

критерием должного поведения выступают принцип добросовестности и принцип взаимности. При этом, если принцип добросовестности проявляет себя через соединение требований формального и востребованного, то принцип взаимности обеспечивает надлежащие гарантии взаимопонимания между контрагентами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действующая институционно-правовая система современного миропорядка, основанная на договорном согласовании волеизъявлений государств как непосредственных создателях и исполнителях договорно-правовых предписаний, юридически дееспособна в плане самостоятельного существования и последующего эволюционного развития.

Юридическая логика представленного заключения понятна. Коль скоро суверенные субъекты международного права сами предметно ориентированы на процесс созидательного образования норм международного права (в формате договорно-правовых предписаний) и последующего всестороннего их выполнения международный нормотворческий процесс обозначен в режиме позитива. Миропорядок на основе верховенства права параллельно с обозначением особой роли Международного права как органа по обеспечению права в общей конструкции верховенства права предметно определены в нормоустанавливающих документах современности (Декларация тысячелетия 2000г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005г.) в качестве действующих реалий современных международных правоотношений. В итоге констатируем. Настоящий миропорядок на универсальном международно-правовом уровне позиционирует себя в формате верховенства права не только как цель, но и в порядке реально существующей модели развития. Международное право ориентировано на предупреждение и последующее санкционирование (через посредство установления соответствующих санкций) за любые случаи невыполнения или недобросовестного соблюдения действующих международно-правовых предписаний. Государства, передавая дело в Международный суд с целью его разрешения на основе права и спра-

ведливости (ст. 38 Статута Международного суда), прямо руководствуются положениями ст. 36 Статута: «К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями». (Выделено нами- Р. К.).

Включение в действующие договоры или конвенции специального положения, предусматривающего возможность передачи сторонами (данного договора и конвенции) дела в Международный суд для последующего его разрешения на основе права и справедливости представляется юридически обоснованным и логически правильным способом урегулирования спора по поводу применения или толкования международного договора и конвенции. Создавая международный договор и конвенцию и параллельно с этим включая в текст обозначенных юридических актов специального положения, предусматривающего возможность передачи сторонами дела в Международный суд, государства- члены мирового сообщества своим юридически значимым правомерным поведением не только вырабатывают соответствующие договорно- правовые нормы, но и через главный судебный орган ООН создают реальные юридические гарантии по их обеспечению. Все это целиком вписывается в формат миропорядка на основе верховенства права. Тем самым юридическая безопасность (совокупность субъективных прав и законных интересов) государств- членов мирового сообщества поддерживается на должном уровне.

Логическая правильность решения сторон- участников международного договора и конвенции включить в текст документа специальное положение о возможности передачи дела (спора по поводу применения или толкования международного договора и конвенции) в Международный суд сразу же снимает вопрос

о компетенции суда. Пункт 1 ст. 36 Статута Международного суда создает собой надлежащую юридическую основу для формирования компетенции суда принять дело к производству и вынести по нему обязательное для участвующих в деле сторон обязательно решение (ст. 59 Статута Международного суда).

Институт специального положения в тексте международного договора или конвенции о возможности передачи дела в международные судебные- арбитражные органы с целью разрешения спора по предмету применения или толкования международного договорно- правового акта на основе права и справедливости являет собой устоявшийся институт в системе современного международного права. Постоянная палата Международного правосудия включала в текст своего Статута специальное положение (аналогичное п. 1 ст. 36 Статута Международного суда), устанавливающее возможность передачи ему сторонами всех дел и всех вопросов, специально предусмотренных действующими договорами и конвенциями.

С учреждением Международного суда ООН институт специального положения в тексте международного договора или конвенции о возможности передачи дела в суд с целью разрешения спора на основе права и справедливости удачно реализовал себя в положениях п. 1 ст. 36 Статута. Показательны, в смысле показа преемственности деятельности Международного суда по отношению к деятельности постоянной Палаты Международного правосудия являет собой положения ст. 37 Статута Международного суда: «Во всех случаях, когда действующий договор или конвенция предусматривают передачу дела Суду, который должен был быть учрежден Лигой Наций или постоянной Палатой Международного правосудия, дело между сторонами- участниками настоящего Статута должно передаваться в Международный Суд».

Таким образом, институт специального положения в тексте международного договора или конвенции о возможности передачи дела в суд с целью разрешения спора по предмету толкования или применения договорного акта на основе права и справедливости показал свою юридическую дееспособность и значимость уже в реалиях миропорядка на основе верховенства права. Последовательная реализация института в заключаемых государствами-членами мирового сообщества международных договорах и конвенциях своим предметным юридическим значением в объективном порядке содействует поддержанию режима верховенства права в системе современных международных правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Венская Конвенция о праве международных договоров" (Заключена в Вене 23.05.1969) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Влияние международного права на национальное законодательство: материалы заседания Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (г. Москва, 24-26 мая 2007 г.) / [отв. ред.: Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров]. – М.: Юриспруденция, 2007. - 486 с.

5. Жданов И.Н. Взаимодействие международного и национального права Финляндии: монография / И. Н. Жданов; под редакцией П. Н. Бирюкова. – М.: Юрлитинформ, 2020. - 165 с.

6. Захарова Н.В. Правопреемство международных договоров диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.10. - Москва, 1974. - 365 с.

7. Имплементация международного гуманитарного права на национальном уровне: руководство / Международный Комитет Красного Креста. – М.: Региональный информационный центр Международного Комитета Красного Креста в Москве, 2010. - 406 с.

8. Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве / Р. А. Каламкарян; АН СССР, Ин-т государства и права. - М.: Наука, 1991. – 188 с.

9. Каламкарян Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств: Р. А. Каламкарян; отв. ред. В. И. Менжинский. – М.: Наука, 1984. - 136 с.

10. Каламкарян Р.А. Право международных договоров. Применение международных договоров во времени и пространстве / Р. А. Каламкарян; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т государства и права Российской акад. наук. – М.: Наука, 2015. – 275 с.

11. Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации" / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; [Звеков В. П. и др.]. - М. : Спарк, 1996. – 227 с.

12. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: [в 2 т.] / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. Т. 1: Заключение международных договоров. - М.: Волтерс Клувер, 2004. - 658 с.

13. Тиунов О.И. Международные межведомственные договоры Российской Федерации: монография / О. И. Тиунов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов; под ред. О. И. Тиунова; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2008. - 247 с.

14. Международное право: учебник для бакалавров: для студентов юридических вузов и факультетов / Р. А. Каламкарян, Ю. И. Мигачев. - 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 631 с.

15. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права / Р. А. Мюллерсон. – М.: Международные отношения, 1982. – 135 с.

16. Право международных договоров : проблемно-тематический комплекс / Международный ин-т экономики и права; [авт.-сост.: Т. Н. Иванова, С. А. Олейник]. – М.: МИЭП, 2016. – 91 с.

17. Руководство по международным договорам / Подгот. Договор. секцией Упр. по правовым вопр. ООН. – Нью-Йорк: ООН, 2002. – VIII, 71 с.

18. Талалаев А.Н. Право международных договоров: Действие и применение договоров / А. Н. Талалаев. – М.: Междунар. отношения, 1985. – 294 с.

19. Талалаев А.Н. Право международных договоров: Договоры с участием международных организаций / А. Н. Талалаев. – М.: Международные отношения, 1989. – 270 с.

20. Тиунов О.И. Выполнение международных договоров Российской Федерации : монография] / О. И. Тиунов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов; отв. ред. О. И. Тиунов; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма, 2011. – 255 с.

Научное издание

Каламкарян Рубен Амаякович,
доктор юридических наук, профессор

Лановая Галина Михайловна,
доктор юридических наук, доцент

**Международный договор
как основа стабильности системы
современных международных
правоотношений**

Редактор
Компьютерная верстка *Тарасова Т. С.*

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Подписано в печать 30.11.2021	Формат 60×84 1/16	Тираж	000 экз.
Заказ № ???	Цена договорная	Объем	11,56 уч.-изд. л.
			17,15 усл. печ. л.
